

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134 - 241X
снегоньим
2•97

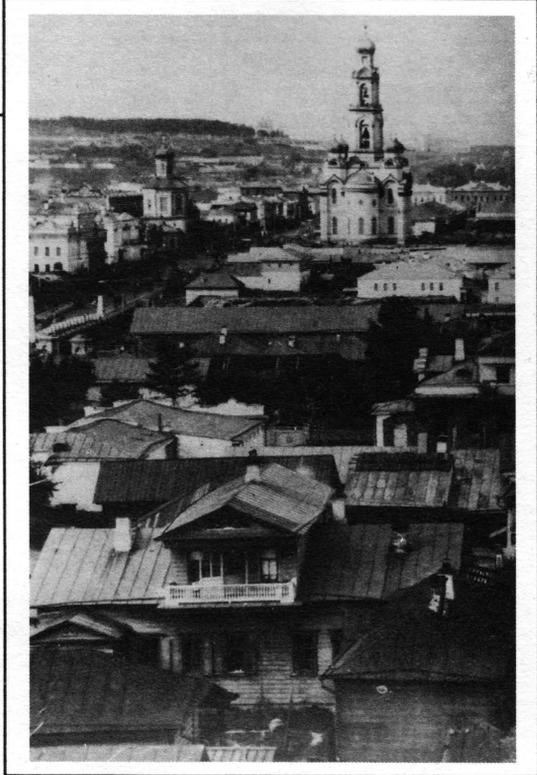

г. Екатеринбург. № 37.
Городская дума, Покровский проспект.

**Дом городского общества:
городские дума и
управа.**
С открытки
«изд. контрагентства
А.С.Суворина и К°.»
1917 г.

г. Екатеринбург. Покровская ул.

**Покровский проспект в направлении
восток-запад.**
С открытки изд. $\frac{AP}{M}$. 1910-е гг.

**Малый (слева) и
большой «Златоусты»
— церковь во имя
Сошествия Св. Духа
и Максимилиановская
под колокольной
церковь.**
С фото 1890-х гг.

**Покровский проспект
в направлении запад-
восток.**
С фото В.Л.Метенкова.
1885 г.

К очерку «ПОКРОВСКИЙ ПРОСПЕКТ».

Редакция:
Герман ИВАНОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО
(зам. главного редактора),
Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

2 '97

УЧРЕДИТЕЛИ:
СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

В номере:

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Ольга ВАСЮХИНА

Адрес редакции:
620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. Декабристов, 67

Телефон редакции: 224-501

Рукописи принимаются
перепечатанными
на машинке
через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Тексты, предоставленные
на дискетах, рассматриваются
в первую очередь.

По вопросам подписки
и доставки
обращаться в районные
отделения
«Россвязьинформа».

Бракованные экземпляры
отправляют
в ИПП «Уральский рабочий»

Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано в печать 13.05.97.
Формат бумаги 84x108/16
Бумага кн.-журнальная
Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,0.
Усл.-печ. л. 8,4.
Тираж 5 000
Заказ № 142.

Все претензии по ошибкам
в тексте предъявлять
редакции журнала
«Уральский следопыт»
Отпечатано с готовых оригинал-
макетов на ИПП «Уральский
рабочий» 620219, Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13

Слайды
на 1, 3, 4 стр. обложки
Николая Перевышина

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1997 г.

Покровский проспект Ю.Сытников, Л.Злоказов	2
Заложники И.Плотников	7
Поэзия А.Шонохов	14
Вывернутая ветка А.Найденов	15

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Два спутника для Марии. Окончание Н. ИПАТОВА	31
Треба К.Ситников	43
Третья сторона медали А.Шустиков	49
Заочный КЛФ	51
Лики пермской старины Г.Наугольных	58
Челябинские древности А.Моисеев	63
Ночной гость О.Щербинина	65
Вошь В.Магарламов	69
УФОлогия М.Шишкин	70
Ветка вереска С.Георгиев	74
Кто во что горазд О.Колпакова	78
Нахимов в фалеристике В.Шарин	80

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

Юрий Сытников Леонид Злоказов

ПОКРОВСКИЙ ПРОСПЕКТ

В “Демидовском временнике” здание под № 46 на улице Малышева в Екатеринбурге приписывается М.П. Малахову. Автор пишет: “...всего вероятнее, что первая из известных нам построек Малахова — городской магистрат на Покровском проспекте (ныне — улица Малышева) в Екатеринбурге. Можно предположить, что здесь был реализован многострадальный проект, разработанный еще для Оренбурга (М.П. Малахов работал в Оренбурге в 1805-1814 гг. — авт.)

Уже в 1809 году на правом берегу реки Исети на 1-й Береговой улице (ныне пер. Салтыкова-Щедрина) за Екатеринбургским заводом было завершено строительство усадьбы Якова Рязанова, одного из представителей богатого купеческого рода.

Примерно через год на Покровском проспекте чиновники уселись за свои столы в новом городском магистрате.

Уже в этих ранних екатеринбургских постройках отчетливо проявляется присущая лишь Малахову трактовка классических архитектурных форм”.

Но все дело в том, что здание магистрата к указанному времени уже благополучно стояло на своем месте. И не первый год.

Обратимся к документам.

“Подан мая 31 1799 года В Екатеринбургскую Градскую

думу Градского старосты Алексея палкина Рапорт.

Вчерашнего числа Екатеринбургским купецким и мещанским обществом о купленном Градским главою с избранными от общества поверенными у гаспажи титулярной советницы Филанцеты (очевидно — Филлицаты. — Авт.) Турчаниновой каменном доме (учинен приговор) чтоб оной для помещения полкового постою исправить ...состоящий по течению реки Исети направо стороне против церкви Иоанна Златоустого на углу в соседстве с одной стороны Екатеринбургского купца Петра Дубровина здругой же купцов Дубровиных деревянным домом”. (ГАСО, ф.8, оп.1, д.89)

Подчеркиваем — 1799 год. Именно тогда был “учинен приговор” о покупке дома. Уже готового дома! Продажа состоялась позже — 11 февраля 1802 года Турчанинова продала дом за 3400 рублей городской думе уже под городской магистрат.

Но еще раньше Турчанинова приняла этот дом в заклад за 3000 рублей у екатеринбургских купцов Ивана и Петра Дубровиных — 25 ноября 1793 года! Залоговые деньги в срок возвращены не были, и 28 июня 1796 года Турчанинова стала владелицей дома. Готового дома!

Приняв за год рождения М.П.Малахова — 1781 или даже, как утверждают некоторые исследователи, — 1780 год,

мы установим: когда дом заложили, Мише Малахову было 13 лет!

Значит, вопрос о его авторстве отпадает сам собой.

А 1-й Береговой улицы в Екатеринбурге 1809 года не было. Как нет сейчас и переулка Салтыкова-Щедрина. На плане Екатеринбурга 1788 года эта улица названа — Аврамовская, а на плане 1810-го — Аврамовская. Но никак не 1-я Береговая, которая появилась на плане 1845 года под названием — 1-я Набережная. И только с 1880 года стала называться — 1-я Береговая улица. Сейчас — переулок Щедрина.

Кстати, даже свой собственный дом, копия которого стоит сейчас на улице Луначарского, Малахов строил по одному из “высочайше апробированных” (утвержденных. — Авт.) фасадов. Об этом он сам писал в прошении 25 мая 1816 года.

Дело в том, что типовое и повторное строительство — отнюдь не изобретение нашего времени. В 1809-1812 годах были изданы пять альбомов под общим названием “Собрание фасадов, Его Императорским Величеством высочайше апробированных для частных строений в городах Российской империи”. Его ввели в действие указом от 31 декабря 1809 года. Потом появился альбом типовых проектов заборов и ворот. Да-да, именно так! Частные дома можно было строить

только по проектам из “Собрания фасадов”. Мог ли казенный служащий, каким в то время был М.П. Малахов, послушаться царского указа?! Мы уверены — не мог!

Это присказка, читатель. Собираясь “прогуляться” по Покровскому проспекту, мы решили начать с самого старого здания, которым и оказалась бывшая городская дума. Скорее всего, здание построено в конце 1780-х годов.

Так — Покровский проспект. Улица названа по северному приделу первой в Екатеринбурге приходской церкви — во имя Сошествия Св. Духа.

Официально проспект появился на плане Екатеринбурга, утвержденном в 1845 году Николаем I. Он протянулся почти строго с запада на восток и стал второй по значению улицей после Главного. По нему проходила южная граница завода и, позднее, монетного двора. Располагалось здание городского управления — думы и городской управы. Именно в здании на углу Покровского проспекта и Дубровинской улицы.

А стартовал проспект от западной окраины города — одноименной улицы Московской.

Активная жизнь начиналась ближе к центру — у перекрестка с Тихвинской улицей (ныне — улица Хохрякова). Здесь в угловом здании размещалась известная всему городу “специальная мастерская железных кроватей В.Б.Бархина”. В 1906-м мастерская уже называлась “слесарно-кроватьная и решетчатая”. А 12 февраля 1908 года газета “Слово Урала” сообщила, что “Мастерской решетчатно-кроватьного производства В.Б. Бархина в Екатеринбурге на парижской выставке прижуждена за железные изделия

большая золотая медаль”. Очевидно, речь шла о Парижской всемирной выставке 1907 года.

На углу Покровского проспекта и Успенской улицы (ныне — Вайнера) начиналась торговая площадь. Это лавки, лабазы, магазины, палатки, столы... Это крик, шум, божба, ругань, обиды и еще много-много всего. Это рыба, мясо, зелень, ведра, горшки, ягоды, коромысла, грибы, самовары, дичь, икра, галоши, платье, обувь, “настоящее галлипольское деревянное масло”, масло скоромное (мы его теперь называем — сливочное), “капустное крошево” (квашеная капуста), воды, водки и водички, наливки, вина, оби, нитки, валенки... Не перечислить всего, что продавалось на торговой площади Екатеринбурга, южной границей которой был Покровский проспект!

На северо-западном углу перекрестка Покровского и Успенской, в двухэтажном доме Агафуровых, некто Ионов и Алин держали меховую торговлю. В 1908 году здание перестроили, и в нем разместился магазин общества “Проводник”, торговавший изделиями из резины, в том числе — галошами.

В корпусе Соколова, на северо-восточном углу перекрестка, в магазине Ицковича бойко шла торговля “королевскими сельдями”. Имя короля не упоминалось, но сельди раскупались и так.

Этот корпус начал строить камышловский купец И.Г.Бойцов “под торговые помещения” в марте 1910 года. Кроме торговли Ицковича и Соколова, здесь с 1 июля 1912 года разместился магазин “Парижский Шик”, который был “ассортирован последними выпусками изящных новостей как то: блузы, верхние и нижние юбки, капоты, матине и

детские наряды. Имеющиеся на складе батистовые платья и полотняные костюмы уже пущены по дешевым ценам”.

Какое женское сердце не дрогнет при чтении этого объявления!

Дальше на восток, за зданием общественного банка*, стояли до Уктусской улицы торговые лавки. Правда, в 1912 году за одно лето на северо-западном углу перекрестка Покровского проспекта и Уктусской улицы вырос двухэтажный магазин Н.М.Королькова с продажей “...обуви, шляп, шапок, фуражек и дорожных вещей”.

А на юго-восточном углу стоял заметный двухэтажный, крыльями и на восток, и на юг, дом купца 2-й гильдии И.И.Ермолаева. В самом доме и флигеле размещались винный и два фруктовых погреба, два бакалейных и обувной магазин, две лавки — чайная и керосиновая, парикмахерская, часовая и ювелирная мастерские и маленькая булочная. Так было в 1888 году. Закрывались одни магазины, зато открывались другие. В доме всегда было полно покупателей. Но летом 1912 года И.И.Ермолаев продал все свое на этом месте недвижимое имущество “Товариществу Н.М.Бардыгина Н-к” (Наследник. — Авт.).

Он рьяно взялся за дело. Чтобы навсегда осушить подвалы, затопляемые подземной речкой Акулинкой, провел канаву до р. Исети. Чуть ниже Уктусской (ныне — улица 8-го Марта) рабочие наткнулись на двойное захоронение. Вызвали полицию и духовенство. После скорой панихида останки перезахоронили в правой стене канавы — как раз под тротуаром возле нынешнего “Рубина”.

* См. «УС» 1996 № 10-12.

Рядом с домом Ермолаева, восточнее его, стояли три каменных двухэтажных. В одном можно было выпить вина, в другом — пива. В третьем купить порошки от головной боли — здесь помещалась аптека Василия Линдера. Дом стоит и по сей час на улице Малышева под № 40. И в нем по-прежнему — аптека. Старожилы ее так и называют — “Линдеровская”.

На юго-западном углу перекрестка Покровского проспекта и Уктусской улицы стояло ветхое деревянное здание. Последний его владелец — купец 1-й гильдии Михаил Федорович Рожнов держал водочную торговлю. Только в Екатеринбурге он имел четыре трактира, три ренсковых погреба и две винные лавки.

За Уктусской улицей проспект открывался двумя церквями: справа — церковь во имя Сошествия Св. Духа, слева — Максимилиановская под колокольнею. С этой следует познаться чуть ближе.

Деревянный Екатеринбург начала прошлого столетия часто горел. Особенно сильные были пожары 1818 и 1839 годов. И как раз в местах, близко расположенных к Покровскому проспекту — между Уктусской улицей и р. Исетью аж до самого Сибирского проспекта (ныне — ул. Куйбышева). Одна часть пожара, там, где теперь дендропарк, так и не была застроена, ее преобразовали в Хлебную площадь. Вторая часть — между Хлебной площадью и Покровским проспектом мало-помалу снова ожила. Некоторые дома целы и поныне.

Вот что писал пермский губернатор главному начальнику горных заводов Уральского хребта по поводу пожаров 1839

года: “...До сведения моего дошло, что в Екатеринбурге в ночи на понедельник, 25 Сентября, был пожар, а в понедельник 25 числа найдено объявление, прибитое к столбу, что пожаров будет еще 40 и будут побиты генералы; вслед за сим в среду в 3 часа по полудни вспыхнуло пламя в Уктусской улице, подле дома градского главы, от которого огонь распространяясь обнял 30 домов, причем загорелась и церковь Иоанна Златоустого, но усилием народа отстояна и сгорели у нее только куполы, дома же граждан истреблены до основания...а ночью пойманы два человека, готовые к поджогу, которые и переданы будто бы военному суду...”

Развив бурную деятельность, екатеринбургская градская полиция сумела выявить и арестовать группу поджигателей. Что-то около 20 человек. Люди — разные: дворовые, мастеровые, мещане. Почти все объяснили свои действия тяжелым и несправедливым обращением с ними хозяев и начальников.

Так вот во время пожара колокольня церкви во имя Сошествия Св. Духа настолько обгорела, что ею уже нельзя было пользоваться. Пришлось сделать временную деревянную звонницу — она до 1867 года стояла на Покровском проспекте (почти прямо против входа в нынешний “Дом контор”). Когда колокола перенесли на вновь построенный храм, на месте звонницы установили деревянную часовню. Потом заменили ее на мраморную и 9 мая 1903 года освятили. Торговому дому “Бр. Степановы” часовня обошлась в 5000 рублей.

После пожара прихожане обгоревшей церкви обратились

к главному начальнику горных заводов генералу В.А.Глинке с прошением: разрешить постройку нового приходского каменного храма — в память посещения Екатеринбурга в 1845 году герцогом Максимилианом Лейхтенбергским.

24 июля 1876 года освятили новую колокольню. Так появилась Максимилиановская под колокольнею церковь. На саму новую церковь, как всегда, не хватило средств. К тому же “оказалось”, что и “старый храм крепок и поместителен”.

Так и стояли друг против друга старая и новая церкви, называвшиеся в быту малый (Сошестввенская) и большой (Максимилиановская) Златоусты, пока их не взорвали в 1930 году.

И вот мы опять у дома № 46. В нем в разное время, кроме городских думы и управы, помещались: городской общественный банк, сиротский суд, ремесленная и мещанская управы, страховое общество, городская аптека и т.д., вплоть до фруктового магазина “Бахчисарай”.

В зале думских заседаний, на втором этаже, собирались представители, как правило, купеческих фамилий. Были и чиновники, и мещане, но в значительно меньшем числе. Так же, как врачи и священнослужители.

И какие фамилии!

Анфиногеновы, Казанцевы, Береновы, Лагутяевы, Рязановы, Бородины, Дмитриевы, Коробейниковы, Ермолаевы, Первушины, Степановы, Кривцовы, Холкины, Волковы, Макаровы... Всех не перечесть.

И, конечно, незабвенный Илья Иванович Симанов — городской голова с 1884 по 1894 год. Отдавший городу не только свои силы, но и состояние. И

капиталы жены. Екатеринбург, как и вся Россия, знал много таких людей. И хотя Илья Иванович оказался “неудачником”, горожане много лет спустя вспоминали его добрым словом. Приказчики в магазинах — за то, что Симанов добился в думе ограничения торговли в воскресные и праздничные дни. Бедные невесты — что получали помощь из фонда, созданного Симановым на собственные средства. Извозчики — что крепко взялся он за благоустройство. Бродяги — за ночлежный дом. О его деятельности известно почти все. О нем самом — очень мало. Его жизнеописание еще ждет своего часа...

Рядом с городской думой, под № 48 находился дом известного всей России винного заводчика А.Ф.Поклевского-Козелл. Сейчас этот дом почему-то нумеруют 46-м.

Следующей на Покровском проспекте была городская богадельня (теперь здесь музей изобразительных искусств), а до того — городская же больница. А еще раньше — казармы местной воинской команды. Это были два здания, стоящие параллельно друг другу и перпендикулярно р. Исети. В 1876 году их освободили от постоя войск и одно после перестройки стало больницей “на 40 кроватей” (обратите внимание: не коек, а кроватей!). 38 — для лечения больных, 2 — для роженец. 30 кроватей было бесплатных и 10 за плату — 25 коп. в сутки.

Вскоре больницу перевели в новые здания на Северную улицу (ныне — Челюскинцев), а здесь разместилась городская богадельня. Она получила и второе здание и надстройкой объединила оба в один корпус.

Больница и толкучий рынок — плохое соседство. А таковой как раз и размещался между Уктусской улицей и р. Исетью на глазах у городской думы, которая констатировала “безобразия, делаемые посетителями харчевни чиновника Кисарева”.

Прежде чем ступить на Каменный мост, обратим внимание на “Гостиницу для приезжающих” мещанина Г.М.Александрова. Позже она стала называться “Европейской” и перешла в другие руки.

А Каменный мост, как писала газета “Екатеринбургская неделя”, “...построен в 1847 году при главном начальнике В.А.Глинке на счет горного ведомства...”. На самом деле мост построен в 1840-41 годах, а позже — благоустраивался. Проект — архитектора Э.Сорториуса. Уже более ста лет соединяет мост западную и восточную части города. И похоже, еще долго будет играть свою роль.

За мостом на правой стороне в 80-х годах прошлого столетия под № 56 стоял дом мещанской вдовы Евгении Суставовой. В 1905 году место купил купец 2-й гильдии Г.И.Жуков и выстроил двухэтажный дом — от р. Исети до 2-й Береговой улицы (ныне — ул. Горького). В 1908 году дом перекупил М.Д.Мередин, от которого он перешел к купцам братьям Макаровым в 1913 году. В разное время здесь размещались: гостиница Ф.Н.Маевской “Эрмитаж”, ресторан “Звезда”, кинематограф “Рона”, типография, мастерские, магазины.

И.И.Рона соблазнял горожан тем, что “... с 9 мая (1910 года) в кинематографе будет показываться “пасхальная неделя в Екатеринбурге”. Картина изготовлена самим г. Рона... Особен-

но удачны снимки “перегрузил-ся” и “христосующиеся дети”.

На правой стороне проспекта между 2-й Береговой и Разгуляевской (позже — Гоголя) в домах Рукавишника и Бурдакова помещались: прачечная, фруктовый магазин, различные мастерские, парикмахерская. У Бурдакова с января 1887 года открылась “художественная фотография”. Владелец — М.Г.Гейнрих — обещал “цены умеренные” и ручался “в художественном исполнении заказов”.

Следующий квартал — между Разгуляевской и Златоустовской (ныне — ул. Р.Люксембург) — занимали имения купца Волкова, на углу с Разгуляевской, и купца Холкина, на углу со Златоустовской. Квартал этот сохранился до наших дней почти без изменений. Разве что исчезли под тяжестью времени некоторые архитектурные детали зданий.

На большой усадьбе П.В.Холкина было два дома. В одном из них — углом — помещалась старейшая в городе “Американская гостиница с номерами” (ныне в здании — художественное училище). Во втором в разное время находились кондитерская и парикмахерская. Газета “Рудокон” за 17 июня 1898 года писала, что “...около ресторана г. Холкина, находящегося при Американской гостинице, толпятся почти постоянно, до 12 часов ночи, пьяные, загораживающие тротуар и критикующие прохожих довольно нецензурными выражениями, а рядом, в маленьком доме г. Д., внизу поселились две особы женского пола, зазывающие на немецком и русском языках проходящую молодежь “выпить бутылку пиф”...для особ с подобной развязностью

есть “известные пункты”, а не центр города...”

Действительно, “известные пункты” имели к Покровскому проспекту прямое отношение. Некоторые из них, самые претенциозные и дорогие, находились на самом проспекте у пересечения с Водочной (ныне — ул. Мамина-Сибиряка). Другие — на Коковинской, Кузничной и Обсерваторской — вблизи Покровского проспекта. В 1910 году все “заведения” Екатеринбургa постановлением думы были переведены на Малаховскую площадь (ныне — пл. Энгельса).

Дом № 35 на нынешней улице Малышева (впрочем, на Покровском проспекте номер был тот же) — известен булочной Ивана Христофоровича Гофмейстера, позже — с 1911 года — его сына — Христиана Ивановича. В этом же доме долгое время принимал больных знаменитый не только в Екатеринбургe врач-отоларинголог Б.М.Бродовский до покупки собственного дома. В конце 1914 года в дом Гофмейстера въехала “Первоклассная художественная фотография Ф.С.Мурдасова...”

Рядом под № 37/1, на углу перекрестка с Соборной, позже Пушкинской, стоял деревянный одноэтажный дом купца А.Персиянинова. В 1910-м дом уже имел владельцем П.Флоринского. Магазин готового платья Флоринский держал в этом доме еще в 1900 году. В начале декабря 1913 года в новый трехэтажный дом П.Фло-

ринского, выстроенный на той же усадьбе, въехала лечебница врачей-специалистов, занявшая два верхних этажа: “...Помещение гораздо обширнее прежде занимаемого... Единственный недостаток...наличность довольно высокого подъема по лестницам для больных...” (газета “Зауральский Край”).

Первый этаж (вход со стороны Покровского проспекта) занимал книжный магазин М.Д.Блохиной. До этого он помещался “наискосок” — в доме Волкова (№ 68 — на нынешней улице Малышева).

В доме напротив (№ 39/2), принадлежавшем “Товариществу А.Печенкина и К”, находилась банкирская контора этого товарищества. Она выполняла все виды банковских операций и принимала вещи в залог. В 1893 контора, по словам служащих, обанкротилась, но скрывала это “радостное” событие до 1904 года. По ликвидации имущества кредиторы получили по 10 копеек за каждый вложенный рубль. В отличие от нашего времени — хоть что-то.

На пересечении с Вознесенским проспектом (ныне — ул. Либкнехта), Никольской (ныне — Белинского) и Златоустовской Покровский проспект расширялся в площадь. В центре ее, где сейчас маленький скверик, находились винные и соляные магазины (так раньше назывались склады) Уральско-горного правления.

После ликвидации горного правления надобность в скла-

дах миновала, и они тихонько ветшали. Местные католики добились разрешения на постройку на этом месте костела, который и был построен. Освящение состоялось 4 ноября 1884 года*.

Для полноты картины следует добавить, что Покровский проспект был единственной улицей в городе, по которой много лет паровозы таскали вагонные составы. 24 октября 1884 года городская дума приняла решение о проведении вдоль Покровского проспекта железнодорожной ветки от станции Екатеринбург-II к мастерским Екатеринбургско-Тюменской железной дороги, которые размещались на месте бывших Монетного двора и механической фабрики (теперь здесь — Исторический сквер). С конца 1885 года составы появлялись или исчезали в воротах, каменные стойки которых сохранились до сих пор на углу улицы Горького и Покровского проспекта.

Дальше, на восток, на проспекте стояли только дома обывателей. Ничем не примечательные одно- и двухэтажные, редко каменные, чаще — полукаменные и в массе — деревянные. Последние — ближе к окраине города, которая ограничивалась односторонней 2-й Восточной улицей (ныне — Восточная улица). Этой же 2-й Восточной ограничивался и Покровский проспект.

* См. “УС” № 3-6, 1996 г., с. 265

СПЕЦХРАН

Иван Плотников

ЗАЛОЖНИКИ

Решение большевистской власти о введении практики заложничества и красного террора было принято, подписано наркомом внутренних дел Г.И.Петровским и опубликовано в "Известиях" 4 сентября 1918 года. Но документ не был включен в свод советских законов и декретов. Он попросту замалчивался. Между тем заложничество практиковалось на местах гораздо раньше. Факт применения заложничества "красными" и ответный шаг "белых", о котором пойдет речь, относится к июлю 1918 года. Он известен только в общих чертах и в искаженном виде.

Расправа в Николо-Березовке

Спешно отступая из Уфы, красные захватили в качестве заложников более 20 человек. Это были лидеры и просто члены местных политических организаций, чиновники, общественные деятели, представители интеллигенции. К ним присоединили взятого в плен чехословацкого офицера и журналиста из Австро-Венгрии.

Всех поместили в трюм баржи и буксиром отправили вниз по течению Белой, затем по Каме в направлении Сарапула. По пути к ним добавили еще десяток жертв произвола, и таким образом в партии заложников оказалось 33 человека. Мы имеем возможность перечислить их поименно.

Старостой группы заложников назначили графа П.П.Толстого — лидера местной организации кадетов, издателя либеральной газеты "Уфимская жизнь". В числе заложников были председатель Уфимского губернского комитета эсеров, врач Д.И.Тарновский; кадет, директор частной гимназии, член Российского поместного собора А.Ф.Ница; кооперативный деятель, заведующий Уфимской продовольственной управой эсер Р.Р.Форстман; бывший начальник уездной милиции при Временном правительстве Ауэрбах; наборщик, прибывший из Поволжья, анархист Козелло; журналист Г.М.Редер; тюремный надзиратель А.А.Маковецкий; чехословацкий офицер И.Каргер. Остальные, преимуще-

ственно представители интеллигенции, были местными жителями, в основном русской национальности. Среди них — единственная женщина, С.П.Хитровская.

Насколько удастся установить, никто из этих лиц, кроме Каргера, в активных действиях против большевиков не участвовал.

Заложников взяли без определенной цели, "на всякий случай". Главным инициатором акции местная пресса белых позже назовет Б.М.Эльцина, председателя губревкома и губисполкома. Конвойную команду из мадьяр и австрийских немцев возглавил некто Зырянов, отличавшийся особой жестокостью.

В те июльские дни 1918 года в Приуралье стояла жара. Металлический корпус баржи раскалился. К тому же трюм был пропитан рыбой и не проветривался. У заложников не было даже подобия постели. По нескольку дней им не выдавали пищи. Питались тем, что сохранилось у некоторых от передач родных и близких. Иногда охрана открывала люк. Заложники поочередно сидели на ступеньках лестницы, ведущей к нему, дышали чистым воздухом.

Так баржа на буксире проследовала мимо Бирска в Каму. Подошла к крупному селу Николо-Березовка. На борт пришел местный комиссар, бывший офицер Деев, ужаснулся положению заложников и приказал перевести всех в каменное здание училища. Сменил конвой. Но передышка длилась недолго — всего три дня.

Зырянов и другие конвоиры связались с чекистами Сарапула. Оттуда с командой матросов прибыл председатель Чрезвычайной следственной комиссии. Деева и его помощника за гуманность к “врагам революции” в ночь на 8 июля казнили. А заложников вернули в трюм баржи. Оставили и прежний — зыряновский — конвой.

Баржа с заложниками оставалась в Николо-Березовке еще некоторое время. Зыряновцы и матросы обшарили одежду заключенных, их вещи, забрали деньги. В частности, у Каргера — 24 тысячи рублей, у Ницы — 4 тысячи (принадлежавших не ему, а его гимназии). Отобрали продукты, которые тут же поделили конвоиры. Каргер решительно протестовал.

Но это оказалась лишь прелюдия. В люк крикнули: “Каргер, выходи, получай деньги!” Люк за ним наглухо закрывается. Потом “за деньгами” вызывается Ница, а затем поодиночке еще 8 заключенных: П.П.Толстой, Д.И.Тарновский, Ауэрбах, Г.М.Редер, Р.Р.Форстман, А.Н.Полидоров, А.А.Маковецкий, Козелло. Кто-то из них понимал, что над ними творят физическую расправу, кто-то тайл надежду на спасение. Форстман, как вспоминали оставшиеся в живых, рычал, точно лев, запертый в клетку: “Расправляются как с баранами, поодиночке...” Хотя ни один из десяти не вернулся, у многих заложников и в это время, и позднее оставалась вера в то, что их товарищей, вероятно, избili, куда-то увезли, но они еще живы.

Напрасно! Дюжие молодцы набрасывались на очередную жертву, убивали ее и сбрасывали в воду. Осечка случилась лишь однажды. Игорь Каргер был молод, силен и готов к неожиданностям. Получив тяжелые увечья, он все же вырвался и, бросившись за борт, смог выбраться на берег Камы и бежать. Он первый несколько прояснил вопрос об участии уфимских заложников. Но и Каргер не знал конкретно о судьбе остальных. Некоторые их родственники долго не хотели слышать о смерти близких им людей, даже возражали против публикаций в газетах. В их числе были ожидающие, графиня Е.А.Толстая и Л.И.Ауэрбах.

После казни девяти заложников и побега Каргера остальных 7 августа той же баржей отправили в Сарапул. Сначала поместили в большой камере вместе с другими заключенными. Затем перевели в другую. Спали на голых нарах. Голодали. Некоторые тяжело заболели и попали в больницу, откуда и были освобождены. Это: Г.А.Бусов, К.Б.Джелалов, А.М.Каминский, Ш.Манатов, И.А.Пантелеев, А.С.Успенс-

кий, С.П.Хитровская и А.С.Щербинин. 15 человек остальных увезли в Вятку. Для них извращением стали начавшиеся переговоры об обмене заложниками между красными и белыми.

Ответный ход белых

Белые, заняв Уфу в июле 1918 года, задались целью в свою очередь подобрать группу заложников из таких людей, на которых советские власти наверняка разменяют взятых ими. Ставку сделали на жен и близких родственниц крупнейших деятелей Советской республики, а также Уфимской губернии.

Заложницами распоряжался уполномоченный Комитета членов Учредительного собрания (Коммуча) по Уфимской губернии правый эсер В.П.Гиневский.

Из документов администрации Уфимской губернской тюрьмы удалось установить, что заложницами в Уфе были: Н.А.Подвойская, М.П.Цюрупа, В.Н.Брюханова, Л.Ф.Юрьева, Н.Д. и М.В.Архангельские, С.М.Эльцина, Е.П.Иванова, М.Петрова и Э.Кактиль. Подвойская — жена Н.И.Подвойского, председателя Высшей военной инспекции РККА. Цюрупа — жена А.Д.Цюрупы, наркома продовольствия РСФСР. Брюханова — жена Н.П.Брюханова, заместителя наркома, затем — наркома продовольствия РСФСР, члена Совета Труда и Обороны. Иванова — жена члена партии левых эсеров, главнокомандующего Восточным фронтом М.А.Муравьева. (Когда белые узнали о поднятом именно им антисоветском мятеже и смерти, его жену, правда, не сразу, освободили). Юрьева — жена А.А.Юрьева, председателя Уфимского губернского Совета народного хозяйства. Архангельские — жена и дочь В.В.Архангельского, комиссара Уфимского губернского революционного комитета. Эльцина — жена С.М.Эльцина, как уже отмечалось, председателя Уфимского губернского ревкома и губисполкома. Кактиль — сестра В.Г.Данберга, командующего архангельским отрядом в партизанской армии В.К.Блохера. Кто такая М.Петрова, чьей родственницей она была, установить пока не удалось.

Почти все женщины имели детей. Матерям разрешали с ними встречаться, особенно с совсем малолетними. Официально дети не считались заложниками, но фактически ими оказывались, и белые в своих расчетах это несомненно учитывали.

Заложниц содержали в арестном доме и в губернской тюрьме. Уфимская губернская тюрьма была одной из крупнейших на Урале. Число

заклученных в ней, в основной массе политических, достигало 2 тысяч и постоянно “обновлялось”. Часть отправляли “поездами смерти” в Сибирь и на Дальний Восток, часть расстреливали. В камерах и коридорах было холодно, грязно. Царила скученность, кормили плохо. Правда, заложниц содержали не так, как большинство других заключенных, особенно, когда они находились в арестном доме. Попыток, избиений, насколько удалось установить, не применяли. Кормили их сносно. Беспрепятственно разрешали передачи. Объяснялось это не гуманностью белых, а целью — заложниц взяли для обмена. Отношение местной общественности к заложникам было неоднозначным. Одни требовали освобождения женщин из гуманных соображений, особенно с учетом того, что страдают их дети, другие — ужесточения режима, а по получении сведений о казни большевиками части уфимцев, — расстрела “большевичек”.

В печати было опубликовано заявление Уфимского губернского комитета партии правых эсеров. В нем говорилось: “За последние дни в Уфе произведен ряд арестов членов семейств видных советских деятелей. Эти аресты возбуждают в городе много толков, и мы считаем своей обязанностью высказаться по поводу их.

Разумеется, к большинству из арестованных обвинения предъявить нельзя, и арест их является мерой чисто политического характера, ответом на захват советскими властями, при бегстве их из Уфы заложников из числа видных общественных деятелей.

Не должно быть ни малейшего сомнения в правильности сделанного шага ни с моральной, ни с практической точки зрения...

Мера воздействия на них может быть только одна: внушить им убеждение, что от карающей руки мстители никуда не уйдут, ни они сами, ни близкие им. И привести эту меру в исполнение не только наше право, но наш долг, как политический, так и нравственный”.

Загадка Нины Подвойской

А теперь остановимся на судьбе Н.А.Подвойской и ее детей. Она выпадает из общей сюжетной канвы и освещена в литературе просто неправильно.

Вначале имя Подвойской фигурировало в списках заложниц, причем, как правило, в “голове” их, а затем напрочь исчезло. При официальных переговорах и в документах по обмену

ее имя отсутствует. Что же произошло с Ниной Августовной Подвойской и ее детьми?

В Уфе Подвойская оказалась весной 1918 года. На нее и группу старых большевиков была возложена отправка из голодного Петрограда в продовольственные районы страны, в том числе в Уфимскую губернию, детей рабочих, красногвардейцев, ушедших на фронт, а также беспризорных. Она захватила с собой и своих дочерей — Олесю (Ольгу), Лиду и Нину (сын Лева, семи лет ездил по фронтам вместе с отцом).

По воспоминаниям* дочерей известно, что в 17 верстах от Уфы в Миловке была основана трудовая детская колония. А.К.Комаровская вспоминает: “Принципами колонии были самообслуживание, труд и полное доверие к детям. Вспоминаю, что все хозяйственные шкафы не запирались. Сначала случались кражи. Что-то из имущества колонии появлялось на рынке в Уфе, но не помню, чтобы виноватых разыскивали или наказывали. Со временем кражи совершенно прекратились. Коллектив воспитателей был подобран исключительно хорошо. Было двое мужчин, остальные женщины... Воспитатели ни днем, ни ночью не расставались со своими подопечными группами. С утра ходили на полевые и огородные работы, копали, сеяли, пололи и т.д. Спали в общих с ребятами комнатах. Какая-то дежурная группа оставалась варить обед, мыть полы, стирать. После работы ходили вместе купаться на старицу реки Белой”.

С приходом белых Подвойская была сразу же арестована и заключена в тюрьму вместе с младшей дочерью. Старших дочерей удалось спрятать в надежных уфимских семьях.

Возникает любопытный и непростой вопрос: каким образом уже в августе Нина Августовна оказалась на свободе? Судя по воспоминаниям К.Т.Новгородцевой-Свердловой, дело, якобы, было так: “Яков Михайлович поддерживал постоянную связь с большевистским подпольем в тылу врага. Он руководил действовавшими там подпольными организациями, пересылал им указания ЦК, средства, направлял людей. Одному из товарищей, отправлявшемуся в район Уфы, Свердлов поручил установить связь с уфимскими большевиками и попросить их сделать все возможное для освобождения семьи Подвойского.

...Поручение Якова Михайловича было исполнено. Уфимцам удалось организовать Нине Ав-

*Приводятся воспоминания А.Н.Подвойской-Свердловой, О.Н.Подвойской, а также А.К.Комаровской, хранящиеся у автора.

густовне побег, они же помогли ей вместе с ребятами тайком выбраться из Уфы. Перебравшись через линию фронта, Нина Августовна совершенно случайно встретила в Балашове прибывшего туда Николая Ильича. Подвойский был бесконечно рад избавлению своей семьи, но так никогда и не узнал, какое участие принимал в этом Свердлов”.

Воспоминания К.Т.Свердловой вошли в литературу. Но по-прежнему нуждается в выяснении вопрос об обстоятельствах освобождения Н.А.Подвойской. Был ли побег из уфимской тюрьмы, о котором пишет также В.Ф.Федоров: “Уфимские большевики устроили ночной побег из тюрьмы Нины Августовны и ее годовалой дочки. Олесю и Лиду прятали у знакомых подпольщиков, которыми руководил курский соловей Иван Павлуновский”? Как видим, упоминается даже непосредственный руководитель операции — видный участник Октябрьского восстания в Петрограде, с августа 1918 года работавший в ВЧК, начальник особого отдела 5-й армии И.П.Павлуновский.

Между тем, О.Н.Подвойская отмечает: “Лично мне было известно только то, что в Уфу приезжал с поручением вызволить из тюрьмы маму и других арестованных хорошо мне известный (по совместной работе с моим отцом в дореволюционное время) Константин Антонович Комаровский-Данский, член РСДРП(б)... Мы слышали о его напряженных усилиях добиться успеха”. “В памяти же А.К.Комаровской, — продолжала О.Н.Подвойская, — остался рассказ о том, что ее отец привлек к операции освобождения близкого к партии большевиков князя с двойной фамилией, которому удалось договориться то ли с командованием чехословацкого корпуса, то ли с администрацией тюрьмы о выпуске из тюрьмы, под его ручательство, нескольких женщин”.

Сама же А.К.Комаровская рассказывает о своем отце нечто другое: взяв отпуск, он, по своей инициативе поехал в Уфимскую губернию, чтобы навестить семью, но в пути узнал, что Уфа уже захвачена белогвардейцами, сошел у линии фронта с поезда и, пешком перейдя в сельской местности линию фронта, добрался до Миловки, встретился с семьей. Далее Комаровская, действительно, отмечает, что ее отец, действуя в Уфе через князя В.А.Кугушева, добился освобождения “на поруки” Н.А.Подвойской, которая вместе с семьей К.А.Комаровского и детьми из Миловки, на повозках, “ночуя в домах баш-

кир”, перебралась в с. Набережные Челны, на советскую территорию.

Имел ли Комаровский поручение освободить Н.А.Подвойскую или по личной инициативе подключился к операции по ее (и своей жены) освобождению — остается неясным. Правдоподобным представляется и помощь В.А.Кугушева, который в то время находился в Уфе. Во всяком случае бесспорно, что Кугушев был занят в операции по освобождению остальных заложников, но гораздо позднее.

Как видим, в приведенных нами воспоминаниях не идет речь о “ночном побеге”, вообще о “побеге” из тюрьмы, устроенном подпольщиками. В воспоминаниях уфимских подпольщиков сведений об организации побега Подвойской из тюрьмы (или кого-либо вообще из заложников) тоже не встречается. И мы приходим к заключению, что К.А.Комаровский совместно с кем-то, возможно, с И.П.Павлуновским, организовал не побег, а освобождение Н.А.Подвойской из тюрьмы. “Нажать на пружину” должно было какое-то весьма влиятельное лицо, ибо решение об освобождении было официальным.

Выявленные автором документы говорят о следующем. Комиссия по проверке оснований внесудебных арестов при коменданте г. Уфы (комендантом был чехословацкий офицер Рибенда) 2 июля (документы датируются по старому стилю), то есть, 15 июля приняла такое решение: “Рассмотрев протоколы допроса Нины Августовны Подвойской и Янины Ивановны Комаровской и ввиду отсутствия данных к привлечению их к ответственности за какое-либо уголовное или военное преступление, а потому и за отсутствием оснований к дальнейшему содержанию их под арестом, — постановил: Нину Подвойскую и Янину Комаровскую немедленно освободить из-под стражи, о чем сообщить начальнику Уфимской тюрьмы”. Постановление было выполнено. Мы узнаем об этом из отношения исполняющего должность начальника тюрьмы в подвижную комиссию от 3-го, то есть 16 июля: “Сообщаю комиссии, что гражданки Янина Комаровская и Нина Подвойская... сегодня... июля из-под стражи вверенной мне тюрьмы освобождены”.

Я.И.Комаровскую заложницей не числили. Следствие и власти не располагали сведениями о том, что ее муж — тоже маститая фигура у большевиков, поскольку он с губернией связан не был.

Обмен

По освобождении Подвойской, а позднее Ивановой, в заложниках числилось восемь женщин. Особую ценность для белых представляли жена и семья Цюрупы. О ней, ее положении больше всего сведений и отложилось.

После отъезда мужа в Москву Мария Петровна Цюрупа, закончившая курсы кооператоров, организовывала кооперативы и преподавала в г. Бирске Уфимской губернии. А приход белых застал ее с тремя детьми в Уфе. Старший сын Митя уже вступил в Красную армию и находился на фронте. 15-летний Петя с другом скрылся в лесу. Мария Петровна с младшими Валею, Димой и Севой уехала в Семеновку, что в нескольких десятках километров от города. До революции семья подолгу жила в близлежащем Узенском хуторе (д. Бекетово) — имении князя В.А.Кугушева, часто наведывалась в Семеновку в семью врача А.П.Файвилевича, который сейчас уже там не работал. Медсестра семеновской больницы сообщила белым о “жене комиссара Цюрупы”. Марию Петровну увезли в Уфу и заключили в арестный дом. Дети вернулись в уфимскую квартиру. Младший из сыновей — В.А.Цюрупа вспоминал: “Тюрьма была близко и мы каждый день ходили к маме на свидание в “арестный дом”. Но у нас в комнате братьев Мити и Пети стояли постоем казаки. 13-летняя Валя их боялась и ночевала у знакомых. А меня, как это ни удивительно сейчас звучит, водили ночевать к маме, в тюрьму, потому что не с кем было оставить”.

Так продолжалось день за днем, неделя за неделей. Женщин беспокоило не столько настоящее, относительно безопасное для жизни, сколько будущее. Они были заинтересованы в переговорах об обмене заложниками. И в этом смысле контактировали со своими тюремщиками. Их мужья в Москве какое-то время не знали ни о заложницах в Уфе, ни о судьбе заложников, увезенных в Сарапул и Вятку. Несомненно, что инициативу переговоров об обмене взяли на себя уфимские белые власти. Из Уфы через линию фронта 18 августа полетела радиogramма:

“Всем. Всем. Всем.

...В Уфе арестованы жены видных большевиков и некоторых комиссаров, в их числе находятся жены комиссаров продовольствия Цюрупы, Брюханова, Юрьева.

Ставим в известность, что судьба арестованных в Уфе будет зависеть от судьбы увезенных большевиками”.

В другой радиogramме уже прямо говорилось о возможном расстреле заложниц в Уфе, если немедленно не будут возвращены заложники красных.

Скорее всего из этих радиogramм, а возможно, и из других источников о взаимном уфимском узле заложничества стало известно международной общественности, прежде всего иностранным дипломатам в России. 2 сентября за подписями датского, нидерландского, норвежского, шведского и швейцарского консулов была разослана радиogramма с протестом против заложничества, угроз расстрела невинных людей, так как это “противоречит международному праву”.

В Москве дело решалось на высочайшем уровне. Свердлов передает по прямому проводу в штаб 3-й армии: “Сообщаемому из Уфы списку заложников, вывезенных в Сарапул значатся... Предлагаю принять строжайшие меры их безопасности ввиду предполагающегося ближайшее время обмена. Отвечайте”.

Запрос эвакуировавшимся в Вятскую губернию бывшим руководителям-большевикам направляет и А.Д.Цюрупа. А 20 августа сарапульскому совдепу шлет телеграмму и сам председатель Совнаркома В.И.Ленин: “Ввиду предполагаемого обмена содержащихся под стражей в Сарапуле уфимских заложников предлагаю принять меры к сохранению жизни арестованных”.

Одновременно устанавливается контакт с уфимскими властями. Свердлов привлекает иностранные дипломатические круги, Международную комиссию Красного Креста, подыскивает людей из буржуазных кругов, иных патрией. В делегацию Красного Креста, которую возглавил англичанин Дж.Кечпул, включили видных кадетских и общественных деятелей А.К.Клафтона и Н.А.Бородина, а также, чтобы не возникало материально-финансовых проблем, — самарско-симбирского коммерсанта А.А.Щербакова. Им выдали документы, предоставили отдельный вагон, который для быстрого и беспрепятственного продвижения к фронту надлежало прицепить к воинскому составу. Для пущей безопасности до Симбирска делегацию сопровождал А.И.Свидерский, видный большевик Уфимской губернии.

Делегации поручили вступить в переговоры об обмене заложниками, осуществить его, а также оказать заключенным женщинам и их детям немедленную материальную помощь. На дорожные расходы и помощь заложницам советское правительство выделило большую сум-

му. Бородин вспоминает, что в обстановке голода и дефицита, они и в Москве, и в пути питались мясными продуктами, отменной рыбой и икрой.

Поездка состоялась в августе-начале сентября. На фронте в Поволжье наступил перелом. Уже не белые, а красные перешли в наступление. Успеху способствовало и письмо Свердлова комиссару 4-й армии В.В.Куйбышеву, коему предписывалось оказывать группе всяческое содействие.

Н.А.Бородин, спустя годы, довольно подробно описывает поездку. В Уфу прибыли в середине сентября, о чем извещала и местная печать. О поручении советского правительства и международного Красного Креста мемуарист пишет так: “Занялись мы в Уфе и... делом по обмену заложников. Добились от военных властей свидания с арестованными комиссарскими женами и их знакомыми. Щербаков передал им присланные из Москвы деньги, мы сообщили им о положении дела и обещали поскорее двинуть дело обмена. Сидели они все вместе в большой зале частного дома, обращенного временно в арестный дом, видимо, ни в чем не нуждались и ни на что не жаловались. Только добивались скорейшего освобождения. Затруднение же... заключалось в том, чтобы установить списки подлежащих обмену арестованных лиц с обеих сторон, получить по радио, так как других способов сообщения с Москвой не было, — согласие советского правительства на обмен и, главное, согласие доставить московских арестованных на фронт, причем и чешская сторона обязывалась доставить уфимских арестантов на фронт, где и должен был быть произведен обмен.

Мы составили довольно длинный список находившихся в заключении в Москве лиц разных партий, помню, что во главе списка стоял Н.М.Кишкин, который перед нашим отъездом в Москву был арестован, — и передали чешскому штабу для сообщения в Москву по радио. Долго что-то мы ждали ответа. Если память мне не изменяет, был, наконец, получен ответ, протестующий против нашего большого списка и настаивавший на безусловном и немедленном освобождении комиссарских жен, на что ни мы, члены комиссии, ни чешский штаб не соглашались...

Между тем, под давлением красных Уфа начала эвакуироваться и вскоре перешла к большевикам, так что и вопрос об обмене был ис-

черпан: заключенные остались в Уфе и были уже среди своих. Наша формальная миссия под флагом Красного Креста была закончена, а мы, конечно, при создавшихся условиях, и не подумали возвращаться в Москву”.

Кое в чем Н.А.Бородин весьма неточен. Во-первых, обмен все же состоялся, во-вторых, главную роль в нем играли не чехословацкие военные власти, а русские белые — военные и гражданские, и, в-третьих, ведущей фигурой был представитель международного Красного Креста Дж.Кечпул.

Итак, 12 сентября Наркомпрод получил радиogramму следующего содержания:

“Т.т. А.Д.Цюрупе, Н.П.Брюханову, А.А.Юрьеву.

На Ваш запрос отвечаю, что за неподчинение и сопротивление конвою при вооруженном нападении прапорщик Деев с целью освобождения заключенных, конвоем при исполнении служебных обязанностей в пути были расстреляны кроме вышеупомянутого Деева из числа арестованных”... И далее следовали имена шести из восьми человек, убитых на барже (не считая сумевшего бежать Каргера). Информация была лживой, перепроверять ее не стали. В переговорах с Уфой изобразили дело так, будто не располагают данными о судьбе заложников и убийстве части из них. Искали верный ход к спасению своих жен, вплоть до расширения круга лиц, включаемых в группу для обмена. А.Д.Цюрупа направил в Уфу, в адрес “Совета управляющих ведомствами” радиотелеграмму:

“Совет народных комиссаров решил произвести решительное расширение в вопросе обмена заложниками... О многочисленных, названных по памяти курьером из Уфы, заложниках в Москве ничего не известно, наведенные же справки никаких результатов не дали. О некоторых же лицах удалось установить, что они уже освобождены. Арестованные в Москве Советом были заключены под стражу не как заложники, а как люди, посягнувшие на советскую власть. Часть их давно освобождена, следствие прекращения дела. Остальные, вероятно, будут освобождены на днях. Арестованный в Саратове бывший самарский городской голова Сергей Пермяков освобожден более месяца назад, в настоящее время состоит на службе в Народном Комиссариате по продовольствию. На свободе находится также Федор Колесов. Что касается перевезенных из Вятки в Москву уфимских заложников, то четверо из них — Зеленцов, Шу-

бин, Коншин и Алгазин как люди преклонного возраста освобождены. Остальные уфимские заложники, как уже перевезенные в Москву, так и те, которые будут перевезены сюда, в виду данного Советом народных комиссаров согласия заинтересованным лицам, будут освобождены и получают возможность выехать в Уфу тотчас после получения подтверждения об освобождении заложников, содержащихся под стражей в Уфе”.

Совет управляющих, рассмотрев эту телеграмму, постановил “освободить заложников, находящихся в Уфимской губернской тюрьме, и требовать от советской власти освобождения остальных заложников. С освобожденных будет взята подписка о невыезде из г. Уфы”.

Заложницы были освобождены из-под стражи... В свою очередь советское руководство тоже предпринимает реальные шаги по выполнению своих обязательств. По распоряжению Ленина и Свердлова живых заложников выявили, сосредоточив в Москве и Вятке (последняя группа состояла из арестованных в Бирске и Мензелинске). По получении сведений об этом, Свердлов направляет в Вятку телеграмму:

“Вятка, губисполком, председателю, 10 октября 1918 г.

...Немедленно вышлите Москву распоряжению ЦИК надежной охраной всех заложников... За их безопасность и неприкосновенность возлагаю личную ответственность начальника конвоя. Исполнение телеграфируйте.” Для завершения акции обмена решено было послать Вячеслава Александровича Кугушева.

Князь Кугушев — личность совершенно особенная даже для тех, во многом трудно объяснимых, лет. Будучи студентом Лесного института в Петербурге, он включился в активную революционную работу, вступил в социал-демократическую группу Благоева. Многократно арестовывался, отбывал ссылку, бежал за границу. Получив большое наследство, тяготел к либеральному течению. Вступил в партию Народной свободы и одновременно — в масонскую ложу. В 1906-1910 годы был выборным (от Уфимского земства) членом Гоеударственного Совета. Всегда был близок к большевикам, выполнял их поручения, оказывал материальную помощь. Видный большевик А.Д.Цюрупа был управляющим его имением в Уфимской губернии. В свою очередь после Октября наркомпрод Цюрупа принял Кугушева в свое ведомство...

В.А.Кугушев, обладавший широкими связями, в том числе в Уфе, как нельзя лучше подхо-

дил для роли посредника, мог при надобности использовать не только либеральные, но и масонские каналы. Ему был выдан документ, помеченный 23 ноября. “Настоящим Президиум ВЦИК удостоверяет, что гражданину Вячеславу Александровичу Кугушеву поручено организовать обмен заложниками, находящимися в Уфимской тюрьме, и вывезенными из Уфы и находящимися в распоряжении Советского правительства.

Все органы Советского правительства приглашаются оказывать В.А.Кугушеву необходимое содействие.

Председатель ВЦИК Я.Свердлов. Секретарь ВЦИК В.Аванесов”.

По-видимому, Ленин счел это удостоверение недостаточным и 28 ноября послал телеграмму в Симбирск, в штаб 5-й армии: “Завтра выезжает в Симбирск Кугушев, уполномоченный Всероссийского Центрального исполнительного комитета для обмена заложников с Уфой.

Предлагаю оказать ему всяческое содействие, выдать надлежащие документы для беспрепятственного переезда через фронт совместно с сопровождающим гражданином Шубиным”.

В.А.Кугушеву при таком мощном содействии удалось благополучно перейти фронтовую линию. По прибытии в Уфу он успешно завершил переговоры. По его указанию заложников переправили через линию фронта, они были доставлены в Уфу и приняты без претензий. Уфимских заложниц и детей освободили окончательно. Власти дали гарантию, что они будут неприкосновенными. Все вернулись в свои семьи, квартиры. Уфа накануне нового 1919 года была занята красными. Некоторые остались в городе, другие уехали к мужьям в Москву.

Нам остается сказать об обратной переправе в середине ноября 1918 года через линию фронта самого В.А.Кугушева. На сей раз он едва не погиб. Вероятно, документы, выданные ему в Москве, белые изъяли. Он имел лишь удостоверение, подписанное белыми властями — с печатью с двуглавым орлом. Увидев такой документ, как потом рассказывал В.А.Кугушев, красноармейцы приняли его за шпиона и заперли в сарай, пообещав расстрелять, как только утром вернется председатель ревтрибунала. И такой исход не был исключен. Но председателем ревтрибунала оказался член большевистской партии, латыш, отбывавший в свое время вместе с Кугушевым ссылку...

Андрей Шонохов

«Хлопья памяти да снега в узелке моем...»

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Все это прошлое, прошлое, прошлое...
Сколько ни помни о нем.
Ты посторонний, далекий, непрощеный
в собственном доме своем.

Вот и живи после этого! Жалуйся
первому встречному... Срам.
Нужно кому-то, скажите, пожалуйста,
был или не был ты там?

Был или не был... Оранжево-синие
блики плывут в образах.
Там на крестах огни Эльма, там иней,
там облака на крестах.

Там воскресения Вербные, вербные
веточки возле икон.
Там для души интерьеры отменные,
но — скорбный вид из окон.

Там хоть молочные реки, хоть сточные —
в Лету по ним не уплыть!
Только пешком. Только мысленно...

Хочешь ли,
можешь ли веру продлить
верностью прошлому?

Прошлые, прошлые
вербные слезки зимы —
не расцветут ли? Я верю в хорошее,
мне были вещи сны.

ВРЕМЕННАЯ НЕБЫЛЬ

Снег идет. Душа светлеет.
Вымерзает грязь желаний.
Я плыву пустой аллеей,
я плыву в ладье преданий.

И легка моя дорога —
без часов, без рук, без хлеба.
В узелке моем немного...
Хлопья памяти да снега.

Кристаллические воды
сострадания не знают:
по весне, по несвободе
предадут меня, растают.

Сквозь потоп, сквозь грязь, сквозь слово
прорастут мои былинки,
мне от плаванья былого
не оставив ни слезинки.

ДОЛГАЯ ПТИЦА НОЧЬ

Ночь возвращается, присная птица.
Ночь приютится в пустой тишине.
Мне бесконечное прошлое снится.
Ночь, что ты знаешь о завтрашнем дне?

Ты на крыле своем вольная в небе,
машешь не мне — восходящим мечтам.
Я разломлю свои тяжкие хлебы.
Я протяну их к твоим небесам.

Ты хоть попробуй мое угощенье,
хоть покружи над безлюдным столом.
Если мне будет хоть шанс на прощенье,
ты мне махни неприметным крылом.

ПУТЬ КАК БУДТО

Ночь уходящим правит спины.
Пол моет лужица луны.
И в том, что я тебя покинул,
нет ни моей, ни чьей вины.
Уходим все.

В Молочный Путь!
Распутицей судьбы...
И ветрам беспрерывно дуть
и задувать следы.

Чтобы идущим по пятам
предстало все с начала.
Как будто из земли вон там
креста и не торчало!

Как будто не было среди
копящих небо звезд
ни откровения любви,
ни утешенья слез...

Как будто не было меня —
с бедой моей, с мечтой.
Как будто и не умер я,
а был всегда такой.

ЯЗЫЧЕСКИЙ ИСХОД

Горимое — сгори,
стань воздухом и пеплом,
и обними планету —
без имени, без дат.
Зачем земная жизнь
былому человеку
в крестах, серпах и звездах —
в прочтеньи наугад?

Ты изошел на жизнь,
на ветер да на веру —
отныне и до веку
без имени,
без дат.
Зачем земная была
болит в висках?
Наверно...

там,
на твоей планете,
начался листопад.

ЦЕЛЛОФАНОВАЯ ГРАМОТА

Зашуршал зашифрованный ветер
спелым воздухом древних гробниц —
капилляры открылись в портретах,
акварель осыпается с лиц.

Значит, время свое не уступит,
хоть ты новую эру назначь...
Клинописную азбуку в ступе
разотри в глинозем и упрячь

под асфальт, под заборы, под зданья —
странным образом видим ее.
Говоря про вторичность сознания,
понимаем: оно вторсырье,

из него возникают заводы,
заводные машинки, и сны,
и другая материя — вроде
бюстов разных вождей и цены.

На пустяшный вопрос не ответить,
не прочтя с клинописных таблиц,
не раскрыв целлофановый ветер
за гардинами глиняных лиц.

Александр Наиденов

Рисунки Татьяны Злоказовой

ВЫВЕРНУТАЯ

Рассказ

Ветка

1

Старичок Иван Афанасьевич Артюк, писарь городского Комитета ветеранов Отечественной войны, однажды днем сидел в помещении Комитета, уперев локоть о крышку стола, щекою утвердившись на ладони, и пригорюнясь смотрел в окно.

Там был виден мотаемый сильным апрельским ветром реденький куст сирени, который то пригибался на сторону, за косяк, и пропадал с глаз, то, вспружинив, распрямлялся и опять раскачивался в окне, царапая голыми обломанными ветвями по комитетскому грязному стеклу.

— Сильнейший какой ветер сегодня, — мысленно разговаривал сам с собою Иван Афанасьевич, — должно быть, погода сменится наконец... надует к нам тепло... да... земля запреет... в апреле земля прет...

Кустик-то, кустик как крутит — ой!.. весь исклестался, сердечный... Чахленький, отрасли ему не дают. Ему нужно бы цвести всю каждое лето, пчелок подманивать к себе, мошек, — только где там: едва кисти созреют — разломают его весь на букеты...

Куст в это время снова хлестанул по окну, и Иван Афанасьевич обратил внимание на кончик ветки, болтающийся на обрывке коры.

— Ветки-то вывернуты, как пальцы. Правильно говорят это... как пальцы сломанные.

Ивану Афанасьевичу была свойственна некоторая излишняя чувствительность — он ясно представил себе, как больно сирени, у которой надламывают ветки, и ощутил ныющую боль в своих собственных пальцах. Сочувственно покачал кусту головой.

Фраза о том, что у деревьев изламываются ветки, как пальцы, принадлежала писателю Льву Николаевичу Толстому, в чьем романе «Война и мир» Артюк ее увидал.

Иван Афанасьевич Артюк сегодня был очень расстроен, и расстроен второй раз с начала этого года.

В первый раз Иван Афанасьевич расстраивался еще зимою. Именно из-за этого самого романа «Война и мир». Так случилось, что зимой он попросил внучку свою, десятиклассницу, принести почитать какую-нибудь хорошую книгу. Книгой оказалась «Война и мир».

Получив роман, Иван Афанасьевич под вечер уединился на кухне, протер очки и поднял обеими руками книгу к глазам. Он внимательно прочитал имя и фамилию автора и название произведения, потом положил книгу перед собою на стол, отогнул корочку и обнаружил за нею желтый, весь украшенный мелким коричневым узором плотный лист. Удостоверившись, что ничего на нем не написано, Артюк поклонявил два пальца и перевернул его. За ним оказалась уже белая страница — не плотная, а обычная, тонкая, лишь с одной надписью, сделанной наверху, которая опять сообщала фамилию автора и название романа. Иван Афанасьевич почитал ее и хмыкнул. Он перевернул этот лист и увидел две белые, почти пустые страницы, по центру

левой их них был нарисован в овале поясной портрет очень бородатого пожилого мужчины с кривыми морщинами на лбу; бородач стоял на портрете скособочась, скрестив руки, ладонь одной руки сунув под мышку, а другою ладонью обхватив эту засунутую руку повыше локтя. На первой странице — хотя шрифтом и покрупнее предыдущего, — но в третий раз извещалась все та же знаменитая фамилия автора и все те же слова: “Война и мир”, да еще было добавлено: тома 1 и 2, и фраза: Москва, “Советская Россия”, 1991 год, — вот и все.

— Да что у них, бумаги, что ли, немеряно? — возбужденно подумал Артюк. По роду своих занятий в Комитете, он был в курсе, сколько нынче стоит бумага.

Старик перевернул еще один листок, за которым на пустой белой странице нашлась только надпись: Том первый.

Текст романа, как и следовало ожидать от такого отношения издателей к делу, начинался лишь с середины шестой страницы.

Иван Афанасьевич прошелся взглядом по строчкам первого абзаца — и перестал шевелить губами: он ничего не понял. Выяснилось, что знакомы ему только слова: “Мой верный раб” и “Ну здравствуйте, здравствуйте”. Роман написан был очень странно. Чуть ли не вся страница была пропечатана по-французски. Русский перевод давался тут же, внизу страницы, но такими мелкими буквами, что разобраться в них оказалось решительно невозможно.

— Ай да книжечку принесла мне внучка, а? Ну и ну... Хотя, чего же и ждать от девчонки? Им ведь всем только французское подавать...

Вообщем, роман как-то сразу не понравился Ивану Афанасьевичу, и слова эти — “Мой верный раб” — тоже как-то сразу от себя его оттолкнули, и немедленно вспомнилось школьное затверженное: “Мы не рабы, рабы не мы”.

Артюк бы и не стал читать дальше, но заняться было нечем, да и жене он уже объявил, что принимается читать по вечерам книгу. Потому Иван Афанасьевич отправился в комнату к жене и попросил, чтобы она одолжила ему свои очки.

Жена Ивана Афанасьевича, очень пухлая, круглолицая старуха, по имени Евдокия, смотрела телевизор, не хотела их отдавать и даже поворчала на Ивана Афанасьевича:

— Ишь, кни-ги затеял читать!.. уче-ным стать хочет!.. Не зна-ю, что ты надеешься этим доказать...

Но все-таки сунула ему очки, а сама перебралась со стулом вплотную к телевизору.

Вернувшись на кухню, Артюк и свои, и ее очки прикрепил на нос, этим обострив свое зрение, и начал разбирать перевод.

Ничего особенного в этом переводе не содержалось, и непонятно стало Ивану Афанасьевичу: что, разве сразу по-русски это напечатать было нельзя?

Наполеон натворил что-то в Генуе, и теперь его заочно ругала хозяйка петербургского великосветского вечера “известная Анна Павловна Шерер, фрейлина и приближенная императрицы Марии Феодоровны”.

— Фрейлина и приближенная императрицы, — иронично повторил Иван Афанасьевич, — ох, и интересно, то, что нужно как раз... для девчонки.

Допоздна, уже жена ушла спать, а Иван Афанасьевич все шевелил губами над книгой, но вот наконец и он лег в постель, выпрямил под одеялом свое маленькое, сухонькое тело около тучной, обдающей жаром жены.

Улегшись, Иван Афанасьевич долго не мог уснуть, тихонько вздыхал и глядел в темный потолок.

— Ну, и что там пишут? — неожиданно у него спросила жена.

— Так, — ответил ей Иван Афанасьевич, — сказка, — и Иван Афанасьевич снова вздохнул.

Да, безо всякого сомнения, все, о чем сообщала книга, являлось чистойшей выдумкой, причем — выдумкой нелепой, никому не нужной, а кое для кого даже вредной.

Ведь если вникнуть, вот что было написано в начале романа.

К важному лицу, к князю, пристаёт на вечер во дворце в Петербурге невесть как сюда пробравшаяся, никому не нужная, обедневшая женщина, требует у него что-то для своего сына Бориса и, в довершение всего, держит этого саванника, чтобы от нее не ушел, за рукав.

Как это понимать? А понимать это надо так, что ничего такого на самом деле и быть не могло. Гхе-гхе-хе-хе... Вот поехал бы он, Иван Афанасьевич, к примеру, — пускай не в столицу даже, не на званый вечер, а хотя бы в областной центр к губернатору — требовать себе что-нибудь... Кто, ну скажите, кто бы его пустил внутрь государственного учреждения? Охрана-то что, по-вашему, там делает? Кто бы ему позволил приблизиться к губернатору — уже не говоря о том, чтобы его хватать за рукава? Да нет же —

при первом движении Ивана Афанасьевича отеснили бы его от губернатора в сторону, повалили на пол, скрутили бы ему, голубчику, руки.

Вот так могло быть. А более никак...

Вовсе не то Ивана Афанасьевича расстраивало, что в романе был изображен вымысел. Вовсе нет...

“Книга, она и есть книга, фантазия, так сказать, — размышлял в темноте Иван Афанасьевич, лежа возле супруги в постели. — Что ж ребятишек-то в школе заставляют такое учить? Зачем это им? Он вот сам — старый человек, пообтерся среди людей, пожил, и разобраться в этой книге сумеет, не запутается, что тут к чему, — но внучка его, она ведь еще ребенок, она-то, прочитав эту книгу, что может подумать? Что вот так допустимо ей запросто, если что не по ее выходит, прыгать через все головы — хоть к кому, хотя бы даже к министру, добиваться от него что-то, напирать на свое “я хочу”. Но сколько же тут появится случаев натворить ошибок, всю жизнь себе искорежишь, пока наконец поймешь, что твоё “я” меньше ногтя на мизинце у того министра — а ты его за рукав хватать! Э-гхе-гхе...” — и Иван Афанасьевич, беспокоясь за внука, вздыхал опять.

На другой день он продолжил читать роман. Артюк достиг того места в нем, где двадцатипятилетний мальчишка, адъютант Кутузова, командира русского отряда в союзной армии, придумал некий свой план Аустерлицкого сражения и настойчиво ищет способа ознакомить с этим, никем от него и не требуемым планом и Кутузова, и своего непосредственного начальника, и всех остальных союзнических генералов.

Прочитав об этом бесстыдстве, Иван Афанасьевич захлопнул книгу и задвинул ее на шифоньер, дальше с глаз.

“Что сочиняет автор! — растерянно думал Иван Афанасьевич. — Ну что он пишет?! И никто якобы не посмеялся над нахальным мальчишкой, никто не оборвал этого наглеца! Нет, не правда это, не правда. Я сам в армии служил, я знаю: вот попробовал бы наш командир взвода поучать чему-нибудь в войну хотя бы командира роты — о-о! Да что он, с ума разве если бы сошел, а так — ни за что! Да и кто его слушать станет? Скажут: “Ах, ты такой-сякой! Пришел наставлять?! Вот когда будешь командиром роты — приходи, а пока идите отсюда, товарищ!” Вот и весь разговор. А здесь-то — к каким порядкам молодежь подзуживают? Адъютант, молокосос суется к главнокомандующему со своим

планом! Его дело — пакет какой-нибудь доставить, куда велели, доложить командующему, кто у него в приемной дожидается, помочь, может быть, командующему прицепить саблю к поясу, а то — план сражения!

Нет, друг!.. Послужи-ко покуда как адъютанту пристойно, а вот когда командующий отметит, на что ты способен, до чего ты дорос, тогда он тебе и поручит: составь-ка мне план! Только тогда, а не раньше!

Зачем же, позвольте узнать, эту книгу печатали? Кто-то же ведь распорядился, чтобы ее напечатали, начальник какой-нибудь — не сама же она появилась на свет?!

Ребятишки — им разобраться в жизни и так не просто — зачем же их еще специально путать? Вот такими книгами, как будто темной повязкой, глаза им завязывают — и выпускают ребятишек в жизнь, а опасности там на каждом шагу... Они же слушаться того, что начальство велит, и сообразно себя вести, быть может, и не против совсем были, так что же начальство-то как будто над ними еще и глумится, с пути сбивает?

Нет, не может быть, чтобы нарочно глумились... тут ошибка какая-нибудь”, — думал Артюк.

Иван Афанасьевич начал вспоминать лица встреченных им за время его жизни начальников. Разные это были лица: одно лицо — молодое, взволнованное, остальные все — старые, строгие, требовательные лица, пытливо всматривающиеся в него усталыми, воспаленными глазами, не было глумления в этих глазах: измученность, надсада, затравленность даже была, была муть какая-то в них от употребления водки — а глумления...

Молодое и взволнованное лицо принадлежит младшему лейтенанту Овчинникову. Вот он наклонился над Иваном Афанасьевичем и за шинель рвет его подняться с земли:

— Вставай! Поднимайся, Артюк! мать! В атаку! Ур-ра-а!..

Иван Афанасьевич неловко бежит за ним следом с трехлинейкою наперевес и видит впереди себя слабо запорошенное снежком, с воронками, с выкорчеванными взрывами и разбросанными по снегу черными комьями мерзлой земли — поле. Младший лейтенант Овчинников уже не кричит, оглядывается на бегущих за ним в атаку солдат, он запыхался, держит пистолет не над головой, а у пояса, и даже через полушубок заметно, как сутул этот вчерашний студент...

Старое лицо директора совхоза — это уже после войны, — оно с желваками на серых скулах, и эти желваки вздрагивают, движутся, все время движутся. Хотя, казалось бы, что им не двигаться? Лицо директора, обращенное на Артюка, преисполнено участия к нему. А в то же время чувствуется и какая-то потаенная начальственная в нем строгость...

— Агроном у меня есть, даже два, — говорит ему прокуренным басом директор, глядя участливо и двигая желваками. — А кладовщика на зерновом складе нету. Кто тебя надоумил просить направление на рабфак? Ленка, что ли? Ага, я так и думал... Мало ли, что она считает... Будет вот на моем месте, покрутится в моей шкуре — вот тогда и считай на здоровье, а покудава обожди... Так и передай ей. Да вы женитесь, говорят, что ли, затеяли? Ну, ну...

Вспомнилось маленькое, курносое, но тоже до чрезвычайности строгое лицо отца:

— А я тебе говорю, что не будешь ты на ней жениться, не будешь! — кричит перед Иваном Афанасьевичем его отец и, поднеся кулачок к самым ноздрям своего сына-фронтовика, визгливо спрашивает: “Чуешь, чем пахнет?”

— Тебе, Ваня, на ней жениться не след, — спокойно и раздумчиво беседует с ним его отец в другой раз. — Ты вот сам посуди, парень. Старше она тебя, Ленка — это первое; а второе — не пара она тебе. Дурь у ней такая сидит в голове, Ваня — ты пуще огня берегись ее слов. Что станет она говорить тебе, ты не слушай, — знай, что это она тебя с панталыку сбить хочет. На что она тебя настропала? Ну, ты посуди сам: какой ты к чертям собачьим художник? Давай, волокита сюда эти картины свои.

Отец Ивана Афанасьевича, сдвинув их на край, отлепляет от стола тяжелую стопку стекол, на которых нарисовал его сын картины, относит эти стекла во двор и расколачивает их обухом топора.

Тут уже заодно вспомнилось тонкое, красивое лицо Лены, нарисованное им на стекле, на том стекле, которое, единственное, он от отца утаил.

— Не знаю, что ты хочешь этим доказать! — произносит вскоре после свадьбы круглолицая его жена Дуся, обнаружив у него этот портрет, забирает и вытаскивает портрет из избы — навсегда, беспомину...

— Нет, глумленья раньше и на миллиграмм не чувствовалось в начальстве, — размышлял Иван Афанасьевич за обедом, медленно всовы-

вая ложку с едой в рот, стучая металлом ложки о зубные протезы. — Может быть, это у нынешнего начальства появилось, уже теперь?..

Утром следующего дня Ивана Афанасьевича Артюка можно было увидеть на очищенной от снега пешеходной дорожке к зданию городской администрации. Иван Афанасьевич, делая вид, что прогуливается здесь, наблюдал.

Из вырулившей на стоянку иностранной машины поднялся высокий, одетый в каракулевую зимнюю шапку и в черное кожаное пальто, не пожилой еще мэр.

Сначала он почти что пробежкой устремился к зданию, но увидев Артюка, покосился на него, откинул плечи назад, кожаный портфель свой крепче прижал к боку и последовал мимо старика медленнее, степенней.

Многое что выражало лицо этого рослого мэра: удовлетворение от того, что он — мэр, радость энергичного мужчины, ощутившего от скорой ходьбы на утреннем, щемящем щеки воздухе свое здоровье и силу; после того, как он обратил свое внимание на Артюка, лицо его изменилось — радость незаметно растаяла, заменившись озабоченностью о службе, — настолько отчетливо выраженной, что Ивану Афанасьевичу стало сразу понятным: это только так кажется, что мэр, как обычный смертный, просто идет — в действительности на ходу решает он сложные очень проблемы, в том числе — и о них вот, о стариках...

Но глумления не было в этом лице, не было, не было! И хоть предстал Иван Афанасьевич перед мэром сейчас в весьма расстроенных чувствах, все же улыбнулся он робко навстречу мэру своими замерзшими, негнувшимися губами.

Как же, однако, быть с внучкой? Опасность ведь оставалась — и хуже всего, что невозможно было найти ответ, почему обрушивалась на детей эта опасность, и защититься от нее также оказывалось нельзя. Не запретишь же ведь внучке посещать школу.

Более, чем две недели, старик вздыхал и по-нурившись смотрел в землю.

Измучивши сам себя, наконец он уже и рад был как-то выбросить из головы, забыть этот противный, неразрешимый вопрос. Но беспокойство не отпускало, и так просто избавиться от него было нельзя. Наконец Иван Афанасьевич вытащил из чулана лыжи, обтер на них пыль и, стараясь не реагировать на супругу, которая в клубах инея высунулась в сенки из двери дома,

чтобы прошипеть у него за спиной: “Не знаю, что ты хочешь этим доказать!..” — с лыжами в руках покинул двор.

За городом Артюк надел на валенки лыжи и, проминая ими снег, побрел к лесу, темнеющему на холме неровным частоколом, тотчас позади выгона.

В лесу Иван Афанасьевич не решился удалиться от края поля, потому что волки, которые, как известно, зимою голодные, могут кружить у города, — некогда он слышал такие истории, — приблизился к первой, хотя и вихлеватой стволом сосне, обнял ее, прижался щекою к шершавой коре, постоял немного с зажмуренными глазами, вздохнул вдыхая воздух, а вдыхая его с затруднением, словно через помеху в горле — и начал плакать.

— Тихо-то как тут! Господи, как тут тихо! — прошептал Артюк, когда кончил плакать, все еще не разжимая веки.

Он размазал на щеках слезы своею пушистою варежкой и, приподнимая ею очки, уткнул ее поочередно в закрытые глаза, чтобы убрать с них влагу.

Старик крепче обхватил ствол ватным рукавом фуфайки, сильно надавил на сосну боком. Ничего от его напряжения не изменилось. Им овладело чувство, что даже сосна не заметила его. Она по-прежнему недвижно уносила стволом ввысь свои ветви. Артюк, напирая на ее подножие, ощутил, до какой степени мал он против нее.

Сколько он вслушивался в безмолвие огромных деревьев. Беспокойство и обида в груди его начали вдруг уменьшаться, сделались незначительными, угадали.

Он подождал, обвыкаясь с этой свободой, открыл благодарные глаза, потом опять с силой зажмурился, сморщил на лице кожу — собирался еще поплакать, но больше не плакалось.

...С той поры и до сего дня с настроением у Ивана Афанасьевича было благополучно.

Нынче утром он явился в Комитет выполнить поручение председателя. Открыл дверь председателевым ключом, вошел в комнату, прицепил на вешалку свою кепку и выблекшее демисезонное пальтишко и воссел за письменный стол председателя делать праздничный перечень ветеранов.

Осторожно достав из ящика стола несколько листов писчей бумаги и чертежные принадлежности, старик с особой тщательностью выгребил бумагу и начал заполнять список.

В нешироких столбцах с заголовками “Часы” и “Водка” ветераны должны были расписываться собственноручно за подарки к 9 Мая, на которое Комитет планировал выдать каждому из них по бутылке водки и по “командирским” часам.

В узкий столбец — для порядковых номеров, и в основной столбец — для фамилий, имен и отчества, данные на ветеранов обязан был занести комитетский писарь, то-есть Иван Афанасьевич Артюк.

Ивана Афанасьевича выдвинули на должность не от того, что он имел каллиграфический почерк или приличное образование — все обстояло в точности наоборот: почерком он обладал самым трясучим и неразборчивым, грамоту же старик почти не знал.

Состав городского комитета ветеранов войны подбирался по армейскому принципу: председателем комитета был избран подполковник авиации в отставке Семенов, как старший по званию среди всех местных ветеранов; казначеем назначили Щеглова, отставного офицера по хозяйственной части; а писарем был определен к ним Артюк, у которого в военном билете стояла отметка, что после пулевого ранения в грудь и лечения в 1742 эвако-госпитале он нес воинскую службу с 1942 по 1945 год в качестве писаря 170-го стрелкового полка.

Стараясь срисовывать с черновика в праздничный список фамилии участников войны как можно точнее и аккуратнее и все же никак не совладея с дрожащей рукой, Артюк довел свой перечень уже до буквы “К”, до того места в списке, где подряд следовали очень нелепые фамилии: Крокодилов, Кривоногов, Кривошеев, Криворучко, Круг, — и был в этот момент прерван внезапным стуком в дверь и появлением посетительницы, перешагнувшей через порог в комнату.

2

“Вот, значит, встретились как, — думал Артюк, уставившись на вошедшую в комнату и ожидающуюся чего-то у двери женщину, — Лена... То есть не Лена, а как она по отчеству будет? Васильевна? Что этот жалевый платок на нее надет, а? Умер у ней кто-нибудь? Кто умер? У нее кто оставался из родственников в живых? Разве Крокодилов умер? Этот ужасный человек умер?!”

“Боже мой, какой он стал старый, — думала про Артюка Елена Васильевна. — И на индюка

похож... Нет, у индюка бывает крупная тушка, жирная, а голова маленькая, а он, наоборот, весь маленький стал: и голова сделалась без волос маленькой, и тело ссохлось — только кожа на шее как у индюка висит, складками... Эти очки противные ему совсем не к лицу: они глаза увеличивают — ужас: один глаз как будто залез на висок!..

А какой он был в молодости, Ваня, талантливый..."

— Мне нужно поговорить с председателем, — наконец произнесла она строго и стала смотреть мимо Ивана Афанасьевича на окно.

— Председатель наш лечиться улетел в санаторий. Какой у вас вопрос? Я — член правления, — усаживаясь повыше за столом, ей ответил Артюк и тоже строго поглядел на знакомую.

Елена Васильевна перевела взгляд на Артюка и сообщила ему, но уже другим, не заносчивым тоном, что муж ее, Крокодилов Николай Семенович, умер нынче ночью в больнице от сердечного приступа.

Отчего на мгновенье запнулась Елена Васильевна, назвав Крокодилова мужем, не являлось для Артюка тайной: в ее слова закралась неточность — не мужем Крокодилов ей был, а всего лишь сожителем, и то в последние несколько лет.

В доказательство своих слов Елена Васильевна вытащила из сумочки и подала Артюку медицинскую справку.

Изучив документ, Иван Афанасьевич взял со стола карандаш и обвел в списке в кружок цифру перед фамилией Крокодилова. Это означало, что скончавшийся снят с учета, а так же то, что часы и водка более ему не положены.

— Спасибо, что сразу нам сообщили, — официально поблагодарил Артюк женщину и, придав сочувствующий оттенок голосу, вежливо уточнил: — А когда назначено погребение?

Казалось бы, ничего особенного не выспрашивал у нее Иван Афанасьевич, но женщина переменилась в лице, ладони прижала к груди и, наклонившись туловищем в сторону председателя стола, жалобно попросила:

— Помогите мне, пожалуйста, я прошу вас!

Иван Афанасьевич даже смешался от неожиданности.

Помочь? Чем тут поможешь? Умер Крокодилов у нее — вот и все, это же ясно.

Все-таки Иван Афанасьевич служил писарем не первый год, уже имел кое-какой практичес-

кий опыт, влияние и авторитет в Комитете и мог, стало быть, допустить уступку для посетительницы ради старинной дружбы.

Иван Афанасьевич, сообразив все это, не заставил знакомую упрашивать себя дважды, он посмотрел на нее по-начальнически сурово, но отчасти даже и как-то лукаво, после чего взял лежавший тут же на столе ластик и тщательно, не спеша счистил им графитовый кружок вокруг номера Крокодилова.

Одним движением Ивана Афанасьевича право на водку и "командирские" часы было восстановлено за близкими покойного. Это являлось отступлением от правил, но таким отступлением, которое Артюк решил в данном случае сделать, и сделать которое он мог, конечно, позволить себе, находясь в такой должности.

Иван Афанасьевич покосился на знакомую заговорщически, накрыл ладонью медицинскую справку, продвинул эту бумагу на угол стола к Елене Васильевне, и улыбка слегка тронула его губы. Артюк молча выжидал изъявления благодарности.

Елена Васильевна рыцарский поступок писаря нисколько не оценила.

— Все?! И это все, что вы собираетесь для него сделать?! — чуть ли не закричала она. — Он же ведь ветеран! Орденосец! Участник! Он кровь свою проливал! Он жизнь не жалел!..

— А-а... что же вы хотите-то от меня? — растерянно задал вопрос ей Артюк.

— Похороните его... Вы же обязаны организовать все... Я не знаю...

Иван Афанасьевич попытался объяснить женщине, которая, очевидно, на самом деле не знала, куда ей обратиться за помощью, что ей следует прямоком идти в ту самую организацию, где Крокодилов работал в последнее перед пенсией время, а там уже подсобят ей: и могилу отроют, и с памятником, и с машиной, и с гробом.

Елена Васильевна, не перебивая, выслушала его, и волнение только усилилось в ней, лицо покрылось красными пятнами.

— Некуда обратиться мне, — проговорила она тише, — он у нас в городе не работал: на пенсии уже был, когда приехал сюда...

Получалась, как начал понимать Иван Афанасьевич, какая-то петрушка.

"Есть же такие личности, которые все в жизни делают не по-людски!" — подумал про Крокодилова Иван Афанасьевич и, к своему удовольствию, осознал, что сам он все делал правильно,

ничего не запутал в жизни, никому не придется после его кончины отыскивать за семью морями место его работы: вот он, на крайней улице, сейчас стоит его склад, и Евдокии лишь будет нужно шепнуть несколько слов в конторе совхоза, к которому он относится — и тотчас, как по мановению волшебной палочки, все будет исполнено.

— Ну тогда, значит, надо заказывать через Бюро ритуальных услуг. Дороже, конечно, выйдет.

— У меня совсем нету денег... — прошептала посетительница в смятении.

— Как это — нету денег? — не поверил Артюк. — А похоронные-то? Он ведь получал пенсию, должен был на похороны отложить что-нибудь... Вы бы не расстраивались, а порылись бы лучше в шкафах.

— Все, все истрачено... — продолжала шептать Елена Васильевна. — Ничего в шкафах не лежит... Мы ездили с ним на юг в прошлое лето, заняли денег в дорогу, а когда вернулись — надо было отдать... Он мне каждое воскресенье цветы дарил...

Вот как, этот Крокодилов ужасный растранижил, стало быть, деньги все ей на подарки, а она хочет, чтобы выкручивался теперь из этого положения он, Иван Афанасьевич.

“Лето целое пропела, оглянуться не успела — как зима катит в глаза...” — на память пришел стишок Ивану Афанасьевичу. — А как богато одета... А денег — шиш да маленько...”

— Выпишите мне, пожалуйста, какую-нибудь ссуду... Я верну... — умоляюще попросила знакомая.

Артюк, усевшись поудобнее на стуле, попытался ей втолковать, что выдавать ссуды никоим образом не входит в его компетенцию, что у него и ключа-то от сейфа нет, а для этого назначен кассир, что председатель — третий день в санатории, но если бы даже он и был здесь, то для того, чтобы решить вопрос, какую исчислить ей сумму, нужно было собрать правление, проголосовать, подписать протокол...

Артюк объяснял ей уверенно, хотя в действительности в нем уверенности такой вовсе не было.

Ивана Афанасьевича Артюка смущало, что он не знал, обязан ли помогать посетительнице — и значит, в этом случае бежать отыскивать казначея, голосовать и писать протокол, или же это дело к Комитету не относится и, следовательно, увязить комитетскую наличность в эту ссуду они с казначеем не имеют никакого права.

“Председатель-то что же не наказал ничего об этом? Если требовал, чтоб мы не подводили его, что же он нас в этом вопросе плохо подготовил?” — спрашивал у себя Иван Афанасьевич в паузах, когда он, назвав посетительнице очередной довод, почему ей не может быть выдана ссуда, подыскивал для отказа еще какое-нибудь объяснение.

Елена Васильевна с ним не спорила, но и не уходила из кабинета, отрешенным взглядом она смотрела на Артюка и молчала. Ивану Афанасьевичу приходилось бормотать для нее все новые варианты отказов.

— У нас тут, вы думаете, денег имеется много? Гхе... гхе... — говорил, растеряно ухмыляясь, Артюк. — У нас почти совсем денег нет... Мелочишка какая-нибудь, к празднику на открытки... я ведь не председатель тут, а писарь...

“Да когда же она уйдет, наконец? — соображал в тупой тоске Иван Афанасьевич. — Смотрит и молчит, и молчит. Неудобно же попросить ее выйти... Она всегда такая была, — вдруг пошевелилась в голове у Артюка совсем ненужная мысль. — Начнет меня шпынять: “Ваня, ты можешь достичь этого в жизни, тебе под силу, ты талантливый, Ваня! Будь смелей!..” А вот интересно, если ее сейчас спросить, действительно она считала, что я талантливый? Или говорила это нарочно, чтобы привадить к себе: мало ведь было женихов-то после войны...”

Шпыняла меня, а сама, едва ей грубое слово ответят, и растеряется, так и вздрогнет, некрепкая, как на ветру одуванчик. Кажется, на нее посильнее дуньте — и развеется белым пухом по воздуху”.

Иван Афанасьевич перестал сочинять отказы и начал, тоже молча, смотреть на Елену Васильевну, он вообразил, как будет она идти по коридору, когда он от нее потребует оставить его в покое — будет идти и вздрагивать, ежить плечами, будет медленно продвигаться к выходу на улицу — такая же случайная на земле, ненужная, нелепая, как одуванчик. “А на улице-то ветер сегодня,” — почему-то вспомнил Иван Афанасьевич и погрузился.

— Вы это... идите, не надо здесь... здесь не полагается ждать... Дела у меня... — принялся бормотать, отводя глаза в сторону, Иван Афанасьевич и неожиданно для самого себя и к ужасу своему присовокупил слова:

— Это... потом придумается что-нибудь...

— Вы поможете мне? — донеслись до слуха Ивана Афанасьевича невнятные звуки вопроса.

— Я?.. Да... Помогу я, да... — продолжая прятать глаза от знакомой, с усилием ворочая языком, ответил Артюк, ощутив при этом, что он попался в ловушку, и попался по собственной бесхарактерности, по глупости.

— Как же все это сделать? — спросила Елена Васильевна.

— Потом, я потом вам все помогу, — путанно ответил ей писарь.

— А когда?

— Когда? Через час... Да, через час... Я теперь занят, а через час, через час...

Елена Васильевна уточнила у него, надо ли ей придти сюда снова через час, чтобы получить ссуду? Иван Афанасьевич, находившийся в совершенной потерянности, пробормотал, что не надо, что он сам закончит делать сейчас свои документы и все, все решит, что он лично доставит к ней деньги, — и он нацарапал себе на память в перекидном календаре ее адрес. Елена Васильевна вышла из помещения Комитета, а Иван Афанасьевич потер свое лицо, помял его ладонями, опустил локоть на крышку стола, щекою склонился на руку — и начал глядеть в окно.

Он видел сквозь метущиеся под напорами ветра голые ветви сирени, как понуренная голова Елены Васильевны в черном платке проплыла над подоконником и скрылась... Долго раскачивался и гнулся куст, а Иван Афанасьевич все глядел неподвижно на него и молчал.

Он чувствовал, что его жизнь, такая простая, заслуженная, осмысленная и ясная, вдруг замутилась, запуталась, стоило опять появиться в ней этой странной, ненужной женщине.

“Что же я сделал? — нервно спрашивал у себя Артюк. — Зачем это я сказал? Как какой-нибудь бестолковый парнишка ввязался из-за женщины в то, что меня и касаться не должно!”

А она-то что? Тоже хороша... Говорит начальство ей: не положено тебе ссуды, — ну и ступай, значит... А она стоит себе и стоит, глядит себе и глядит! И... дрожит!.. Как в молодости ничего не понимала о жизни, так и не разобралась, выходит, до старости, как себя надо вести...”

Его теперяшняя растерянность, обеспокоенность так походила на беспомощность несчастной ветки сирени, болтающейся на надорванной коре за окном, что это и вызвало у Ивана Афанасьевича такое сочувствие к ней.

Кроме того, Артюка охватило вдруг смутное чувство, что все это с ним уже было когда-то, но когда именно с ним это было и действительно

ли что-то повторяется с ним, Иван Афанасьевич вспомнить не смог.

“Как пальцы, выворочены ветки, — покачив головой, еще раз подумал Артюк про куст. — Не пожалели тебя — и вот, пожалуйста, маши теперь по воздуху грязной куклой...”

Комитетский писарь надел пальто и фуражку, печально вздыхая, застегнул на животе пуговицы и выбрался из здания на крыльцо.

Ветер, как тут показалось Ивану Афанасьевичу, только усилился за то время, пока он был в кабинете. Подмораживало. Вдоль здания, по одну и по другую сторону от крыльца, ветром раскачивалась шеренга кустов. То и дело стукались в окна и об стену голые ветки, в ушах свистало, возле крыльца виднелась выкинутая из рывтины на газоне пробуксовавшим там колесом черная земля, которая начала покрываться инеем и, вероятно, уже стала твердеть.

Иван Афанасьевич спустился на тротуар, поднял с асфальта один комок этой земли, раскрыл его в ладони, понюхал: совсем еще не пахло весной.

Иван Афанасьевич грустно вздохнул, выпустил из руки землю и побрел, ссутулясь, на квартиру к комитетскому казначею.

Расстраивался он не напрасно. Медленно передвигаясь по тротуару, Иван Афанасьевич в смущении думал о том, с какими глазами он зайвится к казначею, офицеру в отставке, чтобы доложить ему, что он, писарь, обещал кому-то выдать комитетские деньги, что, получается, он принял как бы такое решение и, выходит, присвоил этим для себя власть, которой его никто не уполномочивал.

Как ни хотелось Артюку идти каяться в сделанном им проступке, однако то, что он услышал от супруги казначея, когда пришел к ним домой, показалось ему еще хуже этого. Комитетский казначей, как выяснилось, уехал гостить к своей дочери и должен был воротиться лишь в понедельник, то есть через три дня.

Робкая надежда, которая тлела в груди у Ивана Афанасьевича, что ему удастся переложить с себя на казначея обязанность распорядиться в этом деле, не сбылась — выпутываться приходилось ему одному.

Артюк сел на скамейку у казначеева дома, отвернулся лицом от ветра, ссутулил спину, поднял воротник у пальто и начал думать, как ему теперь быть?

В избе у Ивана Афанасьевича деньги имелись: под шкаф в комнате были просунуты в

щель две небольшие пачки, каждая обернута в носовой платок и перевязана ниткой. Сбережения Ивана Афанасьевича и его жены Евдокии Степановны на случай похорон. Достать одну из них с разрешения, конечно, жены и отдать в долг не составило бы труда, но лишь в любом другом случае, а не в этом. Если Евдокия узнает, для кого он старается, скандала в доме не избежать.

Тут пришла Ивану Афанасьевичу счастливая мысль. Он быстро поднял голову и огляделся по сторонам.

Да, да, да! Все решалось так просто!

Заспешив, Артюк встал со скамейки и устремился в городскую администрацию.

План у Ивана Афанасьевича возник очень надежный. Поскольку все комитетское руководство находилось в отсутствии, Артюк подумал, что это позволяет ему обратиться непосредственно к высшему, то есть к городскому начальству и получить от него указания, как ему действовать с похоронами.

Иван Афанасьевич представил себе, как, явившись с докладом к мэру, он обстоятельно ему все расскажет, мэр помолчит одну секунду и в задумчивости проговорит: “Из каких же средств выплатить ссуду? Главное, что и деньги, вы скажи, есть в сейфе... А вот был бы еще ключ от этого сейфа...”

Артюк легонько подается к мэру и деликатно подсказывает, что и ключ тоже, оказывается, имеется. Он спрятан в помещении Комитета в тайничке на полу, под вынимающейся шашкою паркета.

После чего, по замыслу Ивана Афанасьевича, мэр немедленно ему выдаст письменное распоряжение за своей подписью — открыть сейф и ссудить на похороны Крокодилова такую-то сумму.

“Комиссию! Пусть назначат комиссию распечатывать сейф, в одиночку не соглашайся!” — оживленно подучал сам себя Иван Афанасьевич.

То, как он ловко сумел найти выход из запутанной ситуации, понравилось Артюку настолько, что он начал чувствовать себя пободрей.

По знакомой ему пешеходной дорожке просеменив к зданию администрации, Иван Афанасьевич вошел в него, стянул с головы фуражку, поднялся по крытой ковром лестнице на второй этаж, отворил массивную половину двери в приемную мэра и протиснулся туда.

В большой приемной было светло от двух широких, задернутых тюлем окон и от горящих под потолком длинных люстр с матовы-

ми экранами, на полу в приемной тоже лежал ковер.

На середине ковра в том же кожаном черном плаще стоял рослый мэр и что-то говорил троем полукругом выстроившимся перед ним мужчинам, в костюмах и с папками в руках. Собираясь уходить, давал им распоряжения. Молодая секретарша в шелковой желтой блузке и с высоко взбитой прической, увидев Артюка, встала из-за письменного стола.

Мэр прервал свою речь и спросил у комитетского писаря прежде, чем это успела сделать секретарша:

— Что у вас, товарищ?

Тут волнение и одышка подшутили над Иваном Афанасьевичем дурную шутку.

Совершенно растерявшись, он своими нечистыми ботинками шагнул прямо на ковер к мэру, но, ощутив под ногами мягкость шерсти, сразу подался с ковра назад и от того, что не имел достаточно времени обдумать свои слова, начал говорить сбивчиво, непонятно — про ссуду, комиссию, председателя, казначея, про Елену Васильевну и ордена.

— Говорите громче, — попросил у Артюка мэр и, так как старик продолжал мямлить, поморщился.

Увидев досадливую гримасу на лице мэра, Иван Афанасьевич еще более смутился, ни на какую доверительную беседу с ним он уже не надеялся, заспешил и, не дожидаясь вопроса мэра о том, где взять ключ от сейфа, начал сразу сам про этот ключ ему сообщать.

В особенности же смущали Артюка эти трое мужчин в костюмах, которым он помешал и которые теперь дожидались, когда он закончит докучать мэру.

— Ключ? Какой еще ключ? — спросил мэр. — Вот что, давайте мы с вами так решим: я спешу сейчас, меня ждет машина внизу, а вы оставайтесь и расскажите моему секретарю, какие у вас проблемы, она все запишет, приходите в среду, в приемный день, а пока извините, тороплюсь. Светлана Петровна, займитесь, пожалуйста, товарищем, — обратился он к секретарше и пошел мимо Артюка.

— Гражданин, подойдите ко мне, — музыкальным голосом позвала Артюка нарядная женщина, когда дверь за ушедшими бесшумно затворилась. — Вы по какому вопросу? — спросила она и взяла из пластмассового стакашка на столе карандаш.

Иван Афанасьевич ничего не стал объяснять,

пробурчал извинение и начал толкаться в дверь из приемной, точно испугавшись, что его не выпустят отсюда.

Плетясь по дорожке обратно из здания администрации, Артюк тяжело соображал своей затуманенной головой:

“Мечусь по городу, как, прости, господи, перекати-поле какое-нибудь. Из-за Елены это все, из-за ее Крокодилова... Они-то пожили в свое удовольствие, попользовались, а я-то почему страдать должен? Чуть ведь не схватил! Не схватил ведь я чуть мэра-то за рукав! Вот до чего дошел с Крокодиловым этим!”

Вернувшись к себе домой, Иван Афанасьевич разделся и свалился ничком на диван, напугав Евдокию.

— Ты захворал, что ли, Артюк? — спросила она его.

Иван Афанасьевич, решившись на последнее, отчаянное средство, оторвал лицо от подушки и ответил, что он не болен.

— Умер у нас участник один, — сказал он. — Меня попросили дать денег на его похороны.

— Правильно! Давай, давай! Неси все из дома! — моментально раздражаясь, воскликнула Евдокия, вскинула голову и тряхнула отвислыми щеками. — Умные-то люди не высунулись, небось, не заикнулись про свои деньги, а ты же у нас осо-обенный, ты же у нас доказать хочешь всем, что не такой, как другие!

Иван Афанасьевич уронил опять лицо на подушку.

Евдокия подумала, что уж не умер ли у Артюка какой-нибудь не известный ей фронтальной друг и спросила уже сочувствующе:

— А кто умер-то?

— Крокодилов. Ты не знаешь его, — ответил в подушку старик.

— Не было, что ли, родственников у него? — создавая в своем воображении жалостливую картину, продолжала допытываться жена.

— Не было, — солгал ей Артюк и, так, как она больше ничего не говорила, спросил: — Так я возьму, деньги-то, Дусь?

— Делай, как знаешь, — изображая все-таки, что она сердита, воскликнула Евдокия и удалилась на кухню.

Иван Афанасьевич некоторое время не шевелился, вздыхал в подушку и представлял, что будет, когда жена начнет обсуждать этот случай с бабами в магазине, дознается от них, что это за Крокодилов такой, и поймет, для кого ее муж отыскивал деньги...

Через час Артюк позвонил в дверь к Елене Васильевне.

Она открыла, благодарно посмотрела на Ивана Афанасьевича и сказала:

— Слава богу, а я уже начинала беспокоиться. Так вы... принесли ссуду?

— Принес. Вот... Здесь один миллион рублей. Должно хватить. Но только не ссуда это, я на похороны себе скопил, — отвечал ей Артюк, подавая пачку денег.

Елена Васильевна удивленно посмотрела на него и проговорила:

— Спасибо. Я потом верну... Да вы пройдите, пожалуйста, я сейчас вам чаю налью. Будете пить? Мне нужно еще посоветоваться с вами. Раздевайтесь...

Она повернулась и ушла из прихожей, шурша платьем из какой-то толстой, блестящей ткани.

На вешалке висел на плечиках белый плащ Крокодилова. Артюк, побрезговав, нацепил свое пальто на крайний крючок, подальше от этого плаща.

“Поговорить со мной ей надо, — подумал Иван Афанасьевич и усмехнулся. — Сорок лет проходили мимо друг друга, отворачивались, а теперь вдруг надо: надо поговорить...”

Артюк двинулся по узкому коридору. Справа была открыта дверь в комнату. Иван Афанасьевич посмотрел туда и убедился, что в ней ничего еще не приготовлено к перевозу из морга покойного: в застекленном шкафу блестели золотистой отделкой чешские бокалы и рюмки, на стенах комнаты висели цветастые картины в самодельных деревянных рамках, покрашенных золотой краской.

“Мазня,” — подумал Иван Афанасьевич про картины и направился на кухню.

Хозяйка налила из фарфорового декоративного самоварчика чая в такую маленькую красивую чашку, из которой, он подумал, вряд ли можно было напиться за один раз, на прикуску придвинула блюдечко с таким малюсеньким узорчатым печеньем, что наестся все равно бы не удалось, даже если все сгрести с блюда и засунуть горстью в рот.

Несколько времени они молчали. Артюк размешивал золотой блестящей ложечкой сахар в своей чашке и все смотрел на вращающуюся в его нарядной чашке воронку чая.

Вдруг ему снова захотелось узнать от Елены Васильевны, точно ли она думала в моло-

дости, что он был способный художник? Не то, чтобы это имело теперь для него значение, а просто было как-то чудно, странно, что вот существовал на свете простой парень Ваня Артюк, а выясняется, в нем замечали люди кроме нескладной фигуры, кроме имени и фамилии еще что-то.

“Может, и правда, был талант?” — подумал Иван Афанасьевич, вспоминая, как в молодости садился рисовать у окна, прячась за простенок: он стеснялся, что с улицы его будет видно.

“Нет уж, какой тут талант! Это она вот, Елена, только и внушала мне свою ерунду”.

— Я вот о чем хотела с вами поговорить, Иван Афанасьевич, — начала тихо Елена Васильевна. — В Бюро ритуальных услуг, представьте только, нет сегодня готовых гробов. Гроб должен быть свой... Подскажите мне, прошу Вас, Иван Афанасьевич, как же мне с этим быть?

Иван Афанасьевич поглядел на печенье, которое она держала кончиками пальцев и едва только надкусила, обреченно вздохнул и ответил, что он ей поможет.

Они условились, что он завтра с утра доставит готовый гроб...

Шагая от Елены Васильевны и глядя себе под ноги, Артюк начал вспоминать, как повстречал он Крокодилова в первый раз.

Была ранняя осень два года тому назад. Иван Афанасьевич, отправившись за молоком в магазин, шел по аллее городского сквера с алюминиевым бидоном в руке. На березах висели пестрые листья — желтые и зеленые, а на землю листья насыпались желтые, шуршащие, радующие.

В сквере прямо у всех на виду расположился за мольбертом художник и срисовывал эту аллею с березами. Он был одет в белый длинный плащ, в черный берет с высокой тульей и с просторным верхом. За спиной у художника толкалось несколько ребятишек. И по тому, как уверенно он себя держал, как смело выказывал на общий суд свою незаконченную работу, это был, решил Иван Афанасьевич, профессионал, может быть даже член Союза художников.

Подчиняясь любопытству, Иван Афанасьевич приблизился к художнику, а тот неожиданно обернулся к нему и, указывая кистью на аллею, спросил: “Красиво?”

Художник был круглолицый, веселый, с ямочкою на подбородке, из-под берета его выставлялись седые кудри, он походил на состарившегося ангела.

— Люблю, — весело говорил Крокодилов, — люблю яркие краски: солнце, березы, листья, как из латуни!..

— А вот, после дождичка тоже бывает красиво, — отвечал Артюк, польщенный вниманием профессионала. — Наберется в листьях на грядке вода и блестит там, как зеркальца разбросанные.

Следующий раз они увиделись с Крокодиловым в Комитете.

— Написали вы ту картину? — спросил его Артюк.

— Картину-то? Написал, написал! Я много, брат, каких картин написал, хоть по диплому — железнодорожник! Скоро сделаю свою выставку в клубе, можете зайти посмотреть.

— Не боитесь их на выставку-то? Если вдруг кому-нибудь они не понравятся? — с остротой спросил Артюк.

— Пускай не нравятся: мне-то что? Наплевать. Я, брат, мнением одного только человека дорожу — женщины моей...

Крокодилов был, очевидно, в хорошем расположении духа, и его тянуло поговорить. Он без спроса переставил стул от председателя стола к столу Артюка и начал похвастаться, сколько на войне у него было любовниц...

Иван Афанасьевич покраснел, вскочил на ноги, воскликнул в запальчивости: “Послушайте, как вам это не стыдно, а?!” А Крокодилов только хохотал...

“Какой это был ужасный человек, — шестуя теперь по дороге, думал о нем Иван Афанасьевич. — Ведь не врал, разведчик, одних орденов Славы две штуки имел. Никогда не задумывался, что люди про него могут сказать. Ни колומни двором не обзавелся, в приживалах был... Елена не всплакнет даже после его кончины, ходит в блестящем платье. Какая ужасная смерть!.. И вот ищи теперь ему гроб!”

Мысль Ивана Афанасьевича насчет того, где получить гроб, была очень проста.

Старик подрабатывал сторожем на коммерческой лесопилке и рассчитывал выпросить там несколько досок для гроба.

На лесопилке Артюк вошел в контору и остановился возле двери. В прорабском вагончике, который служил конторой, было накурено, за обшарпанным столом сидел в кресле толстый огромный мужчина лет тридцати: владелец лесопилки, известный в городе предприниматель Виктор Игоревич Титов.

Ему-то и высказал Иван Афанасьевич свою просьбу.

Титов, улыбаясь, покачал головою и произнес:

— Нету. Нету досок, Иван Афанасьевич. Тебе надо было утром придти, а теперь все загрузили в КАМАЗы, уже товарно-транспортную накладную я выписал. Извини. Теперь только в понедельник будут вести распиловку.

Опешивший Иван Афанасьевич начал робко поминать свою добросовестную работу на лесопилке, но хозяин лишь покачал своей большой головою... Потом затянулся сигаретным дымом, прищурившись стал рассматривать Артюка, и все улыбался жирными своими губами.

— Тебе сегодня дежурить? — наконец спросил он.

— Сегодня. — Иван Афанасьевич нашарил за своей спиной дверную ручку, не оборачиваясь, открыл дверь и выскользнул из вагончика.

От всех волнений дня настроение у него было испорчено. Воротившись домой, он так протяжно вздыхал, так отрешенно глядел на радиоприемник, повешенный в кухне над столом, и, всунув ложку с едою в едва приоткрывающийся рот, так подолгу забывал вытащить ее обратно, что Евдокия, перепугавшись за здоровье мужа, ничего у него не стала выпрашивать.

В шесть часов вечера Иван Афанасьевич снова был в вагончике.

Титов вышел из-за стола, на этот раз пожал ему руку и взял за плечо.

— Я давно наблюдаю за тобой, Иван Афанасьевич, — прищурясь на Артюка и улыбаясь, проговорил он. — Думаю, что это у нас такой человек, как ты, пропадает без пользы?

Иван Афанасьевич от похвалы растерялся еще сильнее.

— Ходят слухи, что ты талант в сельском хозяйстве. Правда это?

— Так, на огороде копаюсь, — стыдливо ответил Артюк.

— Ну, ну, не скромничайте, Иван Афанасьевич, — добродушно засмеялся Титов. — В один голос все говорят, что ни у кого не было еще таких урожаев. Я вот что придумал, Иван Афанасьевич, — хватит вам пропадать в сторожах: решил сделать теплицу, и вас назначаю ее начальником. Как вы на это смотрите?

Иван Афанасьевич в полной растерянности молчал, водил взглядом по полу, потом робко посмотрел на Титова и спросил:

— Виктор Игоревич, с досками-то как?

— С досками придумаем, придумаем. Другому кому нет — а для вас найдем доски.

Виктор Игоревич подозвал Артюка к окошку.

— Видите, совсем новые и на ветре просохли, — сказал он, указывая на аккуратный забор из белых обрезных досок. — Сколько досок вам нужно? Десять? Больше? Сколько нужно — столько и снимайте. Сегодня на дежурство заступите — и приступайте! Да не смущайтесь так, Иван Афанасьевич, вы ведь у нас теперь не простой работник... Ну что, согласны быть начальником?

Иван Афанасьевич искоса взглянул на него и нерешительно кивнул головой.

— Только я не умею командовать.

— Ерунда, — весело успокоил Титов. — Научим...

Когда рабочие второй смены, поставив на пилу новые цепи и не имея на сегодня иной работы, разошлись с лесопилки по домам, когда ушел домой Виктор Игоревич Титов, пожал на прощание Артюку руку и, как всегда, заперев своими ключами железные въездные ворота на территорию, Иван Афанасьевич отключил ток в проводах над забором и принялся осторожно разбирать один из заборных щитов.

Приготовив стопу легоньких, действительно хорошо высохших досок, Иван Афанасьевич успокоился, посадил собаку на цепь возле дыры, направил на эту дыру в заборе луч прожектора, а сам зашел в вагончик, сел там к окну, чтобы ему было видно разобранный место, и стал думать о неожиданном изменении в своей жизни.

— Вот, значит, и подтвердилось все: достоин, сказали, ты, Иван Афанасьевич! Вот она, правильная-то жизнь к чему привела, — думал Артюк, испытывая, однако, не то, чтобы радость, а скорее — какую-то пустоту в руках и ногах после всех дневных тревожных волнений.

Иван Афанасьевич поглядел в окно, где в растянутом пятне, выхватываемом лучом из темноты, была видна лежавшая на земле кавказская овчарка. Длинная ее шерсть загибалась на спине ветром. Рядом с собакой белели ровные доски, а дальше тревожно чернел проем в стене — последнее беспокойство, доставленное людям от того человека, который на всех плевал.

— Какая странная в этом году весна, — думал Иван Афанасьевич, — будет ли наконец тепло?

Под утро он незаметно заснул, сидя в вагончике перед окном. Голова его повисла к груди. Ивану Афанасьевичу приснился сон.

Сначала он услышал сквозь начинающуюся дремоту, как дует, напирая на окно, ветер, как хло-

падет по крыше вагончика кровельный лист, пустота в ногах и в руках и во всем его теле неожиданно начала ощущаться сильнее, и Артюк вдруг подумал опять, что когда-то все это с ним уже было — но мотаемый ветром молодой куст сирени, он понял, к этому не имел отношения. Что же это такое? — спрашивал у себя, засыпая, Артюк и наконец догадался, что качается вовсе не куст, а соломина возле лица, и этот повторяемый гром над головой — это взрывы, они то дальше, то ближе к нему, то вдруг по нескольку раз подряд; иногда земля его подталкивает в живот, и чувствуется, как над затылком рывком смещается воздух, ставший вдруг вязким.

— Вставай! Поднимайся, Артюк! мать! В атаку! Ур-ра-а!.. — прокричал над Иваном Афанасьевичем молоденьким голосом младший лейтенант Овчинников и потянул его за ворот шинели так, что крючки больно вкололись в шею.

Иван Афанасьевич ощутил себя молодым, он бежит за командиром, боясь оскользнуться на снегу, мелкими шагами переставляет кажущиеся пустыми ноги.

— Ур-ра!.. — кричит Иван Афанасьевич, вторя Овчинникову. — Ур-ра!..

Он слышит свой слабый голос и сам понимает, как это не нужно — кричать, что голос его напугать никого не может.

Да и вообще, способен ли напугать кого-то в штыковом бою красноармеец ростом метр шестьдесят пять, в ушанке — на два размера больше его головы?

— Зачем же они со мной поступают так? — давит в виски Ивана Афанасьевича вместе с ударами пульса трусливая мысль. — Разве они не знают, что я — ворошиловский стрелок, хороший снайпер? Зачем заставляют меня так бесполезно кричать в мерзлом поле? А что, если я сейчас буду убит?! Прилетит пуля — и я буду убит! — Иван Афанасьевич думает на бегу, в какую часть тела может войти впивающаяся в него пуля: в грудь или в ногу, или в живот, или сразу же в голову — и то, как пуля ударяет в кость головы, кажется ему особенно страшным.

Он видит перед собой часто взметываемые ногами полы своей шинели, прыгающую в глазах землю белого и черного цвета, чувствует наползающую на глаза шапку, и в нем закипает обида, безотносительно к кому бы то ни было — на всех командиров сразу.

— Неужели они решили, что моя жизнь годится только на то, чтобы немцы истратили на меня одну единственную маленькую пулю?!

Иван Афанасьевич замечает на бегу, как сутулый младший лейтенант Овчинников, захавшись, остановился и оглядывается на него.

— Сейчас он увидит, что у меня есть план! — в смятении думает Иван Афанасьевич.

Но Овчинников не ругается, хотя и видит, что точно — есть план. Не ругается он потому, что это подбегает к нему не Иван Афанасьевич, а адъютант Болконский, и младший лейтенант Овчинников понимает: нельзя ругать адъютанта Болконского за то, что у него имеются планы. Однако, чем ближе Овчинников, тем все страшнее становится Артюку, что он разглядит внутри бегущего к нему по полю и кричащего “ура” адъютанта Болконского — Ивана Афанасьевича Артюка, которому не положено иметь планов! Иван Афанасьевич сильнее съеживается в Болконском, вдавливает опущенную голову себе в грудь и старается подтянуть ноги. Младший лейтенант Овчинников не замечает его, он повернулся, чтобы снова бежать, взмахнул рукой с пистолетом над головой, еще раз взмахнул, и еще, — Иван Афанасьевич видит, что это уже не рука, а грязная, метущаяся на ветру ветка, у которой, как из куксы, выпирают осколки пальцев.

Это несообразное превращение младшего лейтенанта так необъяснимо для Артюка, что он просыпается, испуганно встает с кресла и заглядывает в окно. На территории все спокойно: так же белеют в вытянутом пятне света крокодиловские доски, овчарка лежит на подстилке, опустив голову между передними лапами, и ветер приподнимает на ее боку теплую шерсть...

На рассвете пришел лично Виктор Игоревич Титов и отпустил Артюка с дежурства. Иван Афанасьевич только теперь, отдохнув и разглядев улыбающегося ему начальника, как следует понял, какое важное изменение произошло в его жизни. Артюк посмотрел сверху вниз на собаку, сложил на тележку доски и покатил их по пустынным улицам домой, подумав, что все проблемы для него уже кончились...

4

Он ошибался.

Через два дня, в понедельник, в городское отделение милиции был вызван повесткою для дачи дополнительных объяснений Виктор Игоревич Титов.

В небольшой приемной в милиции одна дверь, обитая коленкором, вела в кабинет к начальнику отделения, которого сегодня на месте не было,

а вторая, такая же точно, как у начальника, была дверью к следователю.

Симпатичная секретарша в приемной спросила у Титова, по какому он делу?

— У себя Петрищев? Скажите ему, что пришел Титов.

— А он вас вызывал? — невозмутимо допытывалась секретарша.

— У себя он или нет? — продолжал спрашивать Титов, не находя нужным давать объяснения секретарше, и протянул ей повестку.

Красиво моргая удлинёнными тушью ресницами, секретарша сказала, что товарищ Петрищев у себя в кабинете и что посетитель может пройти.

Следователь Петрищев был небольшой сухонький человек лет сорока, с желтым оттенком кожи на лице, прослуживший верой и правдой пятнадцать лет в органах и подсчитавший как-то раз, что закон ему уже немало обязан.

Петрищев строил за городом кирпичную трехэтажную дачу. Хотя на службе он пребывал в гражданской одежде, обязательно возил в своей машине милиционерскую фуражку, поместив ее у заднего стекла в кабине — так, чтобы ее было всем видно.

За пятнадцать лет службы в ментовке, он для себя усвоил некоторые простые, но очень удобные правила и по привычке их придерживался, беседуя с посетителями. Он каждый раз внимательно выслушивал собеседника, однако делал это с таким выражением на лице, по которому было невозможно определить, каким образом на него действуют предлагаемые ему объяснения: верит ли он им, и если верит, то какое у него обо всем этом складывается впечатление? Иногда он перебивал показания собеседника, задавая какой-нибудь очень простой вопрос. Эти вопросы были настолько откровенно просты, что ставили собеседника в полнейшее недоумение.

— Да уж не дурак ли он, что не знает таких всем известных вещей? — пораженно спрашивал у себя собеседник, устремивши пристальный взгляд на следователя, но сразу за тем, как правило, мелькало у посетителя в мыслях другое соображение, что следователь, может быть, спрашивает эту ерунду от того, что ему что-то известно, и он показывает этим вопросом, что ему надоело слушать болтовню, которую ему сейчас врут, и он хочет, чтобы говорили о серьезном! — и посетитель торопливо прятал глаза.

Постучав в дверь и приоткрыв ее, Титов весело спросил: “Можно?!” — и не дожидаясь раз-

решения, шумно вошел, заполнив собой и свою шубой из искусственного меха много места в промежутке между дверью и рабочим столом следователя.

Следователь все еще молчал. Титов, расцветши широкою улыбкою, протянул ему над столом свою пухлую руку.

— Здравствуйте, уважаемый Никита Семенович, — сладко произнес он.

Петрищев, не выразив на своем лице ничего, вяло пожал протянутую ему руку сухой своею ладошкою и, здороваясь, немного повозился на сиденье, симулируя вставание со стула.

— Какие, Никита Семенович, проблемы? — все так же радужно улыбаясь, спросил Титов. — Зачем вы меня позвали?

— Какие у нас могут быть проблемы? — без всякого оживления в голосе отозвался Петрищев. — Это все у вас там какие-то бывают проблемы.

— Да, проблемы, проблемы... Это правильно вы сказали, Никита Семенович! Что это пошел за народ нынче?! Попробуйте только поверить кому-нибудь... Кстати, злодей-то наш, говорят, под арестом? — изобразив на толстом своем лице озабоченность, спросил он.

— А как же, — подтвердил Никита Семенович и кивнул головой. — Третий день уже, как задержан. Вы можете снять шубу. Вешалка в углу...

Титов повесил шубу и остался в пиджачке с короткими рукавами — в сером, в фиолетовую полоску.

— Вот и попробуйте доверять имущество таким людям, — пожаловался Титов, возвратившись к столу. — Слышал, что вы доски от нашего забора напши у него во дворе?

Петрищев снова спокойно кивнул головой.

— Вот до чего ведет жадность! — негромко воскликнул Титов. — Мало ему, наверное, показалось тридцати кубов досок и двух КАМАЗов, которые они угнали, так он еще и с забора доски умыкнул!

— Ну, ну, следствие ведь еще не закончено, — напомнил Петрищев. — Я вас вот по какому поводу вызвал: скажите, как я могу проверить, сколько досок они у вас увезли? Документы на них есть какие-нибудь?

— А как же, Никита Семенович! А как же! В нашем деле без документов нельзя, у нас все чисто: порубочный билет за пятью подписями, путевые листы на лесовоз, журнал распиловки, все

можно до куба, Никита Семенович, вычислить, даже сколько продали опилок — у нас все концы на виду! Я вам могу даже сейчас сказать, — Виктор Игоревич Титов полез во внутренний карман своего пиджака и вынул записную книжонку, которая оказалась особенно маленькой на его широкой ладони, поковырял в ней, перелистывая страницы, толстым указательным пальцем и сказал:

— Вот, Никита Семенович, пожалуйста, за эту зиму мы приготовили досок и брусьев 557 кубов, из которых продали 527 (можно проверить), а 30 кубов эти сволочи украли у нас.

— Застрахован был груз? — без всякого интереса спросил Петрищев.

— А как же. Я, Никита Семенович, все страшую. Справочку бы мне надо от вас получить в госстрах о том, что дело заведено...

— Сделаем справочку. Да вы не волнуйтесь: отыщем ваших воров, не похоже, что тут профессионалы работали.

— Отыщите, отыщите, Никита Семенович, — оживился Титов. — А сторож что говорит?

— Что говорит? — переспросил Петрищев: — Не видел, говорит, ничего и не слышал. Ночью уснул... Вы не замечали, как по-вашему, не начал впадать он в младенчество? Какие-то сказки несет? — неожиданно задал Петрищев какой-то глупый вопрос.

Титов пожал плечами, не придумав, что ему отвечать, и выказывая при этом, что мнение следователя опровергать он не будет — и спрятал глаза.

Вместо того, чтобы отвечать на вопрос, Титов начал вдруг рассказывать, что какой-то подполковник милиции в областном управлении, служащий, однако, на полковничьей должности, как-то в разговоре с Титовым похвалил Никиту Семеновича. Фамилия у подполковника была Филлимонов.

— Вот как? — заинтересовался следователь Петрищев. — Вы и Петра Ильича знаете?

В голове у него отчего-то мелькнула мысль о строительных брусках.

Виктор Игоревич, точно уловив и подхватив эту мысль, спросил:

— Видел я вашу дачку за городом на берегу, Никита Семенович. Красивая. Когда думаете закончить строительство?

Никита Семенович, который в это время смотрел в окно, повернул голову и быстро нашел своим взглядом глазки Титова. Они смотрели на следователя благожелательно.

— А, не знаю теперь — так стало сложно, — отмахнулся от этой темы Петрищев и почувствовал, как всегда, обиду на городское начальство, что ему выделили земельный участок на таком заметном с окраины города месте.

— У Филлимонова тоже есть дача, — все отчего-то поминая про Филлимонова, продолжал Виктор Игоревич, — мы у него там День его рождения отмечали в этом году... Вернее, заодно отмечали — День рождения и новоселье.

Часа через два в кабинете у следователя, дверь которого предусмотрительно заперла на ключ со стороны приемной рыженькая секретарша, стояли на столе две сильно распотытые литровые бутылки с водкой, рюмки и лежала закуска.

Следователь Петрищев, сморщив свое желтое, маленькое лицо, думал о том, как ему плохо. Ему хотелось совершить что-нибудь такое, резкое, что поразило бы всех, что дало бы понять, что нельзя так мучить хорошего человека, прослужившего в органах внутренних дел уже столько лет. Он представлял себя женившимся на секретарше или думал, что вот он возьмет и позвонит сейчас к мэру и по телефону обругает его, и велит немедленно выдать другой участок. Иногда у него мелькало совсем уже странное, но очень соблазнительное желание: потребовать, чтобы Титов вытянул вперед руки, защелкнуть ему на запястья наручники, а потом со всего маху съездить ему по морде!..

Иван Афанасьевич Артюк на другое утро был доставлен из камеры предварительного заключения на допрос к следователю.

С подследственными у Петрищева тоже был выработан свой план общения.

— Облом у тебя получился, дядя, облом! — прокричал он напористо старику, привставая на стуле и перегнувшись туловищем над столом. — Бедовый путь ты себе избрал, дед!.. Установлено экспертизой, что это те самые доски, из той дыры, через которую вы угнали машины! — Петрищев постучал пальцем в какую-то бумагу на своем столе. — Хватит тут мне брехать! Какой дурак тебя назначит начальником?! Кто позволил тебе заграждение разбирать?!

Иван Афанасьевич был небрит и одет в измявшуюся одежду и, даже сидя на табурете, руки он держал за спиной. Он беспокойно оглядывался по сторонам и напоминал из себя растерявшуюся, загнанную в ловушку птицу.

— Отвечать!.. — рявкнул ему Петрищев.

Иван Афанасьевич, точно его подбросили снизу пружиной, вскочил на ноги и заговорил, но

заговорил бестолково. Глотая слова, он все поминал какую-то пулю, говорил, что будто что-то вывернуто, как пальцы.

— Молчать!! — крикнул ему Петрищев.

Иван Афанасьевич, сделал руками судорожное движение, точно разгоняя паутину перед глазами, пробормотал невнятно:

— А на лице-то не видно ничего, ничего нет!.. — и стал медленно садиться на стул, однако сел мимо стула и так же медленно продолжал опускаться еще ниже, пока не упал.

У Артюка случился инсульт...

Почти неделю, доставленный из милиции в городскую больницу, он лежал без сознания.

Возле него сидела его жена Евдокия и сперва плакала, а потом свыклась и начала вязать пушистые варежки для внучки, пряча свою вязанину в сумочку, когда в палату заходили врачи. Надежды на то, что Иван Афанасьевич выжи-

вет после такого сильного кровоизлияния в мозг, ни у кого не было.

Однажды, когда Евдокия из больницы ненадолго ушла домой, в палату к больному пробралась Елена Васильевна, в красивом с блестками платье и в белом халатике, наброшенном на него.

Заплакав, она наклонилась над умирающим. В этот момент Иван Афанасьевич пришел в чувство и раскрыл глаза. Он узнал Елену Васильевну и, показалось, не удивился нисколько тому, где он находится, и тому, что она здесь.

Артюку неодолимо захотелось задать ей вопрос, он двинул губами, попытавшись что-то сказать, но голоса не было.

Елена Васильевна, заметив эти вздрагивающие, вытянутые к ней, точно утиный клюв, губы, нагнулась и поцеловала их.

— Какая у него красивая смерть, — решила она.

Наталия ИПАТОВА

ДВА СПУТНИКА ДЛЯ МАРИИ

Окончание. Начало в № 1, 1997.

На ночевку остановились возле каких-то кустов, огня не разжигали. Помрачневшая от обиды и горя Мария не сомкнула глаз и не произнесла вслух ни слова. Рэм лежал тихо и ни разу не пошевелился. Возможно, он даже спал.

Рассвет разбудил их морозом. Перекусив, все в том же подавленном настроении они двинулись дальше, незаметно для себя все выше и выше поднимаясь в холмы, являвшиеся предгорьями возникавшей на западном горизонте гряды.

— Мы дали крюк, — сказал Рэм. — Случай с той погоней обеспокоил меня. Мне кажется, тайсы движутся быстрее, чем я предполагал.

Внезапно лошади их остановились на краю некрутого обрыва. Внизу, видимый словно с птичьего полета, открывался молчаливый, похоже, опустевший Арсан.

— Вот еще пример того, как не надо строить города, — заметил Рэм. — Если бы мне довелось штурмовать его, я поставил бы пушки здесь.

Мария глядела на этот крохотный безобидный городишко, как христианская мученица на львов.

— Хорошо, что у тайсов нет пушек, — откликнулся Джек. — Но замечание следует учесть, когда придется отбивать город обратно.

— Запомни место на всякий случай, — посоветовал Рэм.

— Вам... Вам не кажется, что вы опоздали, госпожа? — спросила Мария, глядя из-под руки на потемневший восток.

С востока на долину напоздала туча. Джек не ожидал, что при свете дня это зрелище окажется еще внушительнее, чем тогда, поздним вечером, под Крисборо. Легкий гул прокатился по почве под их ногами, и не исчез, а становился с каждой минутой все ощутимее и раскатистее. Тайсы подходили к Арсану.

— Я опоздал, — прошептал Рэм. Лицо его побелело от напряжения и отчаяния. — Я опоздал! Должно быть, я и впрямь не очень торопился, — сказал он голосом, полным презрения к себе. И рванул поводья Ройча, намереваясь спуститься вниз, навстречу орде, и потягаться с ними в беге наперегонки к воротам города. Джек поставил своего коня на его дороге.

— Не валяй дурака! Город пуст: наверняка полковник из Вейса по пути передал гарнизону приказ отхо-

(20) дить. Посмотри, он же пуст! Ты погибнешь впустую. У тебя не будет времени проложить маршрут от запада до запада. Ты даже не знаешь, где они спрятались!

— Но я не сделал того, что мне поручено!

— Другие сделают это за тебя. Ставлю золотой против пуговицы, ты сейчас увидишь, как и без тебя все это хозяйство взлетит на воздух.

Рэм, не глядя, хлопнул по его руке, принимая пари. Равнина у их ног, словно плесенью, стремительно покрывалась ордой.

— Быстро они, однако, движутся, — заметил Рэм.

Стремительно летевшие всадники достигли ворот города, и их поток разделился надвое, обтекая город справа и слева. Озадаченный Рэм молча смотрел на эти маневры. Сомкнувшись за городом, передовые сотни без малейшей задержки, даже не оглянувшись, двинулись дальше, на запад. Без малого два часа орда обходила Арсан. А когда последние повозки, потонувшие в облаках поднятой многими тысячами копыт пыли, миновали город, Рэм Конахан спросил:

— Интересно. Они ничего не перепутали?

Джек сперва неуверенно, потом все громче расхохотался. Рэм перекинул ногу через переднюю луку седла и устроился на спине Ройча в позе хулигана, сидящего на заборе.

— Скажем — повезло, — философски заметил он. — Кстати, Драммонд, с тебя золотой.

— Как бы не так! Я выиграл пари — ты не был нужен в этом городе.

— Э, нет. Город не взорвался.

— Так необходимости не было!

— Мы на что спорили? На то, что без меня все это хозяйство взлетит на воздух? Или взрыв, или золотой. Не знаю, правда, где ты возьмешь деньги...

Джек задумался.

— Серьезно, а кто же тогда выиграл?

— Я, — улыбаясь, сказала Мария. — А еще говорят, бог молитв не слышит.

— Вот и славно, — обрадовался Рэм. — А то у меня с лишними пуговицами... М-м... Лишних нет.

Теперь уже он безудержно, до слез, расхохотался.

— Вы... вы понимаете, что произошло? — спросил наконец он. — У них так плохо с фуражом и провиантом, что они не рискнули задерживаться для штурма города, даже для того, чтобы все это добыть. Ведь все равно, думали они, все будет взорвано, стоит им вступить в город. Это сделал я! Я запугал их до чертиков! Я спас Арсан, дорогие вы мои. Вы и предать себе не можете, как я счастлив.

«Как человек, получивший помилование,» — подумал Джек. Ликование Марии не вырвалось, как у Рэма, шумной бурей восторга. Ее по-женски глубокое счастье излилось вокруг лишь через сияние влюбленных глаз. Право, если бы она смотрела так всегда, Рэму и солнца было бы не нужно.

— Погодите, — вдруг вскинулся он. — Так они же

АЭЛИТА

летят прямо на Рамо-Вэлли, а их там не ждут так рано. Джек, их надо предупредить. Ты же знаешь, что там творится. Куча праздного народа в ожидании большой драки. Они же все там в стельку пьяны.

Джек кивнул.

— Как мы успеем в Рамо-Вэлли вперед орды?

— Они скачут степью, и им придется делать крюк, чтобы выйти на Рамо-Вэлли. Миновать Рамо-Вэлли они не могут, обоз им через кряж не проташить. В этих горах есть пара-другая секретных тропочек. Знали их два конокрада, которых повесили в Койре в прошлом году.

— А ты как про них узнал?

— А я вообще много чего полезного знаю, — хищно усмехнулся Рэм. — Про Драммонд-Холл, например. Вот что. Другого выхода я не вижу. Сейчас мы устроим большие скачки. Гран-при. Закрытый чемпионат Крисборо. Я хочу любой ценой их опередить. Мария... Я очень прошу тебя, это нужно выдержать. Обещаю тебе, от Рамо-Вэлли мы поедем шагом. А сейчас гнать я буду отчаянно.

Два дня и ночь они летели, почти не разбирая дороги и сползая с седла только ради того, чтобы дать отдых лошадям. Местами путь их был очень опасен. От этих дней у Марии практически не осталось воспоминаний. Все ее тело целиком состояло сейчас из одной боли. Иногда сквозь этот кошмар пробивался Рэм, умолявший ее потерпеть. И она терпела, теряя ощущение реальности. В какой-то момент она обнаружила, что ее привязали к седлу. На привалах им приходилось снимать ее с лошади. Она никогда не думала, что быть гонцом так страшно тяжело.

К вечеру второго дня перед ними раскрылось узкое ущелье Рамо, естественные и единственные врата в западную часть страны. Солнце било в эту щель, пылая кровавым закатом, а впереди раскинулась Рамо-Вэлли — долина Рамо — широкая, плодородная и густозаселенная. Здесь, вблизи ущелья, уже расположились регулярные войска. На пригорке, ярко освещенном солнцем, виднелись аккуратно выстроенные в ряд, нацеленные на ущелье пушки. Восток еще был чист.

Стоило им влететь в селение, как их сразу окружила толпа.

— Генерала! — крикнул Рэм, соскальзывая с седла. — Где генерал Кейси?

Кто-то сунул ему в руку кубок с красным вином, он одним глотком осушил его.

— Тайсы в полутора дневных переходах, — хрипло сказал он. — Может, и ближе. У нас максимум двое суток.

Глава VII

ПЕС ИЗ РАМО-ВЭЛЛИ

Мария очнулась в уютной комнате с бревенчатыми стенами. Она лежала на кровати, без ботфорт и куртки.

(21) В камине пылал огонь. Рядом никого не было. Судя по острому ощущению голода, времени прошло немало. Сев на кровати, она попыталась припомнить, где она находится, и что было до этого. Воспоминания были далекие, мутные. Рэм о чем-то долго шептался со старым знакомым — полковником из Вейса, после чего тот отвел их в гостиницу, полную офицеров. Их накормили. Джек почти силой заставил ее пить горячее красное вино, а потом... Должно быть, кто-то из них отнес ее сюда. Подумав, она решила, что находится в одной из верхних комнат той же гостиницы. Как ни странно, она чувствовала себя вполне отдохнувшей. Некоторое время она ждала, когда появится кто-нибудь из ее ангелов-хранителей, а потом ей надоело. Она встала, надела ботфорты, набросила куртку и натуго затянула ремень. Подумав, прикрепила к португее шпагу, чтобы не выделяться в толпе вооруженных мужчин. Выглянув через приоткрытую дверь, Мария обнаружила, что в общем зале никто не снимает шляп, и добавила к своему туалету еще и эту принадлежность. А потом спустилась вниз.

Ей повезло. Двое, занимавшие скромный столик в уголке, откуда видны были все входящие, только что покончили с нехитрым ужином, встали и ушли. Она села. Сейчас, когда рядом с ней никого не было, она чувствовала себя немного неловко, но вежливость подскокившего хозяина заставила ее приободриться. Она попросила ужин и в ожидании его, чуть прикасаясь к кубку вина, принялась рассматривать и незаметно изучать окружающих.

Ее глаз подмечал особенности моды и поведения, какие ей предстояло копировать: манеру сдвигать шляпу, расположение складок плаща, угол наклона рапиры, интонации голосов. Это занятие увлекло ее, и на вошедшего где-то в это время человека она почти не обратила внимания, хотя, услышав у стойки его хрипловатый голос, почти все посетители обернулись или покосились на него.

У него было острое и узкое лицо: про таких говорят, что у них — один профиль. Очень смуглое и подвижное, это лицо можно было бы назвать красивым, если бы не выражение скучающего хищника на нем. Человечу было не более тридцати пяти, но в длинных, разметавшихся по плечам черных волосах уже сквозила седина. Невысокий, худощавый и длиннорукий, он вошел в зал, как хозяин, и бармен, оставив прочих посетителей, тут же бросился к нему. Человек потребовал пива и, смочив губы, быстрыми глазами принялся обшаривать зал. В его голосе чувствовался легкий хмель, а движения были нарочито развязны. Те, кто находился на его пути, постарались, не теряя достоинства, будто бы небрежно, отойти в сторонку. Никто старался не смотреть в его направлении слишком пристально. Удостоив его равнодушным взглядом, Мария вновь перевела взгляд на дверь.

— Мне нравится это место, — сказал тот человек, останавливаясь перед столиком Марии. — Тебя не учили, мальчик, уступать место мужчинам?

Неожиданность и страх лишили ее языка лишь на очень короткое время. Место, разумеется, только предлог. Этот человек искал развлечения. Зал затих. С напряженным вниманием посетители и бармен наблюдали за игрой бретера Гримсбери с неизвестным подростком, очевидно, готовившимся принять боевое крещение в действиях при Рамо-Вэлли.

— Меня учили, — отчеканила Мария, — что мальчик, уступающий место кому бы то ни было, если только это не женщина, никогда не станет мужчиной.

Может быть, это вскипела в ней кровь буйного клана. Подобный ответ обязательно снискал бы ей аплодисменты, если бы Гримсбери не обвел зал налитыми кровью глазами. Одобрительные усмешки попрыгали, как мыши в норы. Ответ был достойный, но чрезвычайно рискованный — Гримсбери был в таком состоянии, когда просто необходимо подражаться.

— Я сказал — убирайся!

— Я пришел сюда первым, — ответила Мария.

С молниеносной быстротой Гримсбери, выбросив вперед руку, толкнул ее в плечо. Девушка отлетела к стене, стукнулась о нее спиной и сползла вниз. Хрупкость Драммондов, однако, обманчива. Немного оглушенная, она поднялась, и ее пылающие глаза вновь не опустились перед голубым льдом глаз Гримсбери. При попытке восстановить равновесие, ее рука нечаянно — и все, разумеется, видели, что это было нечаянно — задела эфес шпаги, висевшей на ее поясе.

— Ага! — вскричал Гримсбери. — Ты угрожаешь мне оружием!

— Гримсбери... — кто-то набрался смелости урезонить буюна. — Он же еще ребенок.

— Тайсы не будут спрашивать, сколько ему лет. Он явился на битву. У него на поясе добрая сталь. Почему же я должен оказать снисхождение его нежному возрасту? Впрочем, я его не убью. Несколько шрамов на этом смазливом личике придадут ему мужественной красоты.

— Может быть, ты и моему лицу захочешь добавить мужественности?

Гримсбери резко обернулся. Взгляды всех присутствующих обратились к двери, откуда появился вновь вошедший. Мария, перепуганная до полусмерти, чего, однако, нельзя было сказать по ее внешнему виду, радостно и немного растерянно посмотрела туда, откуда пришло спасение. Голос уже давно был ей знаком, но, увидев человека, она на секунду усомнилась, тот ли он, кого она знала.

Говоря о своем лице, он снял шляпу и теперь держал ее в руке. Он стал дорог ей еще тогда, когда был всего лишь голосом в темноте. Потом она узнала веселого, доброго, отважного человека. Люби-

ла таким, каким знала. Вечно взъерошенного, перепачканного, запыхавшегося, подпаленного, оборванного. Ей и в голову не приходило, что Рэм Ко-нахан хорош собой.

Оставив ее отдыхать, он, очевидно, отправился приводить себя в порядок. Распахнутый воротник новой белоснежной шелковой сорочки открывал сильную загорелую шею, широкие рукава стекали к затянутому в черные перчатки кистям рук. В его гордом лице, что и говорить, мужественной красоты было ни убавить, ни прибавить. Сам дух рода Ко-наханов не мог бы выглядеть более внушительно. Он был сероглаз, как и все представители его клана, с коротким прямым носом, резкой линией губ, великолепно очерченными скулами и подбородком, достаточно массивным, чтобы изуродовать лицо, но, совершенно очевидно, способным выдержать прямой удар в челюсть хорошим кулаком. В свете факелов чистые, тщательно причесанные кудри его сияли золотом. Длинный шерстяной плащ, наброшенный на левое плечо, окутывал его до самых шпор. Ботфорты были тщательно начищены, а левый край плаща совершенно недвусмысленно приподымался.

Это уже была не жертва. Это был опасный противник, и Гримсбери, осознав это, произнес:

— У меня ссора не с тобой.

— Разумеется, — Рэм неторопливо шагнул вперед. — Я-то не подросток.

Гримсбери вздрогнул от хлесткого смысла этих слов. Он был, как пощечина. Ну что ж. Тем лучше. Мальчишка был забавой, так, от скуки. Гримсбери любил опасные забавы.

— Я опозорю свою шпагу, если буду драться с кем попало, — бросил он, стараясь сравняться в оскорблениях.

— Я тоже тебя не знаю, — парировал Рэм.

— Гримсбери из Рамо-Вэлли!

— Ко-нахан из Крисборо.

Кто-то в дальнем углу протяжно свистнул. Мало кто из дворян не слышал об истребленном клане и об одиоком крисборском волке.

— Ну что ж, — сказал Гримсбери. — Тогда начнем с тебя.

Пугающе привычными жестами мужчины сбросили плащи. За ними полетели на стулья узкие камзолы.

— Мики, уходи! — коротко бросил Рэм в сторону Марии.

— Он верно говорит, — заметил пожилой помещик, присаживаясь за столик Марии. — Уходи, пока Гримсбери о тебе не вспомнил. Эй, два к одному — на Гримсбери!..

Мальчишки-слуги торопливо и привычно растащили в стороны от одной из стен столы и стулья. Там, где изо дня в день собирается множество вооруженных бездельников, непременно кто-нибудь кому-нибудь

отдавит любимую мозоль. Дуэли были обычным делом. Завсегда, превратившиеся в зрителей, обступили сцену. В толпе наперебой заключались пари.

— Ставки в пользу Гримсбери? — спросила Мария своего соседа.

Тот кивнул.

— Может, этот рыжий парень так же хорош драться, как задираться, — сказал он, — но я его не знаю. А Гримсбери — буян известный. Вообще-то, давно бы надо схватить его за руку, да только самоубийц не находилось. Твой приятель, однако, умеет себя вести. Посмотрим, чего стоит его нахальство.

— Рэм Конахан — вторая шпага Крисборо, — заметила Мария, обиженная ставками не в пользу своего друга.

— Кто же первая? — с любопытством спросил ее сосед.

— Джек Драммонд. Правда, — она усмехнулась, — я говорю со слов Драммонда.

Умение себя вести — вот что ценится в подобных ситуациях выше всего. Умение петушиться, задираться и хвастаться. Рэм не был бы Конаханом, не владел он в совершенстве искусством оскорблений и вызова. Так лихо, почти художественно перебил он чужую ссору и навязал свою, что поневоле выдал в себе забияку.

Мужчины неторопливо готовились к схватке. Запутавшийся шпорой в табурете Гримсбери пинком отшвырнул с дороги трехногую мебель. Рэм усмехнулся ему в лицо — нарочитая воинственность в таких ситуациях, как правило, считается признаком дурного тона. Сам он до последнего момента даже не прикоснулся к эфесу. «Я вытаскиваю оружие, — говорило его поведение, — когда хочу убить. Я не играю с детьми в жестокие игры.» Высокий, широкоплечий, узкий в талии и бедрах, он выглядел куда привлекательнее, нежели Гримсбери. Гримсбери, однако, казался более вертким, и руки у него были длиннее.

— Гримсбери старше, — поделился с Марией своими соображениями ее сосед. — Он значительно опытнее. Ставки, как видишь, в его пользу. Но мне нравится, как держится твой друг. Ты что, совсем не умеешь фехтовать, раз он так за тебя кинулся на Гримсбери?

— Шпага — не мой козырь, — призналась Мария.

— Тогда дам совет. Когда сюда попрут кочевники — не лезь в самую драку. Держись в тени. Таких ребят, как ты, либо убивают в первом же бою... либо они набираются опыта, и из них получаются отличные солдаты. Не рвись сразу совершить все подвиги. Твоя задача — просто остаться в живых.

Мария пристально посмотрела на своего соседа. Он действительно был уже весьма пожилым человеком — лет шестидесяти. Видимо, был он добровольцем — ветеран, неспособный усидеть на месте. Тот, в свою очередь, внимательно посмотрел на ее руки. Достал трубку, не спеша набил ее, закурил. При первом ударе

стали о сталь он вынул ее изо рта, хотел положить на стол, но рука его дрогнула, трубка упала на пол, и прежде, чем Мария успела ее подхватить, он уже был под столом.

— Ну... ну... — отскакивая и открываясь, выманивал Рэма на глубокий выпад Гримсбери.

Рэм, смеясь, покачал головой. Как ни заманчива возможность достать открытого противника, нет ничего проще, чем успешно контратаковать тебя, когда ты будешь возвращаться в стойку. Он уже оценил быстроту Гримсбери. Хотя перед началом поединка Гримсбери был довольно ощутимо пьян, он, почувствовав в руках привычную тяжесть шпаги, почти сразу же пришел в себя. Рэм понял, что этот парень опасен, как гремучая змея, и улыбка на его лице стала маской, за которой он спрятал свою сосредоточенность. Мария подумала, что его выдают глаза — холодные, твердые, острые. Но и Гримсбери стал серьезнее. Он не рассчитывал, что этот рослый парень так ловок и увертлив.

Они работали в разных стойках. Гримсбери стоял по-новомодному, правым боком, на полусогнутых ногах, покачиваясь с носков на пятки. Это позволяло ему быстро переносить центр тяжести и лучше использовать свою подвижность.левой рукой с кинжалом он балансировал для равновесия. Рэм стоял прямо. Его козырями были большая физическая сила и обоерукость. Он мог принять удар как на шпагу, так и на трехгранный тяжелый кинжал.

Финт, финт, выпад! Гримсбери налетел, как стальной вихрь, казалось, еще немного, и они столкнутся... На мгновение дуэлянты замерли... их шпаги скрестились у самых эфесов, и они стремились пережать друг друга. Гримсбери уступил, и сила толчка, которому он поддался, была такой, что его развернуло на триста шестьдесят градусов. Шпага Рэма, по инерции двигаясь вдогонку и вниз, чиркнула его по бедру.

Зал взорвался аплодисментами. Красивый удар здесь ценили выше потерянных ставок.

— Крисборский волк достал-таки вашего брехливого пса! — заметила Мария.

Старик кивнул, глядя на схватку с удовольствием знатока.

— Парень знает свои преимущества и умеет ими пользоваться. Но и Гримсбери сейчас раскипятится. Они ведь не дети, чтобы драться до первой крови, а у Гримсбери наверняка есть что-то в запасе. Это ты мог бы отделаться несколькими шрамами. Полагаю, ты бы ему быстро наскучил. Не-ет, эти двое еще себя покажут. С волками — по-волчьи.

Разъяренный Гримсбери резко взвинтил темп и обрушил на Рэма шквал сверкающей стали. Это выглядело устрашающе, но для опытного Конахана оказалось не слишком опасно. Реакция у него была не хуже, чем у противника, и он стоял, как скала. Гримсбери дрогнул. Шаг за шагом он стал отступать.

Рэм прижал его к стене, и тут более опытный боец рванулся вниз и вправо. Бросив кинжал, он вцепился в левое запястье своего противника и, падая, проворотом вокруг себя швырнул Рэма в сторону. Летя в стену головой, Конахан ухитрился еще немного повернуться вокруг собственной оси и принял удар на левое плечо и спину. Так его только слегка оглушило, стена, в которую он врезался, не позволила ему упасть, и он успел прийти в себя в те доли секунды, что потребовались Гримсбери, чтобы вскочить на ноги.

— Вмажься он в стену головой, — прокомментировал сосед Марии, — точно раскроил бы себе череп. Ну, сейчас дело пойдет по-настоящему. Они уже ненавидят друг друга.

Теперь о красоте поединка было забыто. Искусство отошло на второй план. Дуэлянты жаждали крови друг друга. Мария побледнела. Ей стало страшно. Она вдруг поняла, что в этом страхе тревога за жизнь Рэма составляет не целое, но лишь часть чего-то большего, чего-то более страшного. Это был страх перед жестокостью.

Бессчетное число раз кружащие противники менялись местами... Все лица вокруг них слились и размазались, все голоса соединились в неясный гул. Кровь молотила в виски. В какой-то миг раненная нога Гримсбери подвела его, и в тот момент, пока он вздрагивал и морщился от боли, Рэм нырнул в глубокий выпад, тот самый, в который Гримсбери безуспешно пытался выманить его в начале схватки. Взмах шпаги — и прядь рыжих волос под дружный «ах!» зрителей взвилась в воздух, отсеченная Гримсбери в дюйме от головы Конахана. И тут же — короткий вскрик боли. Рискнув, в выпаде Рэм дотянулся до него, и Гримсбери оставил на белом песке, которым был посыпан пол, значительную часть своего уха. Из-под волос на воротник его сорочки потекла кровь.

— Эй! — крикнул сосед Марии. — Три к одному — на рыжего!

— Ваше мнение изменилось?

Старик не успел ответить, как зрители опять дружно вздохнули... Алая косая линия прочертила лоб Гримсбери, кровь стала заливать ему глаза. Он судорожно вытер лоб рукавом и грязно выругался. Лучше бы он потратил эти силы на оборону — за удовольствие помянуть покойную родню Рэма он расплатился глубокой рубленой раной в левое плечо.

— Дело сделано, — сказал старик. — Гримсбери побит, и он это понимает. Лучше всего для него было бы рассмеяться и признать поражение. Но его душит злорадия. Пожалуй, твоему приятелю лучше прикончить его, если он не хочет получить темной ночью в спину порцию холодной стали. Но, черт возьми! Что он делает! Это же сознательная жестокость! Убивать — убей, он в твоих руках уже... но резать на куски...

Острый, как бритва, кончик шпаги Конахана полоснул Гримсбери по скуле и ниже, часть щеки отошла и повисла, открыв десну и желтоватые стиснутые зубы. Гримсбери

стал похож на бешено щерящегося пса. Смешанная с кровью слюна текла из пореза. Опасаясь получить новую рану, он, не ввязываясь в ближний бой, двигался вокруг неторопливо и уверенно поворачивающегося, совершенно невредимого Рэма, державшего его, словно на поводке, на клинке своей шпаги. Сверкающее острие покачивалось в опасной близости от глаз Гримсбери.

— Вы в проигрыше... сэр! — вполголоса, улыбнувшись с теплой жестокостью, сказал Рэм.

Обезумевший от боли и злобы Гримсбери взревел и, забыв обо всем на свете, кроме жажды убийства, бросился на противника. Дальнейшее не было даже делом техники. Рэм шагнул в сторону, а рука его со шпагой осталась на месте. Гримсбери насадил себя сам.

— Можно сказать, самоубийство, — освобождая оружие, сказал Рэм и обернулся к толпе. — Кто-нибудь еще рискнет задевать малышкой? Я могу дать еще один урок хороших манер.

Желающих, как и следовало ожидать, не нашлось. Рэм набросил камзол на плечи, чтобы не остыть слишком быстро, и наткнулся взглядом на расширенные в неспитворном ужасе глаза Марии.

— Мики! Я же сказал тебе, чтобы ты уходил!

— Ты не можешь мне приказывать, Рэм Конахан, — отчеканила она. — Тем более, подобным тоном.

Встав из-за стола, она надвинула шляпу на лоб, не удостоивая его взглядом, поднялась по лестнице вверх. Сопровождаемый осторожными взглядами, с непроницаемым видом, но совершенно потерянный в душе, Рэм последовал за ней.

— Провалиться мне, — задумчиво произнес старик. — Наконец доперло. Такие маленькие ножки, ручки, никогда не прикасавшиеся к шпаге, нежная кожа, гламенные глаза. Мальчик никогда не позволил бы себе такой неслыханной фанаберии по отношению к выручившему его другу. Это же девушка, и прехорошенькая. Провалиться мне, если парню не придется повертеться, прежде чем она снова на него посмотрит.

* * *

Когда Джек открыл дверь в комнату, там было почти темно. Огонь в камине прогорел, и, поскольку было уже достаточно жарко, дров не добавляли. На постели, отвернувшись лицом к стене, лежала Мария. Большое деревянное кресло было развернуто к огню, и на подлокотнике лежала затянутая в черную перчатку кисть руки. Сверкающий белый шелк сорочечного рукава застыл в неподвижности, как обледеневший в падении водопад. Ноги в ботфортах были подняты на стоявший рядом табурет. От Рэма пахло вином. При иных обстоятельствах подобная сцена и подобная компания заставила бы Джека насторожиться.

— Ребята, я только что снизу, — сказал Джек. В голосе его сквозило напряжение. — Там отскребают от пола какого-то типа. Рэм, ты не хочешь объясниться?

— Не хочу, — лаконично ответили из кресла.

— Не уверяй, будто это не твоих рук дело.

— Моих.

— Я узнал по почерку. Мне не нравятся твои развлечения, Конахан! Ты напился, что ли, черт тебя подери? Ты можешь мне ответить?

— Все в порядке, Джек, — устало сказала Мария, оборачиваясь. — Почти. Этот человек, посчитав меня юношей, затеял со мной ссору. Рэм перебил ее и перехватил поединок. На самом деле он очень меня выручил.

Джек ахнул.

— Ты все это видела? — он присел у изголовья сестры. — Конахан, ты что, не мог его просто убить? Ты человек или... кто?

— Ты что, думаешь, жестокость можно остановить, просто пожурив подонка? — вскипел Рэм. — Их был там полный бар! Все видели, как этот ублюдок пристает к мальчишке! Никто не вмешался. Сволочи. Они его уже знали. Первый местный убийца. Доставлял им бесплатное развлечение. Он бы искалечил ее, они бы ее пожалели. Этих убивал и буду убивать. Они жестоки, а я буду — вдвое...

Джек почувствовал, как вздрагивают под его рукой тонкие плечи Марии. Она плакала отчаянно, по-детски. И не Рэм нужен был, чтобы утешить ее на этот раз.

Глава VIII

КРИСБОРСКИЙ ВОЛК

Копыта их коней ступали теперь по дороге, ведущей напрямик в столицу. Мария подняла глаза, до того упрямо уставленные в конскую гриву, и посмотрела в спину Рэма. Джека и его безмолвное сочувствие она ощущала рядом с собой. Все... все кончилось? Все, что обещало столь много? Человек, которого она любила, в один вечер стал просто попутчиком. Теперь ей было куда хуже, чем тогда, по дороге в Арсан, где ожидала его смерть. Непрестанная боль терзала ее сердце, когда, глядя на его усталое опущенные плечи, она вспоминала этапы их опасного путешествия. Джек был прав. Рэм страшно опасен. Но, видит бог, как ей хотелось любить его. Потерять его... Потерять его навсегда, не слышать его смех, не видеть, как теплеют его глаза, когда он смотрит на нее. И больше никогда... никогда не коснется он губами ее губ. Из-за того, что она не может его простить? За что? За то, что не ими придумано? За то, что жестокость порождает страх, а страх порождает жестокость? За то, что сделала ему ее семья? За то, что он рисковал жизнью, защищая ее? Кто она такая, чтобы решать вопросы прощения, когда они в божьих руках? Он ради нее

отказался от священного для него дела мести. Неужели она ради него не сможет побороть свои страхи и отвращение к крови? Есть власть, думала она. У нее есть какая-то власть встать на пути его жестокости, как однажды она уже встала на пути его мести. И никто, кроме нее, не имел такой власти.

Было холодно. Иногда пролетали крупные редкие снежинки. Как и обещал Рэм, спутники ехали шагом. Он отгородился от них молчанием, чувствуя их осуждение и ужас. И самого его охватило равнодушие. Теперь, когда он понимал, что потерял Марию, что глаза ее больше не сияют навстречу ему, ему совсем ничего не хотелось. Возможно, это была нервная реакция на миновавшую опасность. Вероятно, если бы кто-нибудь захотел сейчас забрать его жизнь, он мог бы сделать это без особого труда.

В полдень они остановились на привал. Рэм молча занялся костром, Джек расседлывал лошадей. Они не говорили, но Мария вдруг обнаружила, что они понимают друг друга с полувзгляда, с полужеста. Стоило одному повернуться, как другой уже согласно кивал в знак того, что понял, о чем сейчас пошла бы речь.

Покончив с едой, Рэм надвинул шляпу на глаза, словно собираясь вздремнуть, и вздрогнул, услышав, как голос Марии произнес его имя.

— Рэм, — сказала она, — вот в какое глупое положение может попасть не умеющий держать оружие субъект. Покажи мне, пожалуйста, хоть как это делается.

В руках она держала свою короткую легкую шпагу и смотрела на него так, словно ничего плохого между ними не произошло. Ничего не было! И от этой мысли Рэм, не терявший никогда в жизни, оторопел настолько, что вместо того, чтобы воспользоваться случаем, фигурально выражаясь, полез в кусты:

— Джек всю жизнь утверждал, что фехтует лучше. Разумеется, как обычно, преувеличивал.

— Я просила Джека! Он сказал, что это не моего ума дело.

Брови Джека взлетели вверх:

— Тебе было девять лет!

— Вот такая я злопамятная. Моя неловкость раздражала бы тебя, а как бы мне твои уроки третьего дня пригодились. Представляешь, если бы Рэм не появился вовремя...

Оба молодых человека судорожно вздохнули.

— Ну?

— Ладно, — сказал Рэм. — Чего хочет женщина, того хочет бог. Самое главное — это подвижность и сила кисти. Шпагу в кулаке не зажимают. Держи ее на согнутом указательном пальце, нежно, как птицу...

Джек усмехнулся, наблюдая за ними. В упоении отпущения грехов Рэм напоминал отруганного и прощенного щенка. Торопливо поджав хвост,

депрессия убралась вон. С удивлением и восторгом Джек обнаружил, что Мария мудра. Он помнил, как рыдала она, уткнувшись лицом в его грудь, и сквозь слезы призналась, что в какой-то миг ей померещилось, будто Рэм рубился с Каспером. Он полагал, что потрясение ее необъятно, что Рэм нанес ей незаживающую душевную рану, но где-то в самой глубине души он понимал его и восхищался им. Рэм дрался, разумеется, не просто с Гримсбери. Он дрался с жестокостью ее оружием, сознательно при этом жертвуя собой. Похоже, он ввязался бы в эту ссору, даже если бы в ней не была замешана Мария. В этом было нечто безумное, но и нечто высокое, как в обреченном на провал рыцарстве. Джек был рад, что они помирились. За те несколько спаянных опасностью недель, что они провели вместе, он вынужден был признать, что Конахан — чертовски симпатичный парень.

— Ты ей скользкий блок, что ли, показываешь? — спросил он. — Как у вас успехи?

— Нормально, — засмеялся Рэм. — Будет отличным бойцом, когда усы пробьются. Ладно, малыш, хватит на сегодня. Завтра ты руки поднять не сможешь.

— Но я надеюсь на продолжение, — заявила Мария, плюхаясь на землю возле костра.

Рэм весело взглянул на Джека и лихо согнул свой клинок в дугу.

— Разомнемся, Драммонд?

Джек лениво шевельнул бровью.

— Ну же... Ты часто хвастал, будто превосходишь меня в этом деле.

Джек протянул ему руку, и Рэм, рванув, легко поставил его на ноги.

— Тогда не обижайся, если я поцарапаю твою физиономию.

— Вы что, собираетесь разминаться на боевом оружии? — встревоженно спросила Мария.

— А где нам взять другое? Кроме того, нам не привыкать.

— Тебе-то уж точно не привыкать. Сестренка, на его шкуре уже есть мои отметины.

— Будто на твоей нет! — возмутился Рэм.

— Но это — чистая случайность.

Сперва последовали несколько пробных схваток, после каждой из которых противники опускали оружие и останавливались поразмыслить. Потом они разразились коротким яростным боем, произведшим со стороны сильное впечатление на Марию.

— Ты здорово прибавил, — вынужден был признать Джек.

— Запыхался?

Джек сделал вид, будто обиделся. Схватка возобновилась в бешеном темпе. Сегодня Рэм поменял стойку и стоял правым боком к противнику, пользуясь преимуществом большей подвижности, даваемой этой

позой. Он нападал, Джек оборонялся, и они кружили по всей полянке. Мастерство его, действительно, весьма возросло, и Джек подумал, что, вполне возможно, сейчас Рэм превосходит его. В этом не было бы ничего удивительного: после возвращения из корпуса сам он вел достаточно размеренную жизнь, тогда как Рэм, похоже, тренировался часто и, судя по результатам, остервенело. Остервенело? Ну да, учитывая, что он собирался поубивать их всех.

Они давно уже перешли границы тренировки, а яростно насакивающий Рэм, казалось, не собирался прекращать своих атак. Джек встревожился. К нему пришла мысль, от которой он не мог избавиться. Он находился сейчас на месте Каспера. Контролирует ли Рэм Конахан себя в эту минуту? Не видит ли он напротив себя не Джека, а Драммонда, из тех, что причинили ему столько горя? Эта мысль по мере продолжения схватки разрасталась, пока не заполнила все сознание Джека. Можно ли остановить Рэма, и если все-таки можно, то как? Как его отрезвить? Джек чувствовал, что выматывается. Чем больше проходит времени с начала поединка, тем выше шансы у того, кто обладает большей физической силой. Механически парируя немислимое разнообразие ударов, обрушиваемых на него Конаханом, он думал сейчас лишь об одной удачной контратаке. Человек, нападающий столь самозабвенно, наверняка дает слабину в обороне. И он теперь зорко следил и ждал, когда же Рэм хоть немного откроется. И когда этот миг настал, Джека словно кто-то под руку толкнул. Что это было: старая кровная вражда или всего лишь страх? В выпаде «ин-сексте» на мельчайшую долю секунды Рэм оставил без защиты правое плечо, шпага Джека как будто сама устремилась туда и глубоко разрубила бицепс Рэма. В тот же момент Джек отрезвел. С жутким проклятием Рэм отшвырнул шпагу и бросился на него. Останавливать его шпагой в этом прыжке было все равно, что пытаться остановить быка перочинным ножом, да у Джека и не хватило бы на это реакции. Рэм Конахан припечатал его к земле, и на своем горле Джек Драммонд почувствовал лезвие кинжала. В эту секунду он ничуть не сомневался ни в своем конце, ни в том, что сам его спровоцировал, жесткостью вызвав Конахана на большую жестокость. Пронзительный непрерывный крик вибрировал в его ушах:

— Нет, Рэм, нет, пожалуйста, нет!

— Ты понял, что я могу с тобой сделать? — сказал Рэм. — Ты, надеюсь, понял, почему я этого делать не стану? Кто бы из нас не убил другого, жертвой-то будет она. Поднимайся, парень. Ближе к смерти ты еще не был.

Он поднялся и пошел прочь, пошатываясь и зажимая рану рукой, оставив оглушенного и ошарашенного Джека лежать на земле. Снежная крупа с небес по-

сыпалась сильнее, и среди пучков сухой травы уже образовались небольшие белые пушистые островки.

Джек сел. Он еще не сообразил, что остался в живых.

— Ты дурак, Джек Драммонд, — громко и резко бросила ему Мария. — Господи, ну почему ты такой дурак?!

И побежала туда, следом за человеком, из последних сил пытавшимся удержаться на ногах.

— Рэм! Постой!

Он упал лицом вниз, в траву и снег. Его сорочка вся окрасилась кровью, но эта рана была пустяшной по сравнению с тем, что он сейчас мучительно пытался остановить. Желание убить судорогой сводило его мышцы, и плечи его дрожали. Он задыхался от невозможности дать выход своему бешенству и горю.

— Рэм, — сказала Мария, останавливаясь перед ним, — если тебе надо что-нибудь разбить, вот я.

Он шевельнулся и поднял к ней голову. Измученное лицо, потухшие глаза. Медленно, с трудом, поднялся на колени. И вдруг — она успела только охнуть — обхватил руками ее талию и уткнулся лицом куда-то ей под ребра. Ей показалось, будто его горячее дыхание прожгло ее насквозь. Боли не причинит, но рванешься прочь — не выпустит. Это были и страх... и гордость — все от того, что такой большой, отважный и сильный человек просит у нее защиты.

— Моя любовь, — сказала она, касаясь его волос. — Входя в комнату, ты заполняешь ее. Когда тыходишь, ты вносишь с собой огонь и свет. Чего бы не сделала я, лишь бы вновь зажечь в этих серых глазах их, как говорят, опасные огоньки. Я не боюсь тебя, Рэм Конахан. Но, господи, как к тебе пробиться?

Несколько мгновений они стояли, не шевелясь. Потом Рэм снова поднял к ней лицо. В каждом из его глаз плясал целый выводок веселых чертей.

— А замуж за меня пойдешь?

— Пойду, — сказала Мария, почувствовав себя веселой и легкой от сознания, что был перед нею прежний Рэм. — Только... я же почти ничего не умею. Тебе придется всему учить меня.

От его взгляда ей было радостно и жутко. Она не помнила, чтобы он раньше так смотрел на нее.

— Не труд для мужчины, — усмехнулся он, неторопливо поднимаясь на ноги, и теперь уже снова она смотрела на него снизу вверх.

— Осталось от твоей нижней юбки хоть что-нибудь?

— Тебя перевязать хватит.

Обнявшись, они вернулись к костру. Джек вскочил при их приближении.

— Извини, — сказал Рэм, протягивая ему левую руку.

— Это ты меня извини, — серьезно ответил Джек, хлопая рукой по его раскрытой ладони. — Помешательство нашло. Должно быть, — прибавил он искренне, — старый страх. Я не хотел.

— Да чего там, — отмахнулся Рэм. — Первый раз, что ли? На моей шкуре и так полно твоих отметин, шурин.

— Что ты сказал?

— Рэм сделал мне предложение, — отозвалась Мария, бинтуя руку Рэма и низко склоняя порозовевшее лицо. — А я согласилась.

— Ну и денек, — буркнул Джек. — А меня кто-нибудь спросил? Разумеется, это чертовски умно: заставить Драммондов восстанавливать клан Конаханов. Между прочим, Мария, если ты согласилась, чтобы уберечь мою шкуру, то я не нуждаюсь в таких жертвах.

— Я тоже, — засмеялся Рэм.

— Ты нуждаешься в хорошей порке, Джек Драммонд, — сообщила ему сестра.

* * *

На дальнейшем их пути в столицу не случилось ничего достойного внимания. Целую неделю они ехали спокойно, и лишь от обогнавшего их курьера узнали, что под Рамо-Вэлли одержана полная и достойная победа.

Глава IX

КОРЕНЬ МЕСТИ

Открыв глаза, Мария с любопытством осмотрела комнату. Ознакомиться с ней накануне вечером у нее не было никаких сил. Рэм настоял, чтобы хотя бы в первую ночь брат и сестра Драммонды, вместо того, чтобы, валясь от усталости с ног, искать гостиницу, остановились у него. Гостеприимный хозяин предоставил спальню в распоряжение гостей, а сам с Джеком расположился походным лагерем в гостиной.

Мария прислушалась. За дверью стояла тишина. То ли мужчины еще спали, то ли, что было вероятнее, уже ушли.

Спальная комната, в которой она провела ночь, была совмещена с кабинетом и оформлена уютно, но очень строго, с намеком на то, что хозяин — человек серьезный. Ряды полок темного дерева, наполненные книгами по экономике, политике, военному делу, карта страны на стене, соседствующая с двумя скрещенными рапирами. Высокое окно с бархатными шторами, в которое, как шпаги, вонзились косые лучи осеннего солнечного утра. Раскрытый атлас на столе, уже тронутый налетом пыли — видимо, Рэм оставил его так, отправляясь на свое задание, из чистого суеверия — был покрыт карандашными пометками. Напольные часы остановились на семнадцати минутах третьего. Во всем чувствовался человек аккуратный... и очень одинокий. Мария бывала в комнатах своих братьев — то там, то здесь непременно обнаруживается намек на кого-либо из прочих членов

семьи — подарки, портреты, уйма всевозможных милых мелочей. Тут ничего подобного не было. Только сам Рэм. Мария догадалась, что после трагедии он избавился от всего, что постоянно напоминало бы ему об утрате. Жестко. Но необходимо, чтобы сохранить здравый рассудок.

Она поискала взглядом свою одежду, но не нашла ее. Вместо сброшенных ею накануне брюк, куртки, сорочки — всего, носившего отпечаток длительного и тяжелого путешествия — рядом на стуле лежал пушистый черный халат. По размеру она догадалась, что он принадлежал Рэму: рукава ей пришлось завернуть, а подол спускался до самого пола. Обuvi не было, но пол устилал пушистый ковер, и ступать босиком было приятно. От выложенной изразцами печи в углу по комнате распространялось приятное тепло. В деньгах Рэм, похоже, не нуждался.

Она обернулась на чуть скрипнувшую дверь. На пороге стояла молодая девушка.

— Я дочь консержки, — сказала она. — Господин просил сделать для вас все, что вы захотите, леди.

— Меня зовут Марией, — улыбнулась леди. — А тебя? — Лючия, леди...

— Мария! Я впервые в столице, и ничего здесь не знаю. Мне бы хотелось иметь подругу.

— Я рада быть полезной вам, Мария, — улыбнулась в ответ девушка. Рэм намекнул ей, что если она поладит с гостьей, то, возможно, получит постоянную работу. Мария, судя по первому впечатлению, была мила.

— Могу я принять ванну, перекусить и... сделать что-нибудь с волосами, чтобы походить на женщину?

Что может сравниться с горячей ванной после длительного путешествия! Мария чуть не расплакалась от восторга. А когда она выбралась, наконец, из ванны, ее ждал накрытый к завтраку стол. Кроме них с Люцией в квартире никого не было.

— Господа ушли утром, — пояснила Лючия. — Испачкали сапогами ковры в гостиной, опустошили кувшин с вином, сообщили, что позавтракают в центре, и испарились. Темноволосый господин — ваш брат?

Мария кивнула.

— Очень учтивый кавалер, — сообщила Лючия. — С горничной говорит, как с принцессой.

После завтрака Лючия принялась за волосы Марии. Около получаса она возилась с ними, пытаясь сделать из них прическу, и только потом позволила госпоже заглянуть в зеркало.

Мария посмотрела и не узнала себя. Волосы были зачесаны наверх и закреплены шпильками в небольшой валик. А выделившееся лицо было... Ее называли милой и хорошенькой, и когда Рэм утверждал, что она красива, она полагала, что он преувеличивает. Но эта девушка в зеркале была красива. В небольшой головке на длинной хрупкой шее изящество соперничало с гордостью. И была она взрослее той, что три недели назад покинула Крисборо.

Потом Лючия ушла, сказав, что ей необходимо побывать на рынке и купить продукты для обеда и ужина. В одиночестве Мария обошла дом. Она не могла не оценить деликатность Рэма, понимавшего, что ей необходимо привести себя в порядок с дороги. Он один занимал сейчас все ее мысли. С девушками это случается.

Думая о нем, она вернулась в кабинет и уселась за его письменный стол. Атлас был раскрыт на картах с названиями, знакомыми ей по долгому пути: Крисборо, Вейс, Арсан, изогнутая длинным когтем долина Рамо. Он все-таки хотел вернуться. Три города на карте были обведены кружками — она знала теперь смысл этих обозначений. Сердито она захлопнула атлас.

Красивый письменный прибор, объединенный с маленькой шкатулкой, привлек ее внимание. Шкатулка была не заперта, и, подцепив крышку ногтем, Марии удалось ее открыть. Она была почти пуста. Почти... Маленький медальон с золотой цепочкой лежал на обивке из алого бархата под узорчатой чугунной крышечкой.

Он, несомненно, был дамский, и Марию уколола ревность. Дамский, бережно хранимый медальон, при полном отсутствии признаков кого-либо, имеющего значение для Рэма Конахана, свидетельствовал об очевидном безразличии. Подумав, что ей необходимо раз и навсегда прояснить этот вопрос, Мария решительно открыла медальон.

Это был портрет девочки с ярко выраженной принадлежностью к клану Конаханов. В веселом и дерзком выражении этих прищуренных глаз невозможно было ошибиться. И если волосы Рэма были лишь тронуты рыжиной, то у этой красотики на голове пылал настоящий костер. Сестра? Кузина? На бумажной прокладке крышечки кривоватыми буквами, старательно — Мария представила, как помогал ей в этом нелегком деле язычок — было выведено: «Рамси, мне уже тринадцать. Саския». Четырнадцати ей не исполнится никогда. Мария поняла, что обнаружила ту самую, дошедшую до сердца рану. У каждого в семье есть кто-то, к кому привязан больше всех. Сама она была ненамного старше этой особы. Она знала девочек Конахан. Все, как одна, плотненькие, сильные, здоровые, с этими ямочками на круглых мордашках, каким всегда отчаянно завидовали утонченные худенькие девочки Драммонд. Вполне в духе семей они постоянно задирались и хвастались друг перед другом. Ей показалось, что она помнит Саскию Конахан. Бешено рыжая, взвод чертей, или, попросту, Рэм в юбке. У этой малышки были, должно быть, крепкие кулачки. Она, наверное, не заплакала, когда поняла, что ее пришли убивать. Марию пробрала дрожь. Вот где был корень жестокого безумия Рэма. Вот какая заноза сидит в его сердце. С пронзительной болью Мария подумала, что эта рана не заживет никогда.

«Рамси, мне уже тринадцать.» Это было так недавно — она помнила себя в эти годы. Старший брат

— да это же почти первая любовь. Наверняка Рэм был для Саскии тем же, чем для нее самой был Джек: самым отважным, самым красивым, умным и добрым. Брат, которому можно рассказать все. А может, даже и рассказывать не нужно — он сам понимает тебя.

Насколько легче воспринимается мысль даже о чудовищном преступлении, когда жертва не персонифицирована! Когда Рэм вытаскивал ее из горящего Крисборо... и даже раньше, когда он беседовал с ней в ночном саду, кем она тогда больше была для него — Марией или Саскией? Когда в тумане он утешал ее, он поцеловал ее в первый раз — как Саскию?

Как оно было бы, если бы вышло наоборот? Если бы не Рэм—Мария—Джек, а Джек—Саския—Рэм? Саския не была бы так постыдно слаба. Страх и отчаяние не имели бы над ней такой власти. Была бы она рядом с ними равной. Но к чему гадать! Бог рассудил иначе. Он сделал так, что она встретила человека, в чьем сердце жгучая боль потери с большей силой вызвала не жажду крови, а отчаянное желание заполнить образовавшуюся пустоту, желание иметь кого-то дорогого и быть дорогим кому-то. Бог отдал ей этого смертельно раненного в душу человека в надежде, что она сможет дать ему немного утешения. Кем станет на этом пути Саския — врагом или неожиданной союзницей, тайным ключиком к обезумевшему от боли сердцу?

Вернув миниатюру на место, Мария забралась с ногами в кресло. Ей было больно от того, что она узнала этот секрет, но, узнав его, она стала сильнее. Ей показалось, что любовь ее стала полнее и шире, ведь что есть любовь, как не желание что-то отдавать даром. Теперь она была уверена, что будет в этом союзе не только берущей стороной.

В дверь кабинета постучали. Мария подняла задумчивый взгляд, и на пороге возникла чуточку неловкая Лючия: она вернулась, а Мария и не заметила. Перед собой девушка держала поднос с роскошным букетом алых роз. Там же, в самой гуще цветов, белел конверт. Все было очень официально.

Со щеками, не уступающими по цвету розам, Мария вскрыла конверт.

«Леди, — было написано там. — Вы вольны подтвердить или отменить ваше решение.»

Она собрала цветы в охапку и, спрятав в них лицо так, что меж венчиками виднелись лишь смущенно блестящие глаза, шагнула в гостиную.

— Я не жалею, — сказала она. — Я хочу и пойду за тебя замуж, Рэм Конахан.

Она могла бы умереть, если бы такая плата потребовалась за это выражение на его лице.

— Мария, — спросил он, — можно тебя поцеловать?

Она покачала головой, глядя, словно эльф, из розового букета.

— Не можно. Нужно.

— Даже если это покажется тебе неуважительным? Она кивнула. Цветы упали к ее ногам.

Они целовались, стоя у окна, и каждый последующий поцелуй обещал обоим все больше. Кончики пальцев Рэма, касаясь ее тела, будили в ней ответный трепет. Как будто для того, чтобы ей не тянуться вверх, он заставил ее сесть на кушетку и, склонившись к ней, ласкал губами ее шею, неторопливо спускаясь все ниже, туда, где уже мешал кое-как запахнутый халатик.

Он даже не обернулся на легкое покашливание от двери.

— Если это ты, Джек, — сказал он, — я тебе голову проломлю.

— Если твой лучший агент требует отпуска или отставки, — сказал от двери незнакомый насмешливый голос, — следует догадаться, что одним холостяком на земле становится меньше.

— Прости, — шепнул Рэм Марии. Она рванулась было исчезнуть, но он удержал ее за руку. — Ты здесь на месте, а мой уважаемый начальник — нет. Отставка принята, сэр?

Человек, стоявший у дверей, покачал головой. Он был на голову ниже Рэма, изящен и скромно одет. Ему было немного за сорок, и манеры выдавали в нем Вельможу.

— Уволить вас, капитан Конахан, могут только за наглость, которая вам, по-видимому, органически присуща.

— Э... Вы не ошиблись, Ваше Высочество, с капитаном?

— Контрразведка не ошибается. Вы получите подписанные документы, как только вернете в конюшню казенного коня. Но, по-моему, вы что-то забыли сделать.

— Если вы об Арсане...

— Бог с ним, с Арсаном. Я о юной леди.

— Извините, сэр. Мария, позволь представить тебе его высочество герцога Анколо.

Герцог глубоко поклонился.

— Моя невеста Мария.

— Просто Мария?

— Мария Драммонд, — сказала девушка, приседая в официальном реверансе — нравится ему это или нет.

Герцог спокойно кивнул и поцеловал ей руку. Он умел владеть лицом и не собирался выказывать неуместное удивление.

— Я всегда считал, что этому сорвиголове нужна спокойная и умная женщина. Но, боже мой, кто у меня будет работать?

— Шурин! — развеселившись, воскликнул Рэм. — Я сегодня с утра отвел его в контору на Апрельской. Помните, какую гору бумажек ему придется заполнить? Хорошо еще, если он вернется домой к полуночи. А вы его натаскаете.

— Идет, — согласился герцог. — А пока, голубчик, сбегай вниз, в карете две бутылки вина. Отпразднуем помолвку.

— И оставить вас наедине с моей невестой? Мария, в службе безопасности работают самые опасные люди.

— Я это поняла давно, — отозвалась девушка.
Подождав, пока ботфорты Копахана загрохотали по лестнице, герцог повернулся к Марии.

— Леди, я надеюсь, вы все про него знаете?

Она кивнула.

— У нас принято считать, что жены наших кадров — тоже наши кадры, хотя бы потому, что они способны с нашими кадрами управляться. Вы производите впечатление очень умного и тактичного человека. Мне было бы досадно потерять Рэма, но в наших делах, если агент начинает психовать, с ним надо расставаться. Я знаю его давно, еще с кадетского корпуса. Парень — умница. Когда... когда ЭТО произошло, он был в ужасном состоянии. И я вижу разницу теперь.

— Именно потому, что вы так высоко его ценили, вы отправили его на верную смерть?

Герцог хмыкнул.

— Бывают времена, когда людей используешь, как гвозди. Он великолепно подготовлен, в прекрасной физической форме. И что самое главное, он был в соответствующем моральном состоянии. Никто не смог бы сделать этого лучше. А он не только справился с заданием, но и утряс свои личные дела. Меня не очень удивило это требование отпуска или отставки, и я помчался сюда, чтобы выяснить, что с ним опять происходит. Я и понятия не имел, что он привез девушку. Я ожидал депрессии... и ее родного брата — запоя. Я несказанно рад тому, что он женится. Мужчина может жить, если у него есть за что отдать эту жизнь. Он может сделать вас очень счастливой.

— Я очень его люблю, — отозвалась она. — Он никогда не причинял мне сознательной боли.

В дверь, зажав в каждой руке по бутылке украинского белого, ворвался Рэм.

— Инструктаж окончен? Сэр, я, в общем-то, не совсем дурак.

Герцог поднялся.

— За то тебя и держат. Я передумал, мне пора ехать. Считай себя в отпуске на месяц. Если чего не успеешь — не моя вина. На свадьбу пригласи. Прощайте, прекрасная леди.

Он поклонился и бесшумно исчез, будто привидение их посетило. Снизу прогрохотала отъезжающая карета.

— Кто он?

— Герцог? Глава службы контрразведки. Совершенно замечательная личность. Самый опасный человек в стране. Наболтал обо мне всякого?

— Не без этого.

— Что ж... Не пропадать же вину.

Рэм, повозившись в буфете, вынул пару бокалов и открыл бутылку. Появившаяся, как тень, Лючия зажгла свечи и накрыла на стол. Мария собрала с пола розы и водрузила букет в центр сервировки.

Пужинали вдвоем, в тишине и полумраке.

— Где, интересно, Джек? — спросила Мария.

Рэм довольно улыбнулся.

— Когда он управится с той кучей анкет, что ему предложили в управлении, то отправится в офицерские казармы. Я обещал ему подойти туда же. Не буду отрицать, я сделал это умышленно. Но он тоже не льком шит, и отпустил меня, только взяв с меня честное слово, что я не буду приставать к тебе.

— Честное?

— Ну... почти. Иначе бы мне от него нипочем не избавиться.

— А что будет завтра?

— Много чего. Сперва портниха. Потом я покажу тебе город. Прокачу в лодке по Висе. Я хочу завтра провести весь день с тобой.

Она встала со своего места и, подойдя сзади, обняла его за шею.

— Я-то не давала обещаний не приставать к тебе. Рэм... не уходи.

— Не понял, — тихо прошептал он.

— Все ты понял лучше меня. Сегодня — не уходи.

— Леди, — попытался Рэм отшутиться вопреки вспыхнувшему в его глазах восторгу, — некоторые девушки предпочитают дожидаться свадьбы.

— Что такое свадьба? Суета целый день с раннего утра, платье, в котором не присесть, жмущие туфли, толпа приятелей жениха, которых все равно никогда не запомнишь, утомительная процедура, уйма пьющих гостей и глупые шутки. Вечером еще муж чего-то от измученной женщины требует. Кто-то еще смеет утверждать, будто это самый счастливый день в жизни женщины! Когда моя сестра Мэйбл выходила замуж, она говорила...

Что говорила Мэйбл, когда выходила замуж, в этот вечер Рэм так и не выяснил, потому что не мог прохихотаться минут пять.

— Я не смотрел на это дело с такой точки зрения, — признался он. — А перед Джеком отдуваться буду опять я?

Мария сделала вид, что хочет уйти.

— Будь добр, скажи, где остановился Джек. — Огромные глаза ее сверкнули негодованием. — Или ты меня сию же минуту обесчестишь, или я уйду, и ты ко мне не сватался.

Рэм встал.

— Иди сюда, — велел он без улыбки. И, когда она подошла, обнял ее крепко и жадно, не шутя и не жалея.

— Рэм, — прошептала она, — я хочу... больше всего на свете я хочу стать матерью твоих детей.

— Ну, если так — заказывай: мальчика... или девочку?

— Девочку, — прошептала она, когда он поднял ее на руки. — Рыжую!

Константин Ситников

МЕДВЕДЕВА

Те, кому удалось побывать на наших фестивалях "Аэлига" в 1989-90 годах, наверняка запомнили паренька в инвалидной коляске. "Аэлига" помогла ему бороться с болезнью. И стала духовным наставником. Константин Ситников, окончив среднюю школу с золотой медалью и Марийский пединститут с красным дипломом, стал не просто литератором-филологом, но литератором-творцом, писателем. Его фантастические рассказы публикуются в республиканской печати Марий Эл, сам он сейчас редактирует молодежную газету поселка Медведево "Большая Медведица".

АЭЛИГА

Я выбрался на шоссе к рассвету. Чахлые елочки расступились передо мной, когда первые лучи солнца, косо срезанные гребнем скалы, озарили верхушки высоких корабельных сосен. Серое полотно дороги, плавно огибавшей беспорядочные нагромождения известняка, было пусто в этот ранний час. Густые пряди утреннего тумана цеплялись за малорослые елочки, стоявшие в песчаном овражке и казавшиеся из-за этого еще ниже.

Вытряхнув из кроссовок песок, я снова натянул их на разбитые ноги и, прихрамывая, побрел по шоссе. Меня подташнивало, все время хотелось опуститься на четвереньки и уткнуться горячим лбом в прохладный, набухший влагой асфальт. Но я знал, что если сделаю это, то уже не смогу заставить себя подняться, чтобы идти дальше. А я должен вернуться в город и разобраться в том, что происходит.

Насколько я мог судить, смерч зашвырнул меня на несколько десятков километров от города. Причины, вызвавшие этот смерч, и обстоятельства, при которых он возник в самом центре города, были настолько невероятны, что размышлять о них значило подвергнуться очередной пытке головной болью. Я предпочел сосредоточиться на том, как добраться до своего дяди. Сейчас это был единственный человек, который согласился бы меня выслушать и, возможно, даже помочь. Как это ни больно, но я больше не мог рассчитывать на своего отца и, мало того, вряд ли мог доверять ему. От этой мысли мне казалось, что рушатся сами устои моего внутреннего мира. Я рос без матери, и отец был для меня едва ли не божеством. И то, что он меня предал, — а как иначе это назвать? — вызывало во мне боль гораздо более сильную, чем ссадины, полученные при падении.

Солнце поднялось высоко над горами, когда мимо на большой скорости промчался первый автомобиль. Я запоздало махнул рукой и чертыхнулся ему вдогонку. За ним последовал пустой туристский автобус и еще несколько машин, но ни одна из них не остановилась.

Спасительная тень быстро выскальзывала из-под ног, асфальт раскалился, скалы колебались в горячем мареве.

Обдав меня волной пыльного воздуха, на обочине тяжело встал мощный магистральный грузовик с обтекателем на кабине — австрийский "Штайр".

— Далеко собрался? — спросил водитель.

Это был крупный мужчина лет сорока, в зеленой безрукавной рубашке, заправленной в голубые брюки. Обширное его чрево поддерживалось широким черным ремнем, придававшим ему облик благородного киношного разбойника. Через расстегнутый воротничок на груди виднелись седые заросли, среди которых терялась тонкая золотая цепочка с кулоном. Бронзовый загар покрывал его лицо, шею, грудь и испещренные наколками руки.

(13)

— До Екатеринбурга возьмете? — спросил я, подавляя дурноту, которая волнами накатывала на меня.

— Залазь, — он убрал с сиденья кожаную куртку и кивнул садиться. Я с трудом вскарабкался на высокое сиденье, со второй попытки захлопнул дверцу и привалился затылком к задней стенке, нагретой снаружи солнцем. Меня знобило, подташнивало и все время тянуло закрыть глаза. Но я упрямо разлеплял веки, чтобы не потерять последний контроль над своим сознанием.

"Штайр" тяжело тронулся с места, медленно выкатил на дорогу и, наращивая скорость, понесся по прямой магистрали, мимо известняковых круч и сосновых колков. Приятный ветерок обдувал лицо.

— Как звать-то? — спросил мужчина, поглядев на меня сбоку.

— Руслан.

— Сына у меня звали Русланом, — сказал он и замолчал. Надолго.

— А что с ним случилось, с вашим сыном? — спросил я, преодолевая сильнейшее нежелание говорить.

— Случилось, — горько сказал водитель. — Да что об этом вспоминать.

Он опять замолчал, и больше никто из нас не проронил ни слова.

...Очнувшись после очередного обморока, я обнаружил, что сижу в кабине один, в благословенной тишине, нарушаемой лишь проносающимися мимо машинами. "Штайр" стоял на обочине возле заправочной станции, водителя нигде не было видно. Телефонная будка на углу асфальтированной площадки напомнила мне о том, что нужно срочно позвонить дяде. Пошатываясь, я вошел в нее и выудил из брючного кармана несколько жетонов.

В ушах у меня звенело, и сначала мне показалось, что телефон не работает. Только потом я различил в трубке длинные гудки. Дяди не было дома. Я вытащил жетон из окошечка, снова опустил его в щель и набрал вахтенный номер городского музея естественной истории. Продав целую минуту, я уже собрался было положить трубку, как мне ответили.

Слышимость была такая, будто меня соединили с потусторонним миром.

— Владимира Олеговича! — старался я перекричать помехи. — Русинова!

Наконец, после еще двух съеденных автоматом жетонов, я услышал голос дяди.

— Где ты сейчас? — спросил он, когда я обо всем ему рассказал.

Не знаю, понял ли он меня: я говорил слишком торопливо и бессвязно, но сквозь обыкновенное спокойствие в его голосе слышалась явная тревога.

Вслушав меня, он закончил разговор тоном приказа:

— Как только окажешься в городе, немедленно ко мне!

В этот момент мой водитель вышел из стеклянных дверей крошечного магазинчика с длинной французской булкой в руке, и я топорливо бросил трубку. Когда я проходил мимо него, намереваясь вернуться на свое место, он поймал меня свободной рукой за плечо, притянул к себе и едва ли не насильно схватил пальцами за веко.

— Эй, парень, — сказал он озабоченно, — с тобой все в порядке? Сдается мне, у тебя сотрясение. Ну-ка быстро в кабину!

Я и не собирался с ним спорить.

— То-то я гляжу, шаткий ты какой-то, — продолжал он, провожая меня. — Тебя что, машиной сбilo? Как ты на дороге-то оказался?

Он забрался на свое сиденье и, перегнувшись через мои колени, проверил, хорошо ли захлопнул дверцу. Должно быть, я и вправду выглядел неважно, если он так заботился обо мне. Мы тяжело тронулись с места, медленно выехали на магистраль и, набирая скорость, помчались мимо все тех же известняковых нагромождений и нескончаемых сосновых колков. Солнце ударяло прямыми лучами в зеркало заднего обзора.

— Далеко еще до города? — спросил я.

— Километров тридцать. Куда тебе нужно?

— Музей естественной истории.

— Это в центре, парень, — сказал он. — А я высажу тебя в пригороде. Дальше тебе придется добираться автобусом или опять попутку ловить. Но мой тебе совет — загляни сперва в ближайший травмпункт. Сотрясеньице у тебя ерундовое, но могут образоваться кровяные закупорки, а ты еще молодой, зачем тебе лишние головные боли, правильно?

Он отпустил руль и, разорвав длинную булку на половинки, протянул одну из них мне. Только теперь я вспомнил, что у меня со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было.

Водитель высадил меня, как и обещал, в пригороде.

Позже, вспоминая о нем, я не мог избавиться от чувства вины. Мои преследователи не прощали тем, кто мне помогал. Четверть часа спустя этот невозмутимый мужчина погибнет в дорожном происшествии: перед самым грузовиком из воздуха выступит странная фигура, до глаз закутанная в черное. В последний момент старый опытный водитель, повидавший на своем веку всякое, круто свернет влево и на скорости девяносто километров в час врежется в стоящее на обочине дерево...

А получасом раньше пьяный паренек, заливавший бак своего мотоцикла на той самой заправочной станции, откуда я звонил дяде, выронил из вялых губ горящую сигарету в бензиновую лужицу под ногами, и не стало ни злосчастной телефонной будки, ни самой бензоколонки...

Если бы мне сразу стали известны эти факты, я бы, возможно, уже тогда призадумался о том, что кто-то лупит по мне из тяжелого орудия, промахиваясь лишь на считанные минуты и попадая либо туда, где я только что был, либо туда, где я вскоре мог оказаться. Возможно, задумался бы я и о том, что эти промахи не могут быть случайными, и что есть — должен быть, не может не быть! — кто-то, кому я обязан своей жизнью.

Впрочем, ОНИ, вероятно, и не собирались меня убивать. Во всяком случае, не теперь. Я нужен был им совсем для другого дела. Скорее всего, они просто хотели запугать меня, лишиться воли, чтобы потом взять голыми руками. И, надо признаться, им это вполне удалось. Еще никогда я не чувствовал себя таким растерянным и напуганным.

Потом я никак не мог вспомнить, каким образом добрался до музея. Пошатываясь, как пьяный, я поднялся по высокой лестнице вверх, и (позже я вспомнил об этом со смехом) меня ужасно забавляло, что я никак не мог преодолеть последней ступеньки, — ее металлическая скоба постоянно цепляла меня за конец кроссовки, и чтобы не потерять равновесие, мне приходилось каждый раз ставить ногу об-

ратно. Со стороны это, наверное, выглядело так, будто я хотел — и не решался сделать последний шаг. Наконец я плюнул на равновесие и проделал оставшееся до дверей расстояние на четвереньках.

Открыв дверь головой и ввалившись в сумрачный вестибюль, я увидел волка. Самого настоящего волка — не какое-нибудь там чучело или добродушного домашнего пса, а живого здоровенного волчицу с вытянутым носом и зеленовато-желтыми круглыми глазами. В этих глазах не было ничего, даже отдаленно напоминавшего о собачьей слезе или печальном собачьем взгляде, породившем известную поговорку, что собака все понимает, только сказать не может. Нет, это были жесткие волчьи глаза, горевшие изнутри, как два подсвеченных кусочка янтаря. Волк сидел на верхней ступеньке короткой лестницы, насторожив уши, и смотрел на меня.

Я даже не удивился, — не потому, что привык к подобным встречам, а потому, что этого просто-напросто быть не могло. А если и было, то — не более чем плодом моего расстроенного воображения. Решив, что на сегодня достаточно, что уже хватит подвергать мой бедный рассудок таким суровым испытаниям, я закатил глаза под лоб и мягко повалился на бок. Последнее, что мне запомнилось, — это то, как, оглушительно цокая и скрежеща о плитки когтями, волк спустился ко мне по ступеням, навис надо мной и, схватив зубами за воротник, слегка потащил на себя, словно бы заставляя подняться... Но подняться я уже не мог — сознание покинуло меня.

...Очнулся я в глубоком, мягком кресле с круглыми валиками по сторонам высокой спинки. Открыв глаза, я словно бы в тумане увидел крошечную комнатку, стенами которой служили высокие, до самого потолка, стеллажи, заставленные деревянными ящиками. Эта комнатка была только частью подсобного помещения, где работал мой дядя, палеонтолог. Стеллажи с ящиками образовывали узкие проходы, пересекающиеся под прямыми углами в самых разных направлениях и образующие настоящий лабиринт, в котором легко было заблудиться. Здесь мой дядя и возился со своими экспонатами — доисторическими останками животных и растений, всевозможными рептилиями и древовидными папоротниками. Передо мной, упиравшись мне под коленную чашечку острым ребром столешницы, стоял низенький журнальный столик, заваленный раскрытыми журналами и рукописями. На нем горела настольная лампа в зеленом абажуре. Ее света только и хватало, чтобы ярко осветить белые глянцевые страницы журналов, в остальном же в комнатке стояли приятные сумерки. Вечерние сумерки — чувствовалось по всему.

Неужели я проспал столько часов?

Из-за стеллажей доносился приглушенный голос моего дяди, но с кем он разговаривал, я не мог понять. Потом послышались характерные пришаркивающие шаги, и в комнатку вошел мой дядя, Владимир Олегович (или, как он сам шуточно представлялся на древнерусский манер, Володимир Ольгович) Русинов. На нем были рабочие брезентовые брюки и подшитый на локтях свитер. В руках — большая фарфоровая чашка с дымящимся напитком. Он слегка прихрамывал, так как одна нога у него была короче другой.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил он, прыгающей походкой приближаясь ко мне.

Я только беззвучно шевельнул губами: мне не хотелось ни двигаться, ни говорить.

— У тебя легкое сотрясение мозга, — продолжал дядя. — Ничего страшного. Несколько часов отдыха и подкрепляющее. Обязательно подкрепляющее, изготовленное по моему собственному рецепту. Нака вот выпей, и тебе сразу станет лучше.

Он приподнял мне голову, просунув мягкие, пухлые пальцы под налившимся свинцом затылок, и поднес чашку к моим губам. Пахучий пар защекотал мне ноздри. В чашке был прозрачный желтоватый напиток с цельными жесткими стеблями, переломленными в

нескольких местах. Отлебнув его, я почувствовал, как приятное тепло распространяется по всему телу, прогоняя усталость и болезненную слабость.

Допив до конца, я снова прикрыл глаза и откинул голову на мягкий валик кресла. Меня наполнила блаженная истома.

— Ну, теперь рассказывай, что с тобой случилось, — сказал дядя. — Из нашего телефонного разговора я мало что понял. Брат хочет принести тебя в жертву? Ты уверен, что речь идет действительно о тебе?

Его вопрос насторожил меня. Было бы естественней, если бы он спросил, уверен ли я, что речь идет именно о ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ? Но он спросил иначе — так, словно само по себе человеческое жертвоприношение для него обычное дело, и единственное, что его удивило, это то, что в жертву собираются принести именно меня.

“Ты уверен, что речь идет действительно о тебе?”

Уверен ли я?! Он еще спрашивает!

Весь этот ужас начался тридцать часов назад — Господи! всего тридцать часов назад, а мне кажется, что меня преследуют уже целую вечность. Мне кажется, что этот страх уже застарел во мне, одряб и пошел морщинами, превращая и меня самого в преждевременного старика. А ведь еще вчера утром я был самым обыкновенным человеком! Ничто не предвещало несчастья, день был обычным, не лучше и не хуже других. Я вернулся домой из колледжа, увидел, что входная дверь не заперта, и вошел без стука. И сразу меня охватил легкий озноб. Был третий час пополудни, на улице стояла светлянь, на лестничной площадке было лишь немногим сумрачней, а в прихожей клубился черный мрак! Слово бы с залитого солнцем склона горы я вошел в пещеру, холодную и сырую, наполненную непроницаемой тьмой и невнятным шепотом. Впрочем, тьма не была непроницаемой. Когда мои глаза к ней привыкли, я различил, что дверь в большую комнату слегка приоткрыта и в щель пробивается неровный красноватый свет. Несколько мужских голосов, необыкновенно низких и лишенных интонаций, непрерывно что-то бубнили. Те, кто был в комнате, даже и не слышали, что я вошел, и я почел за лучшее пока не выдавать своего присутствия. Потом я не мог объяснить себе, почему поступил так, но тогда это казалось мне правильным решением.

В комнате тоже стоял мрак, еще более плотный. Я даже подумал, что окно завешено одеялом, однако это было не так: ничего на окне не висело, и все же стекла были черными, как будто за ними стояла ночь. Мне показалось, что этот мрак образуется внутри самой комнаты, возможно, даже исходит от горящих на столе красных свечей.

Посередине комнаты стоял большой овальный стол, вокруг которого сидели трое мужчин. Двоих я знал: это были мой отец и его приятель, Сергей Николаевич, который часто бывал у нас; я помнил его с тех пор, как помнил себя, и признаться, я всегда побаивался его. Внешность у него была не просто запоминающаяся, а врезающаяся в память: жесткое темное лицо, глубокие провалы вместо щек, кожистые складки под раздвоенным подбородком; глаза под густыми черными бровями сверкали, как антрацит; говорил он отрывисто и резко, почти не разжимая губ, и никогда не улыбался. Мой отец уважал его, как старшего брата, и приучил к такому же уважению меня.

Третий мужчина сидел ко мне спиной, и под его остриженным затылком выпирала тройная складка жира. Этого человека я не знал.

При первом же взгляде на отца я понял, что он чем-то расстроен. Обращаясь к Сергею Николаевичу, он спросил глухо:

— Гунастр, ты уверен, что не ошибаешься?

— Так говорят кости, — твердо сказал Сергей Николаевич. — Жребий пал на твоего сына, Иггевальд. Твой сын должен умереть. Ты ведь знаешь, пришло время жертвоприношения. Мы больше не можем ждать, сегодня вечером последний срок. Если человеческая жертва не будет принесена, Велес придет в ярость. А это чревато самыми жестокими последствиями для всех нас.

— Но почему именно он? Зачем Велесу понадобился именно мой сын? — воскликнул мой отец.

— Ты ведь знаешь, что воля богов не подлежит обсуждению. Ты не должен терять головы, — жестко сказал Сергей Николаевич.

— Ты прав, Гунастр, — согласился отец. — Но все это так неожиданно... У меня голова идет кругом... Когда и где должна быть принесена жертва?

— На городском кладбище. В полночь великий Велес придет туда, чтобы взять твоего сына.

Помолчав, он добавил:

— Это большая честь для него, подумай об этом.

— Да-да, ты прав, Гунастр, — торопливо согласился отец. — Кладбище... В половине двенадцатого я приду туда с Русланом.

— Вот и хорошо. Вот и хорошо, Иггевальд. Крепись и подумай о той чести, которую великий Велес оказал твоему роду. Пойдем, Простен, — с этими словами, обращенными к обладателю толстого загривка, Сергей Николаевич поднялся.

Поднялись и все остальные.

Я понял, что сейчас они начнут расходиться. И, кажется, это было единственное, что я еще понимал. То, что я услышал, было настолько дико... настолько не укладывалось в голову... Все эти древнескандинавские имена... великий Велес... человеческое жертвоприношение... Какого черта! Тысячелетие на исходе — о чем говорили эти взрослые мужики, засевшие в темноте, как заговорщики?! И ведь все это непосредственно касается меня самого. Это ведь меня собираются принести в жертву!

Я потянулся назад, бесшумно выскользнул за дверь — и вовремя, мужские голоса переместились в прихожую: гости расходились. Я быстро поднялся на один лестничный марш, чтобы переждать, пока они спустятся вниз. После этого я хотел вернуться домой и потребовать у отца объяснений.

Я слышал, как гости вышли на лестничную площадку и начали спускаться по ступеням. Осторожно выглянув между прутьями перил, я увидел, что двое мужчин спускаются вниз, а мой отец стоит возле открытой двери, провожая их взглядом. Неожиданно Сергей Николаевич, шедший последним, остановился и поднял голову. Мне показалось, что наши взгляды на мгновение встретились, я отшатнулся назад с бешено колотящимся сердцем, а когда вновь отважился взглянуть вниз, увидел подтверждение своей догадке: Сергей Николаевич заметил меня и теперь поднимался обратно!

— Что случилось? — спросил его мой отец.

Тот ничего не ответил, остановил его нетерпеливым движением руки и продолжал подниматься, коротко взглянув наверх.

Я бесшумно взбежал еще на один лестничный марш и прислушался. Сергей Николаевич неотступно следовал за мной. Похоже, он чувствовал мое присутствие по запаху. От этой мысли мне стало не по себе. Я торопливо взбежал еще выше. Шаги Сергея Николаевича слышались следом, неторопливые и неотвратимые, как сама судьба. На площадке пятого этажа я опять прислушался: шаги, неспешные и размеренные, как движения маятника, следовали за мной. Я запаниковал. У меня оставался единственный выход — по отвесной железной лестнице на чердак. Чердачное отверстие чернело у меня над головой. Я вскарабкался по лестнице и побежал в темноте между балками. Шагов за своей спиной я больше не слышал. Я выбрался через люк на залитую солнечным светом крышу и загромыхал по шиферу. Перед тем, как нырнуть в соседний люк, я задержался на мгновение, чтобы обернуться назад, но и одного мгновения хватило для того, чтобы волосы у меня на голове встали дыбом.

Со свистом рассекая воздух, прямо ко мне летел над крышей Сергей Николаевич. Его ноги в белых носках и дорогих лакированных туфлях были отклонены назад и не касались шифера, болтаясь в пустоте.

Если до этого момента я отказывался верить в реальность происходящего — все это казалось мне каким-то театрализованным представлением, по нелепой режиссерской прихоти перенесенным с театральных подмостков на подмостки моей обывденной жизни, — то теперь я понял, что это совсем не шутки, что все это не менее реально, чем мои занятия в колледже или, скажем, ежедневные завтраки с отцом на кухне.

И лишь тогда я испугался впервые. Испугался по-настоящему. И самым страшным было то, что теперь мне негде было искать убежища и не у кого просить помощи. Ведь даже отец, мой собственный отец предал меня!

Сергей Николаевич стремительно приближался. Нырнуть в люк я уже не успел. На лету он протянул руку вперед и сделал кистью такое движение, словно наматывал на нее веревку. Воздух между нами взвихрился, закрутился воронкой, маленький сизый смерч легко оторвал меня от крыши, затем — черная вспышка и беспмятство. Вечерело, когда я пришел в себя. Я лежал на ковре спрессованной прошлогодней хвои, и надо мной величественно покачивали верхушками прямые корабельные сосны...

Закончив рассказ, я умоляюще взглянул на своего дядю. Он был моей последней надеждой. Именно о нем я вспомнил сразу, как только ко мне вернулась способность соображать. Мы не были особенно близки с ним — он недолюбливал своего старшего брата и косо смотрел на любые отношения между нами, а я слишком уважал волю отца, чтобы идти ей наперекор. Впоследствии, размышляя над этим, я пришел к выводу, что на мысль о том, чтобы обратиться за помощью к дяде, меня натолкнули именно эти два обстоятельства: неприязнь к нему отца и то, что дядя **ТОЖЕ БЫЛ СТРАННЫЙ**.

Когда я закончил, дядя задумчиво покачал головой.

— Я боялся, что рано или поздно это случится.

— Что случится? — вскричал я. — Что происходит? О каком жертвоприношении они говорили? И почему с ними мой отец?

— Как много вопросов сразу! — улыбнулся дядя. — К сожалению, в ваше время молодых людей не учат тому, чему следовало бы учить в первую очередь. Видишь ли, твой отец... как бы это помягче выразиться... он... ну, одним словом, он не тот, за кого ты его принимаешь. Я не имею в виду, что он хуже или лучше, чем ты привык о нем думать, я говорю о том, что он **ДРУГОЙ**. Я всегда считал, что ты должен обо всем знать, но у твоего отца было особое мнение на этот счет.

— Но кто он? И кто эти люди: Сергей Николаевич и этот толстяк?

— Они волхвы.

— Какие волхвы? — не понял я.

— Жрецы бога Велеса.

— Велеса? Да, они говорили о Велесе... Но это же бред какой-то! Кто такой этот Велес и как мой отец оказался его жрецом?

— Велес — древний славянский бог мертвых. Ему поклонялись наши предки еще полторы тысячи лет назад. Этот культ сохранился и до наших дней. Однако все связанные с ним обряды держатся в глубочайшей тайне. Не удивительно, что ты о нем не слышал. Не сомневаюсь, что со временем отец собирался посвятить тебя во все тонкости своего служения, чтобы сохранить преемственность поколений.

— Ты знал об этом и ничего мне не сказал!

— Видишь ли, в последнее время мы с твоим отцом не очень-то ладим. Слишком разным богам мы поклоняемся: я — богу жизни, он — богу смерти. Велес до сих пор питается человеческой кровью. Теперь твой отец лучше представляет, каково это — принести на заклание близкого человека!

— Ты говоришь об этом с такой легкостью!

— Совсем нет, мой мальчик. Просто я пытаюсь прояснить для тебя ситуацию, не подливая масла в огонь.

— А ты... тоже служишь какому-нибудь богу?

— Да, испокон веков весь наш род является родом жрецов. Моего бога зовут Перун. Это один из величайших богов нашего мира. Кста-

34) ти, я хочу познакомить тебя с его посланником. Да ты его уже видел. Подожди-ка, я пойду перекинусь с ним парой слов, а ты пока приготовься. Я хочу, чтобы ты произвел на него хорошее впечатление.

Дядя вышел из комнаты, и из-за стеллажей снова донесся его приглушенный голос, которому отвечал другой, мало похожий на человеческий: хриплый и отрывистый.

Мне стало не по себе: с ума сойти — знакомиться с посланником богов!

Дверь отворилась, и в нее вошел мой дядя. За ним, царапая пол когтями, плелся давешний волк, с которым я столкнулся нос к носу в вестибюле.

— Волк! А я думал, что он мне померещился!

Дядя покачал головой.

— Боюсь, мой мальчик, ты даже представить себе не можешь, кто перед тобой. Это не простой волк, и это не просто волк. Семаргл — бог, которому наши предки поклонялись задолго до появления на Руси христианства. Тебе повезло, что именно сегодня он решил навестить меня. Семаргл, — обратился он к волку с легким поклоном, — позволь представить тебе моего племянника, сына моего младшего брата Иггевальда. Его зовут Руслан.

Волк, усевшись на задние лапы, разинул красную пасть и проворчал:

— Да, в жилах этого юноши течет кровь древних волхвов. Приветствую тебя, Руслан сын Иггевальдов, да не выпадет шерсть на твоём животе!

За последние несколько часов со мной случилось так много необычного, что я уже устал удивляться.

— Поприветствуй Семаргла, — шепнул мне дядя.

Я неловко поклонился и проговорил стесненно:

— Я тоже приветствую тебя, Семаргл... сын... сын... да не выпадут волосы на твоём животе!

— Увы, — довольно оскалился волк, — это уже случилось. Я слишком стар, слишком для этого мира. Но мои когти и клыки крепки по-прежнему — и твои преследователи скоро в этом убедятся! Володимир рассказал мне, что с тобой произошло. Тебе не следует беспокоиться, сейчас твой дядя отправится к Перуну за помощью, а я тебя посторожу. Думаю, волхвы побоятся сунуться сюда, пока я здесь. — С протяжным голодным зевком он пал грудью на пол и обрушил морду на вытянутые передние лапы.

Только теперь я заметил на спине у него что-то прозрачное, шелестящее, переливающееся всеми цветами радуги, как сложенные стрекозиные крылья. Но долго задерживать на них взгляд я не стал.

— Как, ты уже уходишь? — испуганно спросил я у дяди.

— Боюсь, мне придется оставить вас на некоторое время. Одним нам не справиться. Велес слишком могуществен, чтобы мы могли идти против него, не заручившись поддержкой Перуна.

— А Перун согласится помочь нам? Ты же говорил, что он бог, да еще и один из величайших...

— Видишь ли, — сказал дядя, — древние боги более демократичны в этом смысле. Были времена, когда многие из них жили среди людей и не гнушались помогать им, а также — если случалась в том необходимость — и принимать от них помощь. Да-да, бессмертные тоже не всемогущи, особенно когда они враждуют друг с другом. Случается и им обращаться к людям за содействием. К тому же не думай, что человеческое жертвоприношение — это такое уж заурядное событие. Это тебе не просто убийство. Жертвоприношение — или, как его называли наши предки, треба — меняет соотношение сил во вселенной. Волхвы уже второе тысячелетие творят требу Велесу, и благодаря этому Велес приобрел слишком большую силу. Перун и другие боги не могут допустить, чтобы это продолжалось и дальше. Вот почему, я в этом уверен, они вступятся за тебя и не позволят твоему отцу и его... хм, друзьям... совершить над тобой насилие.

— А что, если Сергей Николаевич придет сюда, пока тебя нет?
 — Гунастр? Я думаю, он не откажется сунуться к тебе, пока здесь Семаргл. Гунастр всего лишь колдун, а Семаргл — бог, бессмертный. Нет, вряд ли он посмеет напасть на Семаргла без Велеса, а Велес явится на землю только в полночь, ты же сам слышал. Но на всякий случай, — он выдвинул большой ящик и достал из него продолговатый костяной конус, — на всякий случай держи вот это.

— Что это? — удивился я, принимая из рук дяди конус. Конус оказался тяжелый, жирный на ощупь, как парафин, и оставлял на пальцах меловые пятна.

— Это раковина белемнита, вымершего миллионы лет назад головоногого моллюска, — пояснил дядя. — В народе такие раковины называют громовыми стрелками, или стрелами Перуна, да так оно и есть в каком-то смысле. Это самое действенное средство против Велеса, какое только можно отыскать на земле. Если придется совсем уж туго, используй эту раковину как оружие.

Я сунул белемнит за брючный ремень, замаявшись, спросил:

— Дядя, как ты думаешь, отцу совсем не жалко убивать меня?

— Библейский Авраам тоже готов был заклать сына для своего Бога, но это не значило, что он его не любил... — Дядя потрепал меня по плечу и вышел из комнаты.

Лежавший у порога волк проводил его взглядом из-под кустистых бровей.

Я остался один на один с Семарглом. Я не знал, следует ли мне заговорить с боговолком или лучше помолчать. Некоторое время я мучился этим вопросом, но затем решил, что боги лучше знают, что нужно делать. К тому же я все еще чувствовал себя неважно, в голове толчками билась кровь, веки слипались. Я прикрыл глаза и незаметно для самого себя погрузился в дрему. Мне привиделся отец. Он искал меня, внимательно озираясь вокруг и беззвучно шевеля губами. По движению его губ я разобрал, что он зовет меня по имени. Испугавшись, я открыл глаза, но видение не исчезло: отец продолжал искать меня, шаря вокруг себя руками. Сквозь него я видел лежащего в зеленоватом сумраке волка, время от времени поднимавшего брови и спокойно поглядывавшего на меня. Похоже, волк и не подозревал, что со мной творится что-то неладное. Я хотел позвать его, но язык прилип к гортани, и я сумел выжать из себя лишь негромкий горловой звук. И тотчас отец резко обернулся ко мне и крикнул обрадованно:

— Сын! Вот ты где! А я-то уж думал, что ты не отзовешься. Послушай меня, послушай своего отца! Ты все неправильно понял. Я вовсе не хочу тебе зла... Ты должен поверить мне. Где ты сейчас находишься? А, вижу... у моего братца... и эта псина здесь... Они наверняка наговорили тебе гадостей про меня и про великого Велеса? Поверь мне, все, что они тебе сказали — ложь. Иди ко мне, я объясню тебе, что происходит на самом деле. Ну, ухватись за меня! — он протянул мне руку.

За ним была чернота ночи. И сквозь эту черноту я видел, как удивленно и подозрительно дернулось волчье веко... как угрожающе оскалились его желтые клыки... как напряглись передние лапы с изогнутыми когтями... Но прежде, чем я успел сообразить, что происходит, мои пальцы попали в железные тиски отцовской руки... рывок... и я вылетел из мягкого кресла... из приятной теплой комнаты — в объятия ночи. Волчьи клыки лягнули за моей спиной, и позади меня сомкнулась жирная черная тьма. Шум деревьев оглушил меня. Вокруг смутно белели кресты.

В мгновение ока я перенесся из музея естественной истории на городское кладбище!

Над могилами дрожали холодные голубые огни, заливавшие все вокруг ртутным светом. В этом свете лицо моего отца казалось мертвым и страшным.

Между крестов к нам с неестественной стремительностью и плавностью приближались две темные фигуры. Я догадался, что они летели по воздуху. Они были в мохнатых медвежьих шкурах, на головах —

(315) высокие острые шапки, в руках — длинные посохи с загнутыми концами. Я сразу узнал в одном из них Сергея Николаевича. Вторым был толстяк с тройным подбородком.

Когда они поравнялись с нами, отец выпустил мою руку, и я отшатнулся от него.

— Ты обманул меня, отец!

— Я должен был сделать это, сынок, — печально возразил он. — В полночь великий Велес придет за тобой. Приготовься.

Он нагнулся и поднял с земли свою шапку.

— Что вы там возитесь, Иггевальд? — тонким раздраженным голосом крикнул толстяк. — Чертите круг! Мы не успеваем. Велес придет в ярость, если мы не поторопимся.

— Не суетитесь, Простен. И отойдите в сторонку, вы только мешаете.

Толстяк сердито засопел, но отступил назад, а мой отец с Сергеем Николаевичем принялись чертить на земле большой круг посохами. Загнутые концы посохов светились жутким голубоватым светом, еще больше сгущавшим тьму вокруг.

Над кладбищем собирались тяжелые грозовые тучи, дул сильный ветер, и черные деревья вокруг раскачивались все сильнее и тревожней.

За мной не следили. Я попятился назад и скользнул в тень. Никто не обратил на это внимания. Повернувшись, я со всех ног побежал между могильными оградами, молясь про себя, чтобы занятия приготовлениями волхвы как можно дольше не заметили моего бегства. Ветки хлестали меня по лицу, сухие сучья с треском ломались под ногами. Продравшись через густые кусты, я выбрался на асфальтовую дорожку главного входа. Теперь до кладбищенских ворот оставалось всего несколько десятков шагов. Но не успел я возблагодарить судьбу за неожиданное спасение, как от ворот отделилась черная тень и направилась прямо ко мне. Бурый медведь! Огромный! Утробно заурчав, зверь легко вспорол лапой асфальтовое покрытие и широко разинул пасть. На меня пахло горячим смрадным дыханием. Я попятился..

Но что это? В ночном небе показалось двоящееся светящееся пятнышко. Оно стремительно приближалось. Это были огромные стрекозиные крылья, а за ними... Семаргл! С шумом рассекая ночной воздух быстро вращающимися крыльями, боговолк пронесся над воротами. Глаза у него горели, пасть была ощерена. Завидев медведя, он спикировал на него сверху и впился клыками в его загривок. Медведь, не ожидавший нападения, взревел и принялся мотать башкой, пытаясь сбросить с себя волка. Но тот лишь еще глубже вонзил клыки в лохматый загривок, вцепившись когтями в медвежью шкуру. Тогда медведь завалился на бок, чтобы подмять противника под себя. Семаргл едва успел взмыть в небо и тут же снова обрушился на страшного зверя. Но теперь медведь сумел извернуться и, махнув лапой, сбил волка на асфальт. В следующее мгновение они сцепились в один рычащий клубок.

А на мое плечо тяжело опустилась чья-то рука. Обернувшись, я увидел ухмыляющееся лицо толстяка. Ухмылялась и его тройная складка под подбородком. Хватка у него была железная. Он сгреб меня за воротник, я рванулся, но яркая вспышка, выравнявшаяся из его посоха, парализовала меня. Воздух завертелся вокруг, окружив нас будто коконом, а когда кокон исчез, я увидел, что снова стою в окружении волхвов на том самом месте, куда отец выдернул меня из музея естественной истории. Толстяк встряхнул меня, словно бы для того, чтобы привести в чувство.

— Отпусти мальчика! — раздался требовательный голос.

Из темноты перед нами выступил мой дядя в белом одеянии. Вид у него был самый решительный, в руках — короткая палка.

Откуда он здесь взялся? И почему он один? Неужели Перун не согласился прийти нам на помощь? Все эти вопросы мгновенно пролетели в моей голове, оставшись без ответов.

— Прочь с дороги! — завизжал толстяк, размахивая посохом. Я извернулся и вцепился зубами в его пухлую руку. Он взвыл от боли и выпустил меня.

— Беги! — крикнул дядя, наступая на толстяка.

— Гунастр! — заверещал тот, испуганно отступая. — На помощь! Сергей Николаевич, оторвавшись от земли, полетел на моего дядю. Палка и посох скрестились с сухим стуком. Посыпались искры.

— Полночь! — громко возвестил отец.

Земля дрогнула, и я едва удержался на ногах. Продолжая колебаться, земля пошла трещинами, вспучилась в начерченном на ней круге... Огромные куски дерна отваливались от нее, с треском рвались длинные травяные корни... Раздался мучительный рев, и огромное человекоподобное чудовище с бычьей головой восстало из бездны. С хрустом оно расправило плечи, блестящие от пота. Из крутых черных ноздрей вырывались струи пара. Налитые кровью глаза бешено вращались. Наклонив башку с выставленными вперед изогнутыми рогами, чудовище повело вокруг себя диким взглядом, выискивая предназначенную для него жертву.

— Приветствую тебя, великий Велес! — воскликнул мой отец.

Широкие рукава его медвежьей шкуры соскользнули до локтей, обнажив вздытые сверху жилистые руки.

Бычьеголовое чудовище на мгновение остановило на нем свои мутные выкаченные глаза... затем увидело меня... Наши взгляды встретились, и я в ужасе попятился.

— Громовая стрелка! — крикнул мне дядя, продолжая отбиваться своей короткой палкой от брызжущего голубыми искрами посоха Сергея Николаевича.

Громовая стрелка!

Белемнит!

Я принялся шарить руками по всему телу. Проклятый моллюск куда-то запропастился!

Мой отец едва успел отпрянуть в сторону, когда чудовище на меня бросилось. В последнее мгновение я успел нащупать костяной конус и, размахнувшись, бросил его в бычью морду. Рогатая башка мотнулась, словно по ней ударили бревном. Пенистые слюны плеснули далеко на землю, прожгли ее, как серная кислота. Вскрапнув от неудовольствия, чудовище снова двинулось ко мне. Ничто не могло его остановить!

В отдалении послышались первые раскаты грома. Порывистый ветер промчался над вершинами деревьев. Тяжелые синие и черные тучи быстро сходились вместе — прямо у нас над головами. Упали первые крупные капли. В воздухе сразу посвежело, повеселело.

— Сюда! Сюда, Перуне! — закричал мой дядя, переходя из затяжной обороны в решительное наступление.

Молния с оглушительным громом расколола небо, как чашку, ветвистыми трещинами разбежалась в разные концы. При мгновенной вспышке мне почудились в грозовой туче неясные очертания гигантской колесницы, запряженной четверкой крылатых коней. В колеснице стоял грозный воин с боевым топором в руках. Седые волосы на непокрытой голове, длинная борода и даже клочковатые, похожие на перистые облака брови развевались на ветру. Взор метал перуны.

Перун!

Воин в колеснице взмахнул боевым топором, но Велес неожиданно вырос в размерах, поднявшись выше деревьев. Обхватив рукой ствол старой сосны, он легко вырвал ее с корнем, но тут же она разлетелась в щепу под ударом топора. Сверкнула молния... Чудовище заколебалось... отступило на шаг, заслоняя глаза волосатыми руками... Огненные стрелы посыпались из низкой тучи, вонзаясь в землю и впиваясь в тело чудовища... запахло паленой шерстью... Взревев на тысячу голосов, чудовище пало на четвереньки, взбрыкнуло задними копытами и провалилось в разверзшуюся под ним бездну.

Сверху зашелестело, посыпало — проливной дождь встал стеной.

— Проклятие! — заверещал толстяк и, вспыхнув ворохом голубых искр, исчез вместе со своим посохом.

— Мы еще встретимся! — пообещал Сергей Николаевич и последовал за толстяком.

— Благодарю тебя, Перуне! — крикнул мой дядя вслед удаляющейся грозовой туче. — С тобой все в порядке? — спросил он у меня.

Дрожа от волнения, я только и сумел кивнуть головой. Под дождем моя рубашка промокла насквозь. Я стоял, обняв себя за плечи, и изо всех сил старался не лязгать зубами.

— А где Семаргл? — спросил дядя.

Я даже зубами стучать перестал.

— Они с медведем там... около ворот...

— Пошли! — сказал дядя и схватил меня за руку.

Волка нигде не было. В кустах валялась огромная неподвижная туша бурого медведя. Асфальтовое покрытие вокруг него было вспахано когтями и залито тяжелой маслянистой кровью, еще не размытой дождем.

— Ну-ка, помоги, — сказал дядя, обеими руками хватаясь за медвежий загривок.

Вдвоем мы с трудом опрокинули тяжелую тушу навзничь и замерли, увидев волка. Противники сцепились в последней, смертельной схватке. Семаргл глубоко, до самого сердца, вгрызся своими клыками в медвежью грудь, а медведь, издыхая, подмял его под себя.

Спина у волка была распорота в нескольких местах, одно крыло смято и изломано. В остекленелых глазах застыло удивление. Увидев их, я едва не заплакал. Они словно бы говорили: я виноват перед тобой, Руслан сын Иггвальдов, я был слишком беспечный сторож, старость притупила мою бдительность, и я позволил врагам хитростью выманить тебя из безопасного убежища. Но я смертью испустил свою вину.

— Он умер? — осторожно спросил я, все еще надеясь, что это окажется неправдой.

— Нет-нет, мой мальчик, — ласково возразил дядя, — он же бог, а боги бессмертны. Семаргл просто ушел в другой мир, как уже давно собирался сделать...

— И мы больше никогда не увидим его?

— Боюсь, что это так. Он был хорошим волком... и хорошим товарищем... Мы не можем оставить его здесь...

Он огляделся в поисках какого-нибудь материала для носилок, но вокруг не было ничего подходящего.

— Брат, если ты позволишь...

Я вздрогнул. Это был голос моего отца.

Выйдя из кустов, он сбросил с плеч медвежью шкуру и постлал ее на мокрый асфальт. Втроем мы взялись за оконевшие конечности волка и осторожно положили его на носилки. Дядя бережно расправил смявшиеся стрекозиные крылья Семаргла, по которым ласково стучал теплый летний дождь.

Мой отец взял остроконечную медвежью шапку.

— Отец, — позвал я его. Но он лишь приложил палец к губам, взглядом указывая на волка, застывшего в торжественном безмолвии. Да, лучше поговорить обо всем потом. Дома.

Взявшись за концы медвежьей шкуры, мы тяжело оторвали ее от земли и медленно понесли к выходу. Далеко на западе глухо ворочался затихающий гром. Из-под земли не доносилось ни звука. Во всем мире еще никто, кроме нас — троих смертных, не знал о гибели одного из древнейших богов вселенной — боговолка Семаргла. Струи дождя стекали по моим щекам, и только теперь я с удивлением обнаружил, что на вкус они — соленые.

ТРЕТЬЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Их было двое. Оба в коротких штанишках, белых праздничных рубашках и сандалиях на босу ногу. Их глаза были широко распахнуты.

— Валька! Смотри! — восторженно захлебнулся один из них, остановившись под остроконечным серебристым носом. — Смотри, как красиво! А вот это что за палочка?

— Это?.. — второй озадаченно поскреб затылок. — Это новая пушка, наверное...

— Сам ты "пушка", — отмахнулся первый. — Пушки — они большие, а тут, смотри, какая маленькая дырочка на кончике, — показал он пальцем на входное отверстие приемника воздушного давления. — Нет, это не пушка...

А его приятель оседлал уже одно из колес нового шасси.

— Петро, — окликнул он друга. — А почему у него здесь два колеса?

— Чтобы быстрее ездить, — не задумываясь, ответил Петро. — Ему же надо быстро набрать скорость, чтобы быстрее взлететь и — на врага, на врага...

А Валька уже не слушал приятеля. Уцепившись за стойку и встав ногами на протектор, он вертел головой, изучая механизм уборки шасси.

— Валь, — потянул его за штанину Петро. — Здесь неинтересно. Колеса есть у всех самолетов... Пошли пушки искать.

Они зашли в тень плоскости и задрали головы, рассматривая гондолу двигателя.

— Здорово! — протянул Валька. — Вот это машина. Эх!.. Сесть бы в него — и вперед! И из пулемета: "та-та-та-та!"...

— Дурак, — насмешливо прервал его Петро. — Какие пулеметы? Это раньше были пулеметы, а теперь — пушки и ракеты.

— Бомбы еще есть, — поделился познаниями Валька.

— Бомбы — в бомбардировщиках, а это — истребитель. Вон видишь: ракета прицеплена...

— Вижу... Слушай, а почему у нее на носу стеклышко, как у фонарика?

— Мне папка рассказывал, — гордо заговорил Петро, — что есть ракеты, которые сами летят за самолетом. Куда бы он ни повернул, она все равно его догонит.

— Да? — недоверчиво взглянул на него Валька. Подумал и добавил: — А это здорово, что у нас есть такие ракеты...

— Конечно, здорово! Мы всех победим!

— Конечно, всех. — Валька сунул голову в дюзу двигателя, провел пальцем по черному металлу. На коже осталось пятно сажи.

— Что там? — Петро вытянул шею, заглядывая через плечо приятеля.

— Мотор тут... Огонь отсюда вылетает, и самолет летит. Быстро летит, — размышлял Валентин. — Вот бы купить такой: сел и — раз, и у бабушки в деревне...

— Кто тебе продаст, — пренебрежительно посмотрел на него Петро. — Это же не "кукурузник" какой-нибудь, а военный самолет. Он должен стрелять!

— Ну и что, — сконфузился Валька. — Но зато было бы быстро... А то летишь на этой колымаге...

— Но тебе ведь не к спеху, — успокоил его приятель. — А тут скорость нужна, чтобы врага не упустить.

— Да знаю я... — Валька отошел к покатоному боку фюзеляжа, повернулся и сказал, повторив где-то слышанную фразу: — Все передовое в экономике — на оборону страны.

— Конечно, — мотнул головой Петро. — А то — "к бабушке"...

Они обошли истребитель сзади, закинув головы, полюбовались на изящные формы стабилизаторов и влезли на нагретую солнцем поверхность крыла, пробираясь к пилотской кабине. Прозрачный колпак был откинут, и Петро решительно спрыгнул в кресло пилота. Валька пристроился рядом.

— Мне папа говорил, что это ручка "газа", — Петро торжественно сжал в ладонях рычаг.

— А откуда он знает? — подозрительно скосил на приятеля глаза Валька.

— Он механиком служил в армии. В авиации. Он мне много всего рассказывал... Вот это доска приборов. Даже если ночь, то по стрелкам все видно: куда лететь и куда стрелять. Только сейчас все выключено, и ничего не видно.

Валька уткнул лицо в нарамник экрана локалатора "Перспектива".

— А это что?

— Это локатор. Через него все и видно. “Инициатива”, кажется, называется, — выговорил Петр трудное слово.

— Много, конечно, приборов тут... — Валька осторожно коснулся рукой тумблеров. — Как летчик во всем разбирается?

— На то он и летчик. Летчики военные должны быть умные, чтобы все знать и стрелять в противника.

— Да, много всякого тут, — продолжал размышлять вслух Валька. — Это же сколько надо учиться, чтобы выучиться стрелять?.. Ужас!

— Я когда вырасту, — торжественно произнес Петро, — тоже стану военным летчиком. И тоже буду летать на таких самолетах и... — его глаза загорелись недобрым огнем, — тоже буду стрелять по врагу: “та-та, та-та!”

— А я, — мечтательно уставился Валька в бесконечность, — купил бы такой самолет и летал бы в гости к бабушке...

— Бабушка, бабушка, — передразнил его приятель. — Этот самолет — наш защитник.

— Но войны-то сейчас нет, — посмотрел на него Валька. — От кого защищать-то?

— Как нет? — встрепенулся Петро. — Ты “Вре-

мя” посмотри: только о войне и говорят.

— Да смотрел я, — нехотя отозвался Валька, — только неинтересно все это: война, политика, террористы...

— Вырастешь — будет интересно, — успокоил его приятель. — Ладно, вылазь... Идти надо.

Они выбрались из кабины, слезли с плоскости крыла и оглянулись на истребитель.

Серебристая машина, широко раскинув крылья, красиво и хищно пригнулась к бетонке, всегда готовая к боевому вылету.

Друзья полюбовались изумительным творением рук человеческих и направились наискосок, перерезая “курс” самолета...

...Скучая от безделья, истребитель обозревал мир через видоискатель прицела. Вот в поле его зрения появились две фигурки в коротких штанишках, белых праздничных рубашках и сандалиях на босу ногу. О чем-то горячо рассуждая, они пересекали перекрестие прицела...

Занятый своими железными мыслями, истребитель произвольно щелкнул гашетками скорострельных пушек...

*Архангельская область,
пос. Долматово, 1996 г.*

Игорь Халымбаджа

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ: ГОД 1997-й

1 января — исполнилось 70 лет Льву Ивановичу Давыдычеву, пермскому писателю, автору фантастических романов “Руки вверх! или Враг N 1”, “Генерал-лейтенант Самойлов возвращается в детство” (1975), сказок и рассказов.

2 января — 60 лет Мариэтте Омаровне Чудаковой, известному литературоведу и автору фантастических рассказов “Пространство жизни”, “Тихий старичок”.

3 января — 70 лет Бенедикту Михайловичу Сарнову, прозаику и критику, автору повести “Юра Красиков творит чудеса” (1969) и соавтору книг “В стране литературных героев” (1979) и “По следам знакомых героев” (1989);

— 105 лет знаменитому английскому писателю Джону Рональду Руэлу Толкину, создателю трилогии “Властелин колец”, повести “Хоббит”, сказок.

10 января — 50 лет известному американскому фантасту Джорджу Элеку Эффинджеру, автору романов “Огонь на Солнце” (рус. пер. 1996), “Когда под ногами бездна” (рус. пер. 1995) и ряда рассказов.

13 января — 125 лет Петру Петровичу Орловцу (Дудорову), автору фантастического романа “Клады Великой Сибири” (1909), повестей, рассказов и сказок.

15 января — 90 лет Геннадию (Гдалию) Самойловичу Гору;

— 155 лет французскому писателю и общественному деятелю Полю Лафаргу, автору фантазии “Проданный аппетит”.

16 января — 100 лет Валентину Петровичу Катаеву, автору романов “Остров Эрендорф”, “Повелитель железа”, сборника рассказов “Сэр Генри и черт”.

18 января — 115 лет английскому писателю Алену Алексан-

деру Милну, автору фантастических и сказочных повестей и рассказов (“Перед потопом”, “Когда-то тому назад”, “Винни Пух”).

22 января — 85 лет известному французскому фантасту Пьеру Франсуа Мари Луи Булю, автору романа “Планета обезьян” (рус. пер. 1967) и ряда рассказов.

27 января — 165 лет Льюису Кэрролу (Чарлзу Лютвиджу Доджсону), автору “Алисы в Стране Чудес” и “Алисы в Зазеркалье”, “Охоты на Снарка”.

30 января — 60 лет чувашскому фантасту Георгию Васильевичу Краснову, написавшему повести “Волшебный родник”, “Кольцо, найденное в море”, “Тайна Сарматских гор”, “Сквозь зеркало” и др.;

— 110 лет Сигизмунду Доминиковичу Кржижановскому, автору фантастических книг “Возвращение Мюнхаузена” (1991), “Сказки для вундеркиндов” (1991), “Боковая ветка” (1996).

2 февраля — 90 лет Виктору Александровичу Сытину, автору НФ повести “Покорители вечных бурь” (1952) и рассказов;

— 110 лет Михаилу Ордынцеву (Кострицкому Михаилу Дмитриевичу), автору книги “Волшеб-

ные сказки наших дней” (1915) и рассказов.

6 февраля — 115 лет Якову Марковичу Окуневу (Окуню), создателю романов “Грядущий мир” (1923), “Завтрашний день” (1924), “Катастрофа” (1927), “Золотая петля” (1925) и др.

9 февраля — 60 лет Владимиру Николаевичу Мирневу, автору “Телепатического полета” (1975).

10 февраля — 270 лет Федору Ивановичу Дмитриеву-Мамонову, создателю аллегии “Дворянин-философ” (1769).

14 февраля — 50 лет Борису Гедальевичу Штерну, киевскому прозаику, автору книг “Чья планета?” (1987), “Дом” (1989), “Рыба любви” (1991), первому лауреату приза “Старт”;

— 95 лет известному болгарскому писателю Святославу Минкову. Основные книги, переведенные на русский язык — “Алхимия любви” (1969), “Соломенный фельдфебель” (1956), “Паноптикум Лейхенвальд” (1968) и др.

18 февраля — 95 лет Григорию Никитичу Гребневу (Грибосову-Гребневу), написавшему популярный роман “Арктания” (1937), роман “Мир иной” (1964), повесть “Южное сияние” (1955) и др.

25 февраля — 80 лет знаменитому английскому писателю Энтони Берджесу (Джону Уилсону), автору “Заводного апельсина” (рус. пер. 1990), “Вожделяющего семени”, “Трепета намерения” (рус. пер. 1993 — оба), “1985 года” (рус. пер. 1991) и др.

28 февраля — 50 лет американскому фантасту Стивену Чарлзу Голдину, автору фантастических рассказов “Сладких снов, Мелисса” (рус. пер. 1973), “Упрямец” (рус. пер. 1991).

1 марта — 105 лет знаменитому японскому писателю Аку-

тагаве Рюноске, автору повести “В стране водяных” и фантастических новелл;

— 75 лет Николаю Ивановичу Гомолке, белорусскому фантасту, создателю НФ романа “Шестой океан” (1959), пьесы “Битва в космосе” (1963) и др.

3 марта — 60 лет Владимиру Семеновичу Маканину, написавшему фантастические повести “Лаз” (1991), “Предтеча” (1982), “Отставший” (1987) и др.

7 марта — 75 лет Дмитрию Гавриловичу Сергееву, иркутскому геологу и писателю. Основные НФ книги: “Прерванная игра” (1983), “Завещание каменного века” (1972).

11 марта — 45 лет известному английскому писателю Дугласу Ноэлю Адамсу, автору романов “Путеводитель по Галактике для путешествующих автостопом” (рус. пер. 1981), “Ресторан в конце Вселенной” (рус. пер. 1992) и др.

13 марта — 80 лет Сергею Владимировичу Михалкову, автору сказочных повестей “Первая тройка” (1969), “Праздник непослушания” (1975), “Сон с продолжением” (1982) и др.

14 марта — 95 лет болгарскому фантасту Здравко Среброву. На русском языке издан его “Роман одного открытия” (1962).

22 марта — 70 лет таджикскому фантасту Абдумалику Бахори, автору повестей “Оборванный контакт” (рус. пер. 1987), “Чудеса Нодара” (рус. пер. 1988), “Сунбулла” и др.;

— 60 лет томской писательнице Римме Викентьевне Кошурниковой, автору фантастических повестей и рассказов (“Возьмем атом, величиной с дом” и др.).

28 марта — 40 лет белорусскому фантасту Сергею Петровичу Трусову, автору фантастичес-

ких рассказов и повестей (сборник “Карнавал”, 1991).

29 марта — 180 лет известному русскому писателю Константину Сергеевичу Аксакову, автору фантастических повестей “Облако” (1836) и др.;

— 95 лет знаменитому французскому писателю Марселю Эме, автору повестей “Метелица” (1926), “Граф Калиостро” (1925), “Черт на гауптвахте” (1922) и др.

6 апреля — 95 лет Вениамину Александровичу Каверину (Зильберу Вениамину Абелевичу), автору фантастических повестей (“Верлиока”), рассказов (“Инженер Шварц” и др.), сказок (“Легкие шаги”).

9 апреля — 60 лет английскому фантасту Джону Баррингтону Бейли, автору романов “Одежды Кайана”, “Курс на столкновение” (рус. пер. 1994), рассказов;

— 75 лет Евгению Львовичу Войскунскому, в соавторстве с И.Лукодьяновым создавшему романы “Экипаж “Меконга” (1961), “Испытательный полет” (1970), “Незаконная планета” (1980), “Очень далекий Тартесс” (1989) и мн. др.;

— 90 лет Ивану Антоновичу Ефремову, выдающемуся ученому и писателю-фантасту, автору “Туманности Андромеды”, “Часа Быка”, “Лезвия бритвы” и мн. др. книг.

10 апреля — 50 лет Андрею Дмитриевичу Балабухе, прозаику, лауреату приза им.И.А.Ефремова. Основные книги: “Люди и корабли” (1983), “Нептунова арфа” (1986), “Чудо человека” (1990).

11 апреля — 65 лет уральскому писателю Юрию Евгеньевичу Яровому, автору НФ повестей “Зеленая кровь” (1986), “Четвертое состояние” (1982), рассказов;

— 30 лет алмаатинскому писателю Сергею Васильевичу Лу-

кьяненко, лауреату приза “Старт”-93, автору книг “Отложенное возмездие” (1996), “Лорд с планеты Земля” (1996) и др.

12 апреля — 90 лет Николаю Трублаини (Трублаевскому Николаю Петровичу), автору НФ романа “Глубинный путь” (1941), рассказов и сказок;

— 80 лет петербургскому писателю и геологу Александру Ивановичу Шалимову. Основные книги — “Охотники за динозаврами” (1968), “Станный мир” (1972) и др.;

— 80 лет Георгию Иосифовичу Гуревичу, первому лауреату приза им. И.А.Ефремова, автору книг “Человек-ракета”, “Тополь стремительный”, “Подземная непогода”, “Месторождение времени”, “Древо тем” и мн. др.

16 апреля — 75 лет английскому писателю Кингсли Уильяму Эмису, автору романа “Зеленый человек” (рус. пер. 1995), рассказов (“Хемингуэй в космосе” (рус. пер. 1966) и др.

25 апреля — 70 лет уральскому писателю Александру Николаевичу Петрину, автору книг “Похождения робота” (1988), “Фантастика в Решетове” (1991) и др.

26 апреля — 85 лет знаменитому американскому фантасту Альфреду Элтону Ван Вогту, создателю романов “Вечный дом” (рус. пер. 1993), “Мир ноль А”, “Пешки Ноль А” (рус. пер. 1993), “Библия ПТА” (рус. пер. 1993).

27 апреля — 65 лет Георгию Михайловичу Садовникову, автору сказочных повестей “Продавец приключений” (1970), “Спаситель океана” (1974), “Пешком над облаками” (1980).

28 апреля — 90 лет знаменитому итальянскому писателю Альберто Моравиа (Пинкерле), автору фантастических рассказов, пьес, сказок.

2 мая — 95 лет известному австралийскому писателю Алану

Маршаллу, автору повести “Шепот на ветру” (рус. пер. 1988).

3 мая — 95 лет петрозаводскому литератору Александру Михайловичу Линевскому, автору многократно издававшейся повести “Листы каменной книги” (1930).

4 мая — 180 лет известному русскому историку и литератору Николаю Ивановичу Костомарову, автору повести “Сорок лет” (1881), рассказа “Скотский бунт” (1917).

10 мая — 70 лет екатеринбургскому писателю Сергею Александровичу Другалю, автору книг “Василиск”, “Тигр проводит вас до гаража”, лауреату “Аэлиты”.

13 мая — 60 лет знаменитому американскому фантасту Роджеру Желязны, создателю “Хроник Амбера” и мн. др.

14 мая — 90 лет английской писательнице Дафне Дюморье, автору повестей “Птицы” (рус. пер. 1994), “Не позже полуночи” (рус. пер. 1989), “Дом на взморье” (рус. пер. 1994).

15 мая — 120 лет английскому писателю Уильяму Хоупу Ходжсону, автору романа “Пираты-призраки” (рус. пер. 1994), рассказов (“Голос в ночи”, “Свистящая комната” и др.).

17 мая — 105 лет писателю и ученому Николаю Николаевичу Плавильщикovu, автору научно-фантастической повести “Недостающее звено”.

18 мая — 125 лет знаменитому английскому философу и писателю Бертрану Расселу, автору фантастических рассказов (“Инфракрасный глаз”, “Сатана в пригороде” и др.);

— 210 лет известному русскому писателю Константину Николаевичу Батюшкову, автору повести “Предслава и Добрыня”, сказок (“Странствователь и домосед” и др.).

27 мая — 60 лет Андрею Георгиевичу Битову, автору “Преподавателя симметрии” (1987), “Пушкинском дома” (1989), “Жизни в ветреную погоду” (1989) и др.

2 июня — 65 лет Ярославу Кирилловичу Голованову, прозаику и журналисту, автору повестей “Кузнецы грома” (1964), “Марсианин” (1985), “Контакт” (1976, с Ю.Гусманом).

4 июня — 50 лет Владимиру Семеновичу Батшеву (печатался также как В.Латушов), автору книг “Вещие сны” (1992), “Хроника дня Зет” (1992) и др.

6 июня — 105 лет Глебу Васильевичу Алексееву, автору романа “Подземная Москва” (1924);

— 75 лет польскому писателю Ежи Брошкевичу, перу которого принадлежат повести “Одно другого интересней” (рус. пер. 1964), “Трое с десятой тысячи” (рус. пер. 1969) и др.

9 июня — 90 лет Андрею Сергеевичу Некрасову, автору популярной фантастической повести “Приключения капитана Врунгеля”.

10 июня — 200 лет писателю-декабристу Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру, автору фантастических повестей “Земля безглавцев” (1824), “Европейские письма” (1826).

12 июня — 105 лет Софье Борисовне Радзиевской, ученой и писательнице, автору повестей “Рам и Гау” и “Тысячелетняя пчела”.

17 июня — 45 лет американскому писателю Бобу Мак-Каммону, автору романов “Несущий огонь” (рус. пер. 1993), “Час волка” (1996), “Они жаждут” (рус. пер. 1992) и др.

20 июня — 80 лет уральскому писателю-фантасту Борису Захаровичу Фрадкину, автору книг “Дорога к звездам” (1954),

“Пленники пылающей бездны” (1958) и др.

22 июня — 50 лет американской писательнице Октавии Батлер, автору рассказа “Мы все — одна семья” (рус. пер. 1969), лауреату премии Небьюла-84.

28 июня — 65 лет Александру Александровичу Щербакову, прозаику и переводчику, автору повестей “Сдвиг” (1978), “Кукушонок” (1990), “Змей” (1990), “Суд” (1982).

2 июля — 140 лет Вере Ивановне Крыжановской (Рочестер), автору романов “Эликсир жизни”, “Маги”, “Смерть планеты”, “Законодатели” и др.;

— 120 лет швейцарскому писателю Герману Гессе, автору романов “Игра в бисер” (рус. пер. 1969), “Нарцисс и Гольдмунд” (рус. пер. 1992), “Степной волк” (рус. пер. 1990) и др.

7 июля — 90 лет знаменитому американскому фантасту Роберту Энсону Хайнлайну, автору многочисленных романов и рассказов (“Дверь в лето”, “Луна жестоко стелет”, “Хозяева марионеток”, “Ракетный корабль “Галилео” и мн. др.).

10 июля — 70 лет Аскольду Павловичу Якубовскому, автору книг “Аргус-12” (1972), “Прозрачник” (1987), “Купол Галактики” (1991) и др.

11 июля — 125 лет Иларию Григорьевичу Шадрину, прозаику и драматургу, автору утопии “Сон в летнюю ночь” (1917).

18 июля — 120 лет болгарскому писателю Елину-Пелину (Димитру Ивановичу Стоянову), автору фантастических повестей “Ян Бибиян” и “Ян Бибиян на Луне” (рус. пер. 1971);

— 95 лет Валентину Дмитриевичу Иванову, автору романа “Энергия подвластна нам” (1949), повести “В карстовых пещерах” (1952).

20 июля — 90 лет уральско-

му писателю и геологу Анатолию Алексеевичу Малахову, автору книг “Миражи Тургая”, “Бунт минералов” и мн. др.;

— 100 лет Илье Кремлеву (Илье Львовичу Шехтману), со-автору романа “Город энтузиастов” (1930), повестей и рассказов.

22 июля — 50 лет польскому писателю Марчину Вольскому. На русский язык переведен роман “Агент Пизо” (1991) и ряд рассказов;

— 50 лет писательнице Людмиле Алексеевне Сеницыной, автору повестей “Пробный ящик”, “Пузыри Земли” (1976), “Кривой человек” (1987) и др.

23 июля — 55 лет крымской писательнице Светлане Владимировне Ягуповой, автору книг “Зеленый дельфин” (1977), “Феникс” (1988), “Твой образ” (1990), “Феномен Табачковой” (1979) и др.

8 августа — 60 лет Игорю Марковичу Ефимову, автору повестей “Пурга над Карточным Домиком” (1974), “Плюс, Минус и Тимоша” (1971), романа “Архивы страшного суда” (1991).

9 августа — 70 лет американскому фантасту Даниэлю Кизу, автору романа “Цветы для Эдджернона” (рус. пер. 1990).

14 августа — 40 лет прозаику Льву Рэмовичу Вершинину, автору книг “Ущелье трех камней” (1992), “Хроники неправильного завтра” (1995), “Двое у подножия вечности” (1996).

16 августа — 80 лет знаменитому английскому фантасту Артуру Чарлзу Кларку, автору романов “Город и звезды”, “Лунная пыль”, “Космическая Одиссея 2001 года” и др.

17 августа — 85 лет Виталию Георгиевичу Губареву, автору сказочных повестей “Путешествие на Утреннюю звезду”, “Королевство кривых зеркал”, “Часы веков” и мн. др.;

— 45 лет Владимиру Михайловичу Хлумову (Любимову), автору повести “Санаторий”, романа “Вопреки” (1993), рассказов.

20 августа — 65 лет Василию Павловичу Аксенову, автору фантастических романов (“Остров Крым”, “Ожог”), повестей (“Стальная птица”, “Мой дедушка — памятник”, “Сундучок, в котором что-то стучит”), пьес и рассказов.

24 августа — 180 лет русскому поэту и прозаику Алексею Константиновичу Толстому, автору “Встречи через 1300 лет”, “Семьи вурдалака”, “Упыря”.

28 августа — 90 лет Владимиру Ивановичу Немцову, автору романов “Семь цветов радуги” (1950), повестей “Золотое дно” (1945), “Аппарат СЛ-1” (1947), “Огненный шар” (1946) и др.

29 августа — 135 лет бельгийскому драматургу и прозаику Морису Метерлинку, автору многочисленных пьес с элементами фэнтези (“Чудо св. Антония”, “Арианна и Синяя Борода”, “Принцесса Мален”, “Синяя птица” и др.).

30 августа — 200 лет Мери Шелли (урожденной Мери Уолстонкрафт Годвин), создательнице знаменитого “Франкенштейна”, а также романа “Последний человек” (рус. пер. 1827);

— 75 лет Анатолию Александровичу Жаренову, автору романов “Парадокс Великого Пта” (1970) и “Яблоко Немезиды” (1967);

— 115 лет Борису Степановичу Житкову, автору фантастической повести “Без совести”, рассказов “Микроруки”, “Что, если бы”, “Элчан Кайя”.

3 сентября — 70 лет белорусскому писателю Алесю Адамовичу, автору фантастического романа “Последняя пастораль”.

4 сентября — 150 лет знаменитому французскому писателю

Луи Анри Буссенару, автору фантастических романов “Тайна доктора Синтеза”, “Десять тысяч лет среди льдов” и др.

5 сентября — 140 лет Константину Эдуардовичу Циолковскому, ученому и писателю, автору фантазий “На Луне”, “Вне Земли” и т.д.

6 сентября — 60 лет саратовскому писателю-фантасту Олегу Максимовичу Лукьянову, автору книг “Вся мощь Вселенной” (1979), “На одной далекой планете” (1992) и др.

8 сентября — 50 лет екатеринбургскому фантасту Валерию Петровичу Брускову, автору сборника рассказов “Иду на Вы...” (1995).

9 сентября — 70 лет Андрею Владимировичу Аникину, перу которого принадлежат НФ повести “Ошибка Светония”, “Пятое путешествие Гулливера”, “Смерть в Дрездене” и др.

10 сентября — 70 лет Майе Анатольевне Ганиной, автору сказочной повести “Тяпкин и Леша” (1973).

11 сентября — 135 лет американскому писателю О.Генри, автору коротких и остроумных рассказов, в том числе и фантастических (“История пробковой ночи”, “Утерянный рецепт” и т.д.).

19 сентября — 50 лет американской писательнице Тэнит Ли. На русском языке изданы романы “В поисках Белой ведьмы”, “Вазкор сын Вазкора”, “Владыка смерти”.

21 сентября — 50 лет знаменитому американскому писателю Стивену Кингу, автору романов “Туман”, “Воспламеняющая взглядом”, “Светящийся” и др.

25 сентября — 115 лет Алексею Капитоновичу Гастеву, поэту и прозаику, создателю многочисленных стихотворений в прозе, составивших его книгу

“Поэзия рабочего удара”(1918), фантазии “Экспресс”, “Башня”, “Кран” и пр.

27 сентября — 45 лет петербургскому писателю Константину Семеновичу Мелихану, автору многочисленных юмористических фантазий, вошедших в книгу “Слово джентльмена” (1995).

3 октября — 105 лет Михаилу Яковлевичу Козыреву, автору повестей “Ленинград”, “Неуловимый враг”, “Пятое путешествие Лемюэля Гулливера” и др.

6 октября — 85 лет Евгению Мироновичу Мину, автору книг “Сиреневая звезда”, “Ценный подарок”, “Другие времена” и др.

8 октября — 60 лет Феликсу Яковлевичу Суркису, печатавшемуся под псевдонимом Дымов, автору книг “Полторы сосульки” (1986), “Благополучная планета” (1989).

20 октября — 320 лет Станиславу Лещинскому, польскому королю, создателю утопии “Разговор европейца с островитянином”.

23 октября — 200 лет Александру Александровичу Бестужеву-Марлинскому, писателю-декабристу, автору повестей “Странное гадание”, “Замок Эйген” и др.;

— 50 лет Николаю Николаевичу Александрову, автору остросюжетных фантастических (“Лже”, “Футурляндия”) и приключенческих повестей и книг.

2 ноября — 70 лет Игорю Михайловичу Забелину, географу и писателю, автору книг “Пояс жизни”, “Загадки Хаирхана” и др.

5 ноября — 70 лет Александру Петровичу Лукьяненко, киевскому писателю, автору повестей “Мир перевернулся”, “Рыжий кот Савка”, “Оптимус” и др.

11 ноября — 75 лет знаменитому писателю Курту Воннегуту-мл., автору романов “Жолыбель для кошки”, “Сирены Титана”, “Бойня номер 6” и мн. др.

16 ноября — 50 лет Эдуарду Вачагановичу Геворкяну, автору романа “Времена негодяев” (1996), повестей “Правила игры без правил”, “Черный смех” и др.

18 ноября — 70 лет кинорежиссеру и сценаристу Эльдару Александровичу Рязанову, автору фантастических повести “Предсказание” и сценария “Убийство в библиотеке”.

22 ноября — 115 лет писателю, популяризатору науки Якову Исидоровичу Перельману, автору НФ рассказа “Завтрак в невесомой кухне”.

24 ноября — 70 лет Исаю Давыдову (Шейнбергу Давиду Иса-

аковичу), автору романа “Я вернусь через тысячу лет”, повестей “Девушка из Пантикапея”, “Он любил Вас”.

27 ноября — 90 лет известному американскому фантасту Лиону Спрэгу де Кампу, автору романов “”Башня гоблинов”, “Да не опустится тьма” (рус. пер. 1993), многочисленных книг о приключениях Конана-варвара.

11 декабря — 120 лет ученому и писателю Николаю Александровичу Рынину, автору энциклопедии “Межпланетные сообщения” и фантазии “”В воздушном океане” (1924).

22 декабря — 60 лет детскому писателю Эдуарду Николаевичу Успенскому, автору многочисленных сказочных и фантастических повестей (“Подводные береты”, “Вниз по волшебной реке” и др.).

25 декабря — 70 лет известному болгарскому фантасту Любену Дилову, автору романов “Жестокий эксперимент” (рус. пер. 1990), “Земное ухо” (рус. пер. 1989) и мн. др.

29 декабря — 115 лет Алексею Николаевичу Толстому, известному русскому писателю, автору романов “Аэлита”, “Гиперболоид инженера Гарина”, повести “Союз пяти”, пьес “Бунт машины”, “Фабрика молодости”.

ОТВЕТ на криптограмму

по роману Марии Семенович “Волкодав” (см. “УС” № 1-97)

Священный Знак Огня — колесо; народ кунса Винитария — сегваны; оружие, с которым 12-летний Серый Пес пытался защитить свою мать — сулица; растение, соком которого лекарь Иллад заpirал кровь в ране Волкодава — тысячелистник; божество, имя которого Аптахар упоминал всеу — Хёгг; что ощутил Волкодав, услышав в исполнении Мангул песню рабов горного рудника, сложенную о нем — мороз; хозяйка постоялого двора в Галираде — Любочада; один из напитков, которые в галирадских корчмах подавали даром тому, кто заказал еду — простокваша.

Жрица Мать Кендарат сказала маленькому Волкодаву: “Люди разных племен различаются внешне, но внутри устроены одинаково”.

Владислав ГОНЧАРОВ

Когда-то любительская фэн-пресса была неотъемлемой частью жизни каждого КЛФ, да и большинства отдельно взятых фэнов. Основным средством тиражирования поначалу была обыкновенная пишмашинка, в лучшем случае — матричный принтер. На тех, кому удалось выйти на достаточное “халявный” ксерокс, смотрели с уважением и завистью. Распечатки журналов и литературных альманахов хранились в клубных библиотеках, как драгоценная святыня; ньюслеттеры являлись одним из основных средств межклубного общения, они тиражировались везде, где только можно, и рассылались дальше по знакомым клубам.

Затем наступило время кооперативного книгоиздания — время тоненьких, в мягкой обложке брошюр, “выпущенных на средства автора/переводчика”. Вот тогда-то и появилась масса различной прессы, посвященной фантастике и отпечатанной уже почти приличным тиражом — от нескольких сотен до десятков тысяч экземпляров. Как любительских, так уже и вполне профессиональных. Никто не думал, что с падением спроса на отечественную фантастику и фактическим развалом бывшего советского фэндома все это многоцветье практически мгновенно сойдет на нет.

Что же мы имеем сейчас? Из журналов, посвященных только фантастике, продолжают издаваться только два, оба московские — “Если” и “Сверхновая американская фантастика”. “Если” можно назвать изданием вполне благополучным — он вносится в подписной каталог, имеет устойчивый тираж в

20.000 экземпляров и регулярно выходит раз в месяц. Сменив формат на книжный, он стал выглядеть еще симпатичнее и удобней в обращении. Основные места в журнале занимают переводные вещи — роман или повесть и пара рассказов на но-

скоязычным вариантом американского “Magazin of fantasy & science fiction”). По крайней мере, время от времени в нем попадаются действительно оригинальные статьи по проблемам фантастики или отечественного фэн-движения, какие, к сожа-

ФЭН-ПРЕССА

мер, плюс такая же пара рассказов отечественных авторов, в качестве приложения к одной из художественных публикаций — научная или наукообразная статья на близкую к ней тему да еще немного рецензий и некоторые отрывки из новостей фантастики. Статьи непосредственно по фантастиковедению после исчезновения “интеркомовского” раздела здесь большая редкость. Словом, журнал вновь приобретает скорее литературный, чем информационный вид. Что весьма печально, поскольку, как уже говорилось выше, это единственное действительно периодическое издание в области чистой фантастики.

Поскольку “Сверхновую американскую фантастику” периодической назвать пока трудно. Однако, в отличие от своего более удачливого коллеги, “Сверхновая...” все еще весьма старается уделять внимание именно фантастиковедению. Причем именно отечественному — вопреки названию и официальной специализации журнала (а по идее, он должен являться рус-

лению, в “Если” не увидишь.

В конце прошлого года в Екатеринбурге появился (точнее, возродился) еще один журнал — “ПиФ” (“Приключения и фантастика”), вышедший в свое время, несколько лет назад, как приложение к “Уральскому следопыту”. Правда, теперь он увеличил объем до полусотни страниц, обзавелся цветной обложкой и больше не печатает комиксы. Зато, кроме отечественной фантастики (в основном молодых местных авторов), он стал публиковать и критику, и подборки рецензий на вышедшие в разных издательствах книги — опять-таки, по преимуществу, отечественные.

Санкт-петербургский журнал “Двести” полностью профессиональным и тем более коммерческим назвать довольно трудно. В основном из-за тиража, который не превышает 500 экземпляров. Однако во всем остальном, вплоть до знака официальной государственной регистрации, там царит полный профессионализм. Тем более, что издание это посвящено исключительно профессиональным проблемам — критика,

аналитические обзоры, новости фантастики и издательского дела. Ну и слегка — фрагменты жизни остатков фэндомы.

Наконец-то наш обзор дошел и до собственно любительской прессы, фэнзинов. Опять же испокон веков фэнзины делились на литературные, обзорно-критические и информацион-

в основном на первом, максимум втором номере. Из вышедших же в 1996 году фэнзинов следует в первую очередь назвать “Конец Эпохи”, гордо именуемый его редактором Львом Лобаревым (Москва) литературным альманахом. Посвящен он так называемой “тусовочной прозе” — произведениям, причем не обя-

гося при содействии издательства “Труба”. Совсем заглаживавший большие надежды московский “Талисман” — тоже толкиенистско-ролевое издание, но называвшее себя именно фэнзином, много места посвящавшее литературоведению “вообще” и даже пустившее в обиход термин “JRRТ-фэндом”. Правда, в самом конце года радостная новость пришла из Донецка: возобновил выпуск своего издания Роман (он же Ромыч) Еримеев. На этот раз оно именуется “Активная органика”, выходит в неплохой полиграфии (видимо, ризограф), достаточно большим тиражом, имеет довольно оригинальное оформление. Правда, авторы большинства публикаций первого номера (а там присутствовали критические статьи, обзоры и традиционные новости фэндомы) почему-то были в основном из Санкт-Петербурга.

Ну, а с ньюслеттерами в стране вообще стало совсем плохо. Похоже, из них остались только пародийно-сатирические. Во всяком случае, все еще жива воистину неистребимая “Страж-Птица” с юга Украины — самый старый из существующих фэнзинов вообще. Ну, и время от времени проявляется некое ее отражение-пародия — толкиенистское издание под названием “Черный Баклан”. Словом, пейзаж выглядит достаточно уныло. Даже широкое появление в разных конторах слабо контролируемой множительной техники не сыграло своей роли, как это можно было ожидать. А издатели, одно время обратившие на любительскую фэн-пресси некое внимание, вновь к ней охладели. Хотя, может быть, ненадолго? Или дело не в издателях, а в отсутствии среды или энтузиазма в оной?.. Но опять-таки можно сказать только одно — время покажет.

НОВЫЙ ВИТОК

ные, или ньюслеттеры. Особняком здесь стояли юмористические издания, зачастую даже разового назначения. Толстые “литературные” издания предпочитали публиковать фантастическую прозу (в основном весьма молодых и не имевших шанса опубликоваться где-нибудь еще авторов). Критические имели обычно гораздо меньший объем и специализировались на фантастиковедении — то есть обзорах литературно-издательской ситуации, критических материалах, рецензиях и т.д. Ньюслеттеры были посвящены текущим проблемам и новостям фантастики и фэндомы, поэтому для них особая критичность являлась регулярностью выхода — слабое место всей любительской (да и не только) прессы.

Весьма характерно, что в последние годы эстафета фэнзинерства перешла от “чистых” фэнов к абсолютно новой и сравнительно недавно появившейся формации толкиенистов и любителей ролевых игр. Здесь, правда, многочисленные попытки начать выпуск более или менее периодических изданий завершались

зательно фантастическим, созданным в толкиенистско-ролевой субкультуре. Основное место в нем занимают малая проза и стихи, однако встречаются и литературно-критические публикации. Тираж его — около 200 экземпляров на ксероксе, объем — 40, а у сдвоенного номера — 60 страниц. Очень хорошее оформление, соблюдающее как внешнюю, так и внутреннюю эстетику, иллюстрации (часто даже специально сделанные для этого издания) и умелый подбор текстов могут вызвать восхищение. Правда, подобных литературных изданий по стране больше не наблюдается. Да и с “критическими” чувствуется весьма сильная напряженность.

На строенном (1-2-3) номере прекратил свое существование едва ли не самый старый из сохранившихся фэнзинов — смешанный фэно-толкиенистский “Фэн Гиль Дон”, выпускавшийся Алексеем Свиридовым на иждивении Московского Центра Фантастики. В Саратове вышел второй и последний номер опять-таки толкиенистского журнала “Морита”, издававшие-

ЛИКИ

Герман Наугольных

ПЕРМСКОЙ

СТАРИНЫ

ПРОФЕССОР
ЧИСТЯКОВ

Павла Ивановича Чистякова перетянул сюда известный в Перми политический деятель начала века К.А. Колокольников, который познакомился с ним, кажется, в сибирской ссылке. Павел Иванович был тогда профессором Томского университета. Здешняя интеллигенция в ту пору ратовала за открытие в Перми своего университета. Каждый старался содействовать этому как мог. Но главное не в этом.

Была у Павла Ивановича неодолимая страсть — рыбалка. И однажды на берегу Камы произошел с профессором Чистяковым случай, надолго ставший в Перми притчей во языцех.

Сидит он как-то в лодке с удочкой. Маленький, седенький, бородка клинышком, в косоворотке, стареньких брючках и стоптанных башмачках. Мужичок! Подходят молодые люди:

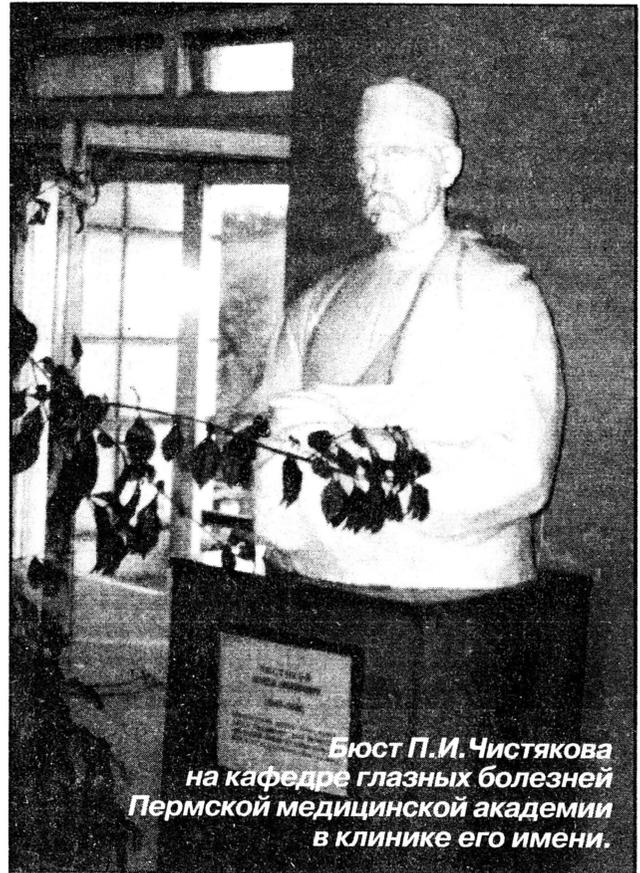
— Перевези нас, старик, за реку!

Моста тогда не было. Перевоз работал плохо, трамвайчик — старенький катер с паровым двигателем ходил редко. А чистые закамские песчаные пляжи и темный бор летом тянули молодежь.

— Ну что, старик, давай! Заплатим.

— Ну уж коль заплатите, поехали.

Смотал удочку. Едут. Он гребет. Двое молодых на корме сидят, наблюдают. Приехали. Дают рубль. По тем временам много. Он не берет. Всучили. Пусть мужичишка за счастье считает. Что же было с этими молодыми студентами, когда они узнали этого старичка в профессоре, читающем им лекции по глазным болезням! Сами-то они были студентами. Профессор тогда для студента — величина недостижимая. Мало их было, этих магов образованности. Да и не забылось еще, что все они прежде генералами были, действительными статскими, а то и тайными советниками — Ваше превосходительство! На экзамен шли — руки, ноги тряслись. Вдруг узнает?! Не узнал. Или сделал вид, что не узнал. Интеллигент! На радостях они же, видимо, и разнесли эту историю по городу.

*Бюст П.И. Чистякова
на кафедре глазных болезней
Пермской медицинской академии
в клинике его имени.*

Прославил себя Павел Иванович, конечно, не этой историей. Он был первым на Урале крупным специалистом по лечению зрения. На одном из первых международных съездов врачей-окулистов профессора Чистякова избрали председателем съезда.

Всю жизнь он прожил холостяком, всего себя отдавая науке и обучению будущих врачей. Делал по тем временам сложнейшие операции на роговице глаза, спасая людей от слепоты. Скром-

ный человек, народник по убеждению, всю жизнь проходивший в толстовке, без малейших притязаний к пище и одежде. Большую часть профессорской зарплаты откладывал на сберегательную книжку. Перед смертью все свои накопления завещал на постройку глазной больницы в городе Перми.

МЕЦЕНАТ

Николай Васильевич Мешков сделал себя сам. Из бурлаков вышел в приказчики, потом стал хозяином большого пароходства — миллионером. Перед революцией за ним числилось 10 или 14 миллионов. А это ведь не нынешние бумажные, а царские золотые, выпущенные в банки реформой графа Витте и ставшие самой дорогой в мире валютой.

Мешков очень любил свою маму. Всегда жалел, что не успел помочь ей, воздать за то, что вложила в него она. Так и скончалась, не познав обеспеченности. Не дожила до триумфа сына. Это стало вечной его болью.

Мешков активно боролся с чиновной бюрократией. Горький ставил его на один уровень со знаменитым Саввой Тимофеевичем Морозовым. Мешков, например, принял у себя отовсюду изгоняемый мятежный съезд учителей, предоставив ему помещение в своем доме, подвергая себя риску репрессий от властей.

Всю жизнь стремился помогать бедным, обездоленным. Вблизи вокзала Пермь-2 купил и перестроил огромный дом, предназначив его под дом призрения. Однако, городское общество обратилось с просьбой отдать это здание под университет. И Мешков, нисколько не сомневаясь, пошел на это.

Одна из маленьких “слабостей” пермского мецената сейчас почти забыта.

Постигнув грамоту самостоятельно, Николай Васильевич всячески старался помогать маленьким труженикам на тернистом пути к знаниям. Выделял средства на стипендии для талантливых учащихся, находил время в строго определенные дни и часы раздавать бесплатные билеты на пароход учащимся, отправляющимся по домам на летние каникулы.

Тетя моя рассказывала: “Домой так хочется... а денег нет. Где взять? Родители с трудом перебиваются, уча нас. Сестра Маня кончила с тройками, а у меня только хорошие оценки. Думаю, пойду к Мешкову. А страшно. Дворец такой! Лучший в городе дом. Волшебный замок! Во дворе

конюшни, амбары каменные и что еще — бог весть. Подхожу к калитке, трясусь вся. А там швейцар и из служащих еще кто-то. Ничего — пускают. Подымаюсь по лестнице к кабинету, как указывают. Дверь массивная резная, ручка большая бронзовая. Притронуться боюсь и вокруг ничего не вижу. Открыл кто-то, пустил меня. Впереди хозяин за письменным столом — суровый, седеющий, очень важный, с барской бородкой...

— Николай Васильевич, я к Вам...

Поднял голову от стола, улыбнулся ласково, как теплом обогрел.

— Билет надо?

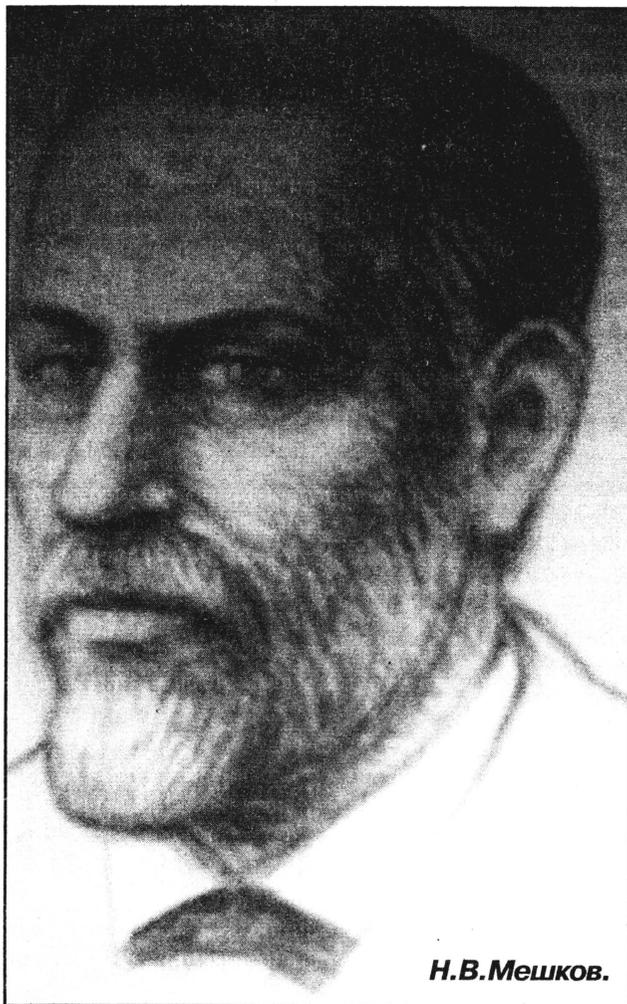
— Да.

— Такая маленькая... В каком же ты классе?

— Второй кончила.

— Где?

— В гимназии имени Тургенева.

Н.В.Мешков.

- Как учишься?
- Хорошо учусь.
- А ехать куда?
- В Слудку... Камскую...
- О, знаменитое село. Родина волжских капитанов. Ну, иди сюда.

Иду. Маленькая. Голова-то чуть выше стола. Тяну руку. Подает мне... У него рука большая, холеная, белая. Схватила я билет и как исчезла из кабинета и из дому — не помню. Единственный раз была. До сих пор стыдно — вдруг спасибо не сказала. Не помню. А благодарна была очень”.

Самой ей было уже 87 лет, когда рассказывала. Больше сорока честно трудилась на благо людей: стала фельдшером, врачом, одним из первых врачей-рентгенологов в Перми. Всю Отечественную и еще долго после нее работала в рентгеновском кабинете госпиталя инвалидов войны. Всегда готова была прийти на помощь всем нуждающимся, ничего за это не прося и не ожидая. Детей у нее не было. Воспитала племянницу, дочь умершей сестры. Дала ей образование. Пенсионеркой от скудной пенсии обязательно дарила именинные подарки всем близким. Стремление делать добро передается по наследству, как эстафета.

ЕГОР СИМАНОВ ИЗ ТОБОЛЬСКА

Георгий (Егор) Иванович Симанов родился в 1889 году в небольшом городке Тюкалинске Тобольской губернии. В 11 лет остался сиротой. Сестре Гране было 7 лет. Но поначалу в жизни ему везло. После начальной школы его по предложению школьного попечительства и местных властей за казенный счет отправили в духовное училище, а оттуда в Тобольскую семинарию. Из семинарии же по представлению епископа — в Казанскую духовную академию, которую он окончил кандидатом богословия. Карьера, казалось, была обеспечена. Но он был слишком живым и увлекающимся. В монахи ему не хотелось. Еще и потому, что встретил Веру Сергеевну — курсистку с высших женских курсов в Казани. 4 июля 1914 года они обвенчались в пермском Петропавловском соборе. Недалеко от Перми жили ее родители.

Сестра Глафира Ивановна рассказывает. “Егорushка был низенького роста. Стеснялся этого. Выпачивал грудь и ходил прыгающей походкой, как бы стремясь вверх. Очень сердился, когда кто-то замечал это, особенно девицы”. Вера Сергеевна не замечала. Сама была до самозабвения

увлечена литературой. Восторженно декламировала модного тогда Надсона.

Гражданская война застала их в Тобольске. Егор Иванович преподавал язык и литературу в женской гимназии. С приходом красных, учителей собрали в актовом зале гимназии. Выступил комиссар Демьянов, уполномоченный от Тобольского совета. Он кричал, обвиняя педагогов в симпатиях к белым. Он просто не знал, как надо говорить с этой “паршивой” интеллигенцией. Старый педагог-физик Е.А.Богословская уже в преклонном возрасте в начале 70-х годов вспоминала: “Учителя стояли притихшие, подавленные. И вот выступил Егор Иванович. Это был блестящий оратор. Слушать его было наслаждение. Помню первые его слова. Тон спокойный. Уравновешенный. Сказал: “Учителям не привыкать к таким встречам. На них кричала царская власть, всячески унижая их, кричали и представители временного правительства, а теперь кричат красные. А между тем учительство в своей

Егор Иванович
и Вера Сергеевна Симановы.
Тобольск, 1915 г.

главной массе осталось здесь, чтобы быть верными своему долгу...”

Со всей пылкостью души своей Егор Иванович отдался великой цели. Почти каждый день в местных газетах Тобольска, Тюмени, Омска и Перми появлялись его статьи, объявления о лекциях по истории литературы и краеведению. Он изучал Сибирь и начало ее — Тобольск. “Тобольскоеведение”, как называл он сам. Выпустил множество брошюр на грубой желтой оберточной бумаге — другой тогда не было. При местном музее объединил пионеров “тобольскоеведения”. С отрядами ЧОНа колесил по губернии. Читал лекции населению, красноармейцам. Он стал первым ершововедом. Тогда еще были живы многие люди, знавшие автора “Конька-горбунка”. Симанов организовал в местном музее уголок П.П.Ершова. Сбирал рукописи, письма, стихи, воспоминания, рисунки... Вокруг него собралась группа молодых энтузиастов, был в ней и будущий писатель П.Г.Маляревский, участвовавший потом в создании либретто к балету “Конек-горбунок”.

Лекции, брошюры, статьи он издавал за свой счет, не получая за это ни копейки. За свой счет ездил по краю и губернии. Покупал экспонаты для музея... И все это на очень скромное учительское жалованье.

С женой они жили душа в душу. Обращались друг к другу ласково: “Егорушка”, “Верочка”. Будучи сама энтузиастом, Вера Сергеевна всячески поддерживала мужа, воспитывала троих дочерей.

Страна нуждалась в ученых, а они бежали из нее. Непримириемых выслали. Нужны были свои. Однажды власти узнали, что Егор Иванович водил гимназисток в церковь, которую расписывали сосланные сюда декабристы. Ведь они первыми принесли культуру в Сибирь.

Его уволили из гимназии с волчьим билетом. Лишили средств к существованию, любимого дела и надежды... 13 декабря 1923 года его достали из петли. Еще теплого. “Спасти не удалось” — таково заключение медработников.

Друзья Егора Ивановича по музею пришли к нему сразу после его смерти. Некоторые рукописи он хранил в квартире, ибо взял их у друзей и родственников Ершова под честное слово. Но убитая горем Вера Сергеевна бросила их в печь: “Раз не нужен вам он, не нужны и труды его!” Она была увлеченной, восторженной натурой, тянувшейся к призрачному свету, как бабочка на огонь. Она умерла от чахотки через пять месяцев после мужа.

А.В.Рязанцев.

БАТЯ

Батей студенты нарекли профессора сельхозинститута Алексея Владимировича Рязанцева. Когда в студенческую массу влились пришедшие с войны молодые победители, привыкшие так называть своих командиров. Нарекли за обычную поговорку его: “батенька мой”. Хлопнет, бывало, по плечу бедолагу-студента и втолковывает ему: “Э, батенька мой, только бог знает на 5, я — на 4, а ты только на 3”. Особенно досаждал он студентам, получающим повышенную именную стипендию. А преподавал он защиту растений — фитопатологию и энтомологию.

Детей у него не было. Последние годы вообще жил один. Те, кто побывал у него в квартире, сообщали: “Все углы тенетами затянуты, жучки, таракашки, пауки разные ползают”. Деньги до стипендии занимал у него каждый, кто только осмеливался подойти. Никому не отказывал. И обратно никогда не просил.

Был он, вероятно, одним из потомков известной на Урале фамилии купцов и солепромыш-

ленников Рязанцевых. Об этом тогда, конечно, не говорилось. Служил офицером в белой армии. Но в боях против красных, видимо, не участвовал. Иначе не оставили бы его в покое известные органы. Кончил университет, защитил две диссертации. В Советскую власть был буквально влюблен. В партию его, как белогвардейца, естественно, принять не могли. А он истинно жаждал быть в первых рядах. Искренне. Не для карьеры, как многие.

Жил скромно. В дома отдыха и на курорты никогда не ездил. Ходил все лето со студентами по полям, лугам и лесам в своих больших резиновых сапогах. Этого и хватало ему для общения с природой и отдыха от зимних аудиторных занятий.

ХАРИТОН ЛАПТЕВ

О Харитоне Лаптеве писали многие. Даже Мамин-Сибиряк. Мне бы уж и не стоило. Ни бог весть какая фигура. Купец-то даже не пермский, а откуда-то из глубокой лесной Прикамской провинции. Но славен был по-своему и очень уж для времени характерен.

Случай, описанный Маминым, действительно имел место, и свидетелем его был мой дядя, часто рассказывавший его за столом в виде анекдота.

Было это лет сто назад. Идет вверх по Каме пассажирский пароход. Тогда они все еще в новинку были. Привлекали людей.

На палубе модные дамы в шляпах и кружевах с веерами. Молодежь, едущая на каникулы из университетских городов и губернских гимназий. Лаптев в своем неизменном мужицком одеянии стоит у борта. Навстречу плывут плоты — длинные, конца не видно. Харитон все видит. Плышет его богатство. Сотни тысяч золотыми рублями. От верхнего лесного Прикамья в нижнее степное Поволжье. Сплавщики в посконных куртках гребут большими веслами спереди и сзади, направляя плоты по течению. Здоровенные мужики, по-двое на весле. Лаптев кричит хриплым тенором:

— Эй, там на плотак! Чьи плоты-те?

Бурлаки сочным басом:

— Лаптева.

Оборачивается Харитон к дамам. Улыбка на круглом, как луна, лице:

— Мои плоты-те!

А дамам, наслаждающимся летним солнцем и легким речным ветерком, его плоты как канарейке камертон. Они и не глянули на самодовольного купчишку. Не потешили его сермяжную гордость.

Зато студенты быстро подхватили. Один уселся в углу пассажирского салона, другой в противоположном и завели перекличку: “Эй, там на плотак! Чьи плоты-те?” — “Лаптева”. — “Мои плоты-те”. И так чуть не всю дорогу. Концерт. А Харитон фыркнул, плюнул и ушел красный в свою каюту первого класса.

Другой случай рассказывали такой. Пришел Лаптев в ресторан “Кама”. В ресторанах публика тогда собиралась только избранная, приличная. Без галош и галстуков не пускали. А Лаптева как не пустишь? Все привратные церберы знают: он у самого князя Голицына строевой лес покупает, рубит и гонит в низовья. Миллионщик! Захочет в одночасье весь ресторан со всей прислугой купит и подарит какому-нибудь цыгану прохожему. Он и это может.

Заходит Лаптев в зал. Садится за столик. Чистая публика от него подальше пересаживается. Нос воротит от мужицкого духу. Харитон во весь голос:

— Человек!

Официант бегом и низко кланяясь:

— Что угодно-с?

— Дюжину шампанского и тазик.

Приносят из кухни большой таз и двенадцать бутылок французского вина. Господа косятся через пенснэ. Что мужик затеял? А он стягивает свои высокие дегтем мазаные сапоги, скидывает вонючие холщовые портянки. Садится. Ноги в таз под столом. Открывает с хлопаньем шампанское, бутылку за бутылкой. Пробки во все стороны, как пули, летят. А он выливает из бутылок шипящее вино на свои голые ноги. Кончил. Кричит:

— Человек!

Подбегает официант.

— А теперь бутылку водки и селедочку с луком! Водку пьет. Селедкой закусывает. Ноги в шампанском купает. Знай наших! Харитон Лаптев. Пермь божьей милостью. Солены уши.

Александр Мусеев

ЧЕЛЯБИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Танки бронзового века

Споры о том, где были изобретены боевые колесницы, уже затихают. Пришли к общему мнению — в степях Евразии. Следы самых древних колесниц обнаружены и в челябинской Стране Городов — в синташтинских и других курганах. В середине 70-х это стало сенсацией мирового значения.

Своих знатных воинов-колесничих, вождей боевых ратей наши земляки-синташтинцы провозжали в потусторонний мир вместе с колесницами и упряжью. Заглянем в одно из таких погребений.

На дне камеры — два овальных углубления. Стороны их сильно оплыли, а дно в виде полукруга сохранилось хорошо. Во внутренней погребальной камере и покоились кости человека.

Найдены также бронзовое колечко, обломки перстня, костяные изделия: гарпун, наконечники стрел, костяная лопаточка, плита-зернотерка и пест-теречник.

Овальные углубления — это и есть следы колесницы. От нее самой ничего не осталось, ведь она собиралась из дерева, предположительно, из березы. Века превратили синташтинские колесницы в тлен, но сохранили следы. И археологи смогли по ним определить их размеры. Оказалось, что все колесницы сделаны одинаково, с точностью до сантиметра. Выходит, что почти четыре

тысячи лет назад существовали свои ГОСТы и стандарты.

Средний диаметр колес — около 80 см. Они гнулись из бруса сечением примерно 4х4 см. Такого же сечения спицы. Ширина колес 130 см. Ось выдавалась на утолщенные ступицы в 5 см, подушка ее составляла 110 см. Ширина кузова около 100 см. Если предположить, что сзади кузов не выходил за пределы колес, то длина его будет около 120 см.

На синташтинском “кладбище” обнаружено несколько захоронений колесниц. “Экипаж” обычно состоял из одного-двух человек. Парная колесница несколько крупнее, но в деталях повторяет описанную.

Кузова колесниц спереди и с боков прикрывались деревянной “броней”. В одном захоронении лежали и “кони”, впряженные в колесницу (головы и ноги), около левой — уздечка с псалиями. Эта лошадь была коренной, ею управлял возничий, стоявший слева. Справа в кузове стоял колесничий-воин. С этой стороны стенка была пониже, к ней крепился колчан со стрелами, копьё и дротики. Запрягались кони так: к дышлу крепились два ярма, они охватывали спину и бока, стягиваясь ремнями на животе и груди лошади.

Колесницы — средство наступательное. На поле боя им тогда противопоставить было нечего, как нечем было и защитить селения от

стремительных атак колесничей рати. Археологи иногда называют легкие боевые колесницы, подобные синташтинским, танками бронзового века. Древние записи народов Ближнего Востока сообщают нам, какой ужас они наводили, появившись вместе с войсками пришельцев с севера, из евразийских степей. Историки усматривают это едва ли не главной причиной того, что индоевропейцы в бронзовом веке так быстро распространились на огромных просторах Евразии. Они захватили господство почти везде, где был ход боевой колеснице.

Так что челябинскому танкостроению три с половиной тысячи лет.

Страна Городов

И магнитки бронзового века, и первые боевые колесницы, и уникальное для своего времени градостроительство, сопоставимое лишь с древнейшими очагами цивилизации в долине Нила и Двуречья, — это все челябинская Страна Городов, обозначенная как синташтинская — по первому изученному городу на речке Синташте.

Она располагалась на юге Челябинской области и оренбургском пограничье. Обнаружено уже более двадцати укрепленных городищ. Все они удивительно схожи меж собой. Обнесены кольцом, овалом или квадратом стен

(Продолжение. Начало см. в № № 2, 9 за 1996 г.)

и ров, плотно, по особому плану застроены. В центре обязательна площадь. Одна-две улицы вокругую замощены бревнами, под ними ливневка и стоки из бытовой канализации. В домах (это скорее квартиры — этакий одноэтажный дом на 10-30 “квартир”) — колодцы, кладовые, кухни с очагами и застольем, спальни. Смотрите, сколько удобств. Общая площадь каждой “квартиры” 100-180 кв.м. Судя по всему, они были родовые, спальни по числу семей, а всего на 60-70 родичей. При каждой “квартире” хоздворик и мастерская — лепили посуду, ткали, шили одежду, столярничали и собирали колесницы, много было металлостов- бронзоваров, кузнецов и литейщиков. Скот горожане не держали. Город был центром сельской округи из нескольких деревень, где разводили скотину, сеяли злаки. Найдены даже следы орошения.

Думается, список Страны Городов еще пополнится, хотя немало поселений стерто или деформировано позднейшей хозяйственной деятельностью. Полностью уцелел, пожалуй, лишь Аркаим.

Утверждают, что первыми на челябинскую Страну Городов обратили внимание американцы, когда начали запускать космических шпионов. Можно представить, как отвисли челюсти у дешифровщиков космических снимков, когда на их столы легла съемка наших мест.

Говорят, с фоном на Аркаиме неладно. Работается здесь всегда с настроением, тонус высок. Уж не подпитка ли космической энергией? Но если долго работать, — уматываешься, свету белому не рад.

Говорят, геофизики на Аркаиме обнаружили аномалии. Вроде как энергия в развалинах законсервирована. Начнешь рас-

копки, исчезает, вроде как в лопату уходит.

Говорят, стоит Аркаим как бы на песчаном “острове”, а формой похож на бабочку. Такие же “острова-бабочки” — под древними городами Ближнего Востока.

Говорят, что... Да разве все перечислишь, что говорят и во что верят в Аркаиме! Паломники всех мастей ныне идут со всего света.

Уже есть аркаимологи (в их числе помимо археологов и вещателей — ботаники, климатологи, геологи, астрономы...). Они считают Аркаим древней обсерваторией не менее масштабной, чем знаменитый Стоунхедж. Вся и разница лишь в том, что “англичанин” из камня, а потому неплохо сохранился. А от деревянно-земляного Аркаима остались лишь следы. Форма же, размеры, широтное расположение почти одинаковы.

Возможно, что на месте Аркаима в более древние времена (за тысячелетия до города — закат каменного века) находилась обсерватория. В то время они были разбросаны по всей Евразии — от Британских островов до азиатских глубин. К юго-востоку от городища обнаружены следы выходящих из-под него рядов лунок. Они тянутся метров на 160 и ориентированы на точку захода самой “низкой” зимней Луны (такое случается раз в девять лет). Это следы лунной обсерватории.

Таинственную третью стену относят к солнечной обсерватории, контуры которой — “остров-бабочка”. На горизонте Аркаима специальными площадками-насыпями обозначены точки восхода и захода Солнца и Луны в определенные дни года — солнороты, равноденствие и т.д. Аркаимский меридиан южным концом упирается в длинный лог. Со стен городища (по подсчетам, около пяти метров высоты) как мушка через прицел видна была меж-

горками гора Чека — Эверест аркаимской округи. Словом, в аркаимской долине очень удобно вести наблюдения за небесными светилами, и следов этих наблюдений найдено предостаточно. Строители Аркаима зафиксировали широту центра площади, азимут точки восхода солнца в летнее солнцестояние и вообще 18 определенных положений светил.

Кое-кто из аркаимологов считает, что число жилищ во внешнем и внутреннем кольцах городища не случайно — 28 и 12. Может, это “градусы” на кругах аркаимской обсерватории, необходимые для точной фиксации светил на небосклоне? Внутренний круг мог быть универсальной солнечно-лунной обсерваторией.

Ученые считают: во всем, что оставил древний человек после себя, нет ничего случайного. И особенно в таких монолитных, построенных по единому замыслу и “единым залпом”, сложных сооружениях, как Аркаим. Может быть, это модель мира в понимании наших древних земляков. Они ведь и в жилье, и в захоронениях моделировали его. Круг стен — это небесное начало, мир; квадратная площадь-святилище в центре — начало земное. Площадь и входы — настоящий и три ложных — ориентированы по странам света. Это было для древних столь важно, что каждая страна имела своего бога.

Такая же идея прослеживается в планировке городов древних цивилизаций — ровесников Аркаима на Ближнем Востоке, Балканах, в Афганистане и Средней Азии. Аркаим именуют дедушкой Трои (старше на тысячу лет) — имеется в виду гомеровская Троя “Илиады”. А ровесницей его является городище более древнее, так называемая Троя-6. Так вот они близки по образу и подобию.

Ольга Шербинина

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Рассказ

В углу над столом прошелестело, стукнуло и покатилося. Нечто. Так бывает по ночам. Когда не сплю. Последнее время я часто не могу заснуть. Кто бы мог спать спокойно на моем месте? Но сегодня бессонница особенная: постель жесткая, ладони легки и горячи, глаза полны сухого блеска, а мысли той резкой ясности, какая любому образу придает живость действительности. В углу и шелестит, и стучит — постукивает тихонько, едва различимо, и томит, томит... Томит. У края сдвинутой шторы блестит звезда в окне. Большая голубая звезда. Или, скорее, зеленая. Названия звезды я не знаю. Все нет времени посмотреть в звездный атлас, да атлас еще поди-ка сыщи. У нас почти нет звездных атласов и не водятся планетариев. Почему у нас не строят планетарии? Это ужасно! Я не могу, мне негде узнать название звезды, которая ежедневно, вернее, еженощно смотрит в мое собственное окно! Я обязательно перед сном отодвигаю край шторы и смотрю на мою звезду. Тогда становится легче. Края окружающего мира раздвигаются необозримо, и ты становишься крохотной песчинкой, ну а раз ты такой маленький, и горе твое сжимается. А может, оно не сжимается, а наоборот, как бы размывается, распределяясь на всю огромную площадь необозримого пространства, и смягчается от этого, разрезается...

Но сейчас я хочу решить нечто важное для себя, ужасно важное. Сейчас, вот здесь, на этом вот крохотном, ограниченном пространстве, м о е м пространстве. Я встаю и задвигаю штору до упора, так что уже не отблескивает никель кровати — старомодной двуспальной кровати, где мы спали с Соней. А теперь сплю я один. Теперь в моей комнате ничего мне не видно, хотя я легко угадываю в темноте все ее старые вещи: широкий добротный стол, четыре мягких сту-

ла, Гришину кроватьку в другом углу, дубовую горку, старинную — но не с посудой, а с рукописями и еще с папками, где слежались рисунки Сони; кургузую тумбочку с телефоном. Телефона сейчас не видно, он не вписывается в пейзаж ночной комнаты, но тумбочка обозначена сгущением темноты. Да, определенно темнота там гуще, плотнее. Это оттуда идут какие-то неясные ночные шелесты и скрипы, а полоска света от шторы струится и дрожит. В темноте она не такая надоевшие-обыденная, моя однокомнатная квартира, в которой я прожил десять лет: пять лет с Соней и почти столько же с Соней и Гришей. Да, ему уже исполнится пять в конце месяца.

Тихий вздох проносится от детской кровати, через всю комнату летит ко мне. Гриша занемог с вечера. Температура. Допоздна я писал рассказ, тщетно пытаюсь заглушить тревогу; но сквозь выводимые машинально строки проступали мысли о Соне. Ее последних минутах, беспомощном лице со страдальчески приподнятыми бровями и шумным, со свистом, дыханием — трудно было поверить, что это дышит маленькая, хрупкая Соня. В первые дни после ее смерти ужас все заглушал и отвлекал от вороха родительских забот, которые теперь свалились разом. Я ничего не успеваю. Абсолютно ничего. Даже самое насущное, необходимое. Вот и рассказ мусолом уже чуть не неделю, наперекор обстоятельствам, лишь бы доказать кому-то, что не собираюсь смиряться. Отказаться от того, ради чего всю юность голодал и холодал?! Сохраняя себя, свое время, свои силы для главного в жизни. Для творчества. Теперь бы наверняка настроил докторскую, как Базилевич... А она плакала, она упрекала... она недоедала даже беременная... Бедная моя девочка, маленькая, замученная девочка... Да-да, врожденная болезнь, конечно, и

все же... Если бы я тогда **знал**, чем это кончится? Повторил бы я все сначала? Или сдался бы жизни, пошел у нее на поводу, растратил себя на потребу дня? О, она кровожадная — жизнь! Она питается мясом и кровью. Вегетарианство — чистейшая утопия. Сколько ни набиваю картошкой свою утробу — все мало, хоть в июле такая сладкая картошка. Все мало. **Жрать. Жрать-жрать-жрать!** Господи, да зачем же ты **так-то** вот сотворил человека? Мало того, что этот постоянный обмен живого в природе, что мы присваиваем элементы чужих организмов — растений, минералов — но ведь подавай еще и убоину, свежую, с кровью убоину! Б-р-р-р!

...Опять прерывистый вздох. Он тяжело дышит, сыночек. Утром сразу, как рассветет, вызову врача. Надо вернуть радио, встану по гимна и позвоною в поликлинику...

Я давно уже перестал насильно закрывать веки — и теперь во все глаза смотрю в угол, только в темный угол. Никаких звезд, комната задраена наглухо. Здесь и сейчас я должен, должен, должен! — решить вопрос, который неясно вызревает то ли внутри меня, то ли вовне... И угол этот, с невидимым телефоном — только этот единственный мой предмет цивилизации не вписывается в ночной пейзаж — угол уже давно, кажется, с той самой минуты, как только вечером я выключил свет, — томит, и мучит, и искушает неясным вопрошанием, мрачным и насмешливым в одно и то же время.

...Ну что ты дрожишь и переливаешься тьмой, мрачный стукот ночи? Ты, порождение моей боли, моих тревог, моего горя! Ты, враг света и звезд, сшибатель пыльных углов, поглотитель расстояний (не для того ли ты глотаешь телефоны и освоил телевидение?). Ну что ты хочешь вымолвить мне, помеха человечества? Ехидна, ведь ты... нет, не хочу произнести, как люди назвали тебя от века, хотя имени тебе — нет. Что? Говори, наконец! Боль обручем сдавила виски. Хочешь ли ты спросить о Соне? Любил ли я Соню? Безумно! Любил. Как страшно это слово в прошедшем времени — лю-бил... Это слово произносимо только в настоящем, да-да, если его произносят в прошедшем —лю-бил — значит, лукавят с собой: значит, еще любят... Да, я люблю ее, свою маленькую жену... Все разгадано? Ах, все кончено с нею без разгадки? Ты теперь целишься на... Что-о-о? Кошунство! Да как можно такое... Ну не кривляйся, скажи отдельно и четко, сформулируй твое вопрошание. Я слушаю внимательно!

— Что... ты... выбираешь? Творчество-или-ребенка? — вот тайная мысль, что искушала меня всю эту первую, бессонную половинку ночи. Или не только этой ночи?..

— Но как ты смеешь задавать подобные вопросы?! Ты, рога носец и копыто носец?

— Вопрос сугубо теоретический...

— Это не отговорка! Все равно: жестокая и глупая дилемма! Только мне, с моей потребностью обострять всякую мысль до последней, невыносимой точки, осмелились ее предложить.

Боль вмиг отпустила, голова горит. Дыхание ребенка струится теперь тихими волнами и бесконечно длит минуту. Представляю на секунду, что у меня нет Гриши. Вообще нет его на свете. Сразу ощущаю, будто лечу в пропасть — внизу живота и в ступнях ног щекотно замирает. В то же время мои исписанные мелким скачущим почерком листки рассказа, вроде воздушных шаров, плывут в высь, в безвоздушное холодное небо абстракций. Шары. Или скорее мыльные пузыри. Чем выше поднимаются — тем скорее задохнутся и лопнут.

— В безвоздушном пространстве человеку можно очутиться только в скафандре... — начинаю я, но замолкаю. Потому что насмешливое покряхтывание и возня ночного посетителя в углу, его витийственная, издевательская пауза убеждают меня, что он и так **все знает**. Но при этом, возясь и постукивая, он повторяет вопрос:

— Ребенок или творчество?

— Сын! Сын! Гриша! — мысленно крикнул я заугольной сущности, и мне показалось, что в темноте я различаю его наглуго кривую ухмылку.

— Да, сын! Но и творчество тоже! Ты не подлавливай! Тут явная подтасовка, неверная логическая посылка: одно вовсе не исключает другого. Больше того, я тебе скажу: одно не может существовать без другого. Ну что ты хохочешь, беззвездная сущность? Что ты знаешь о вдохновении? Об экстазе, когда весь мир, весь мир... Нет, с чего ты взял, что нужно сделать выбор: жизнь или творчество? Конечно, если принимать жизнь слишком всерьез — тогда вроде бы невозможно, просто нельзя никак писать рассказы. Тогда это вот описывание своего состояния, это размазывание его по тарелке перед всем миром напоказ — сродни кошунству. Или мании. Или игре. Или шутке. Или сумасшествию. Что, впрочем, близко. Все это близко. Мы все, пишущие, рисующие — мы попросту не выросшие дети. Взрослый человек не станет ничем

таким заниматься. Ты все презрительно кри-
вишься, беззвездное существо? Думаешь, я оп-
равдываюсь перед тобой? Вот я опишу тебя сей-
час, как ты дрожишь и переливаешься тьмою в
своем углу, колеблешься меж явью и сном...
усмехаешься высокомерно своему нечеловечес-
кому знанию... Я опишу... Я тоже знаю!

Тело было сухим, легким и горячим, очень
легким, почти невесомым. Голова ясная, нео-
бычайно. На глазах закипали слезы.

И вдруг я понял — еще миг — и я перешагну
грань. Увижу картину целого, какую человек
обычно не в силах охватить, подобно тому как
пчела не видит того, чью руку жалит. Нетерпе-
ние меня охватило. По-настоящему, за все дол-
гие дни страданий. Я вскочил и, бесшумно под-
бежав к спящему Грише, потянулся рукой к
полке над кроватью, где, готовый служить в
любое время дня и ночи, лежит всегда моя руч-
ка-карандаш. Любимая, с тонким черным стер-
жем, одноразовая, с надписью “гранд-отель”.
Скорее! Весь мой будущий рассказ — настоя-
щий, а не вымученный — весь целиком, от
первого до последнего слова — с Соней, ее бес-
помощно приподнятыми бровями, со звездой
за окном и неясной беззвездной сущностью в
углу, с тысячью других вещей, которые все
сейчас к моим услугам, жмутся послушно к
моим ногам, весь мой рассказ, детище моей
души — я видел ясно внутренним зрением.
Слышал его нервный, сбивчивый ритм, с этим
фоном таинственных шипящих “ш” и “щ”, и
сумеречно вспыхивающим серебристым светом
“ч”, ночным звуком “ч” — ночь — и на этом
фоне, зыбучем и волнующем, всплески “л” и
“р”, неотвратимые, как прибой... я его слы-
шал, и в то же время видел все ворсинки на
бумаге под буквами... Скорее! Мой карандаш!
Стило! Но карандаша не было. Лихорадочно я
обшарил полку — пусто.

Несказанное томление нарастает. Вот-вот я
ухвачу нечто не выразимое словами, тайну, хотя
бы ее бледный отблеск, подобный тому, что се-
ребрит спинку Гришиной кровати — я сам не
заметил, когда снова отодвинул штору, чтобы
немного осветить комнату. Но только не элект-
ричество! Спугнуть электричеством сказочную
гостью, мою Жар-птицу? Ни за что!

Я совсем забыл, что не жар-птица посетила
меня этой ночью. Душная тьма в углу, над тум-
бочкой, пошевелилась, заколыхалась.

— А, так это твои затеи мне назло, враг твор-
чества!

— Напротив: друг, друг творчества! Настоя-
щий друг. Единственный друг. Враг жизни —
может быть. Но друг творчества. Поиска, рис-
ка, исканий... Вспомни Фауста. Заклучивший
со мною союз способен творить чудеса. Даже
святые — еще не известно, чьими ухищрения-
ми творили они чудеса.

— Так ты богохульствовать!

— ...Какими силами они творили чудеса.
Посланник... гм-гм... сыго... отрицался чудес,
как это отлично известно, и творил их тайно,
прося о неразглашении.

— Куда ты дел карандаш, проклятый? Ка-
ран-даш!

— Коня, коня, полцарства за коня! А если я
тебе сейчас подкину твоё средство передвиже-
ния, или, точнее, средство производства — что
мне за это будет?

— Какую гнусность ты мне хочешь предло-
жить, торгаш?

— Я всего лишь скромный теоретик. И что за
гнусность в самом деле — решить, что для тебя
важнее: дитя твоей плоти или дитя твоей души?

— Карандаш! Карандаш! Карандаш!

— Хорошо. Я тебе отдам твой карандаш. Толь-
ко признай сначала: я не такой злодей, каким
меня изображают. В порядке неостановимости,
вездесущности разума — мой вопрос правоме-
рен. В уме его задает каждый, кто пытается за-
ниматься творческим трудом.

— В уме; да, два пишем, три в уме...

— Мысль нельзя остановить, она, несмотря
ни на какие запреты и увещания, идет до логи-
ческого конца. Даже если это приводит к абсур-
ду. Не так ли и маркиз де Сад в свое время, а в
новейшее время великолепнейший, наисовремен-
нейший господин Владимир Сорокин, ваш со-
отечественник...

— Да уж, конечно, мысль обшарит все углы
и закоулки! Именно, именно углы и закоулки!
Отлично сказано.

— Ка-ран-даш! Немедленно! Я больше не жду
ни секунды!

Ярость мной овладела. Очутившись возле
горки, горячими пальцами я пробежал по вер-
хней полке, отшвырнул паспорт, прошуршал
неоплаченными квартирными квитанциями,
пролил одеколон. Карандаша на полке не было.
С каким-то непонятным злорадством я убедил-
ся, что нет также ни одной из припасенных
пузатых самописок, хотя я их не люблю. Сей-
час я бы писал и углем, да чем угодно, лишь
бы след по бумаге. Тогда бы я выбежал на кух-

ню и при тусклом свете кухонной голой, без абажура, лампочки, принялся строчить, сдвинув чашки одним движением руки. Но и ручки все исчезли!

Сидя на корточках, выкидываю на пол картонные папки. За ними в углах ничего нет. Теперь я атакую книжный шкаф. Я совсем распался, книги так и летают в бледном предутреннем свете, будто большие птицы, распластав тяжелые крылья, керамическая безделушка катится, дробно стуча об пол.

Возбуждение, перевалив пик, начинает утомляться. Стиснув последний оставшийся том, перевожу дух. Все кончено. Рассказ, до той минуты виденный мною до единой детали, до буквы в уголке листа в идущей наискось последней торопливой строке — рассказ начинает тускнеть. Слова остывают, фразы рассыпаются. Пытаюсь ухватить за хвост один, другой пылающий эпигет, но он тут же обращается в пепел...

Нет, все еще можно спасти! Если вот сейчас, в эту секунду, прикоснуться к прохладному ребристому карандашу и ощутить его плотный бег по бумаге... Жажда писать, неистребимая, как потребность дыхания, отдалась во мне болезненным толчком — и все стало быстро гаснуть. Я понял, что сейчас навсегда потеряю свое творение. Единственное. Неповторимое. С бессильной мольбой повернулся я в угол, где ночной гость

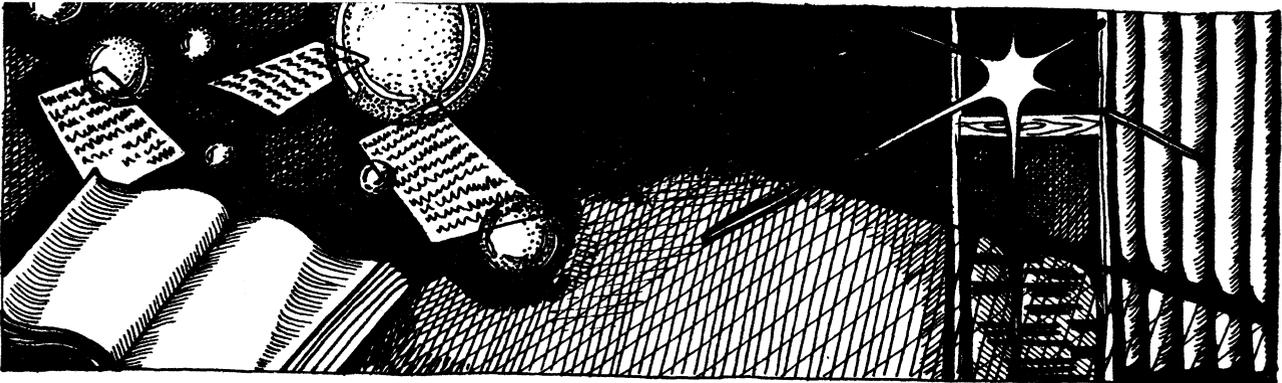
тихо линял, бледнея. Далеко отбросив тяжелый том, я протянул к нему похолодевшую и уже вялую, дряблую, замерзшую руку:

— Не уходи. Я признаю, что твой вопрос законен. Но теоретически. Только теоретически. Понял?

Он громко захохотал, исчезая, и в то же время застонал в кровати ребенок. Я вскрикнул и прыгнул к настольной лампе, мгновенно щелкнув выключателем. Рядом с настольной лампой в углу стола лежал мой черный карандаш "гранд-отель". Я подскочил к постели сына, где кротко светилась, озаряя комнату, светловолосая головка. Гриша лежал навзничь, раскинув ручки, его розовый ротик полураскрыт. Огромный зеленый том Даля, распустив коленкоровые крылья, запутался и повис в деревянных рейках детской кровати. Тонкая струйка... слюны, слава Богу, слюны, сбегала изо рта на батистовую подушку с кружевами — эту наволочку Сонечка сшила еще беременная. В шелковистых волосах сына застряла тухлявая крошка картонного переплета.

Без памяти я прильнул губами к виску, груди, опять к лицу сына. Потом поднял глаза к небу. Мне подмигнула ушедшая далеко на запад моя звезда. Гриша вздохнул, перевернулся на бок и улыбнулся во сне.

1970 г.

ВОШЬ

Виктор
Магарламов

— ...грязная, пьяная, язык заплетается, ноги не держат. Сбросила шубу с плеч. За бутылку, говорит, отдам.

— А шуба хорошая?

— А шуба хорошая. Такую на пенсию не купишь. Дала ей бутылку. Обрадовалась, дуриха, убежала, а я шубу примерила, к зеркалу подошла — и вдруг... Смотрю и глазам не верю: вошь!

1

О том, что его бросила жена, дядя Коля узнал после того, как сломался телевизор.

Оставила в холодильнике записку «НАША ВСТРЕЧА БЫЛА ОШИБКОЙ» и с любовником и чемоданом, от Ключевской сопки и Авачинской бухты, от прокуренных стен и наглых тараканов, уехала в Алапаевск.

Или не в Алапаевск. Главное — как можно дальше от зеленого дивана и черно-белого телевизора, от человека, который калечит судьбы и изматывает нервы.

От дяди Коли.

2

Офицер ракетных войск в запасе, награжденный юбилейной медалью, дядя Коля работал электриком на пивобезалкогольном. Как офицер, он уважал турник, кефир и строевую подготовку. Как электрик презирал начальство и министерство здравоохранения.

Когда у дяди Коли портилось настроение, он спускался в подвал. В подвале от семьи и школы прятались хулиганы. Дядя Коля не боялся хулиганов. У него были сильные руки. Он хмурил брови, говорил Слово, и хулиганы тушили папиросы, собирали металлолом и писали стихи.

Когда настроение было хорошим, соседи дяди Коли вызывали милицию. Милиционеры приезжали через пятнадцать минут. Дядя Коля не боялся милиции. У него была крепкая шея. Он хмурил брови, говорил Слово, и милиционеры доставали дубинки, били в живот и писали «ПО МЕСТУ РАБОТЫ».

Настроение дяди Коли зависело от количества выпитых литров.

3

Жена сбежала в четверг, телевизор сломался в пятницу, а в субботу шел снег. За окном падали снежинки, по радио передавали концерт «ПО ЗАЯВКАМ». Ребятишки во дворе катались на санках. Василич, с первого этажа, опохмелялся...

Услышав звонок в прихожей, дядя Коля отложил паяльник, почесал живот и открыл дверь. На пороге стояла незнакомка. Одетая не по сезону, в тапочках на босу ногу, в халате поверх сорочки, она прикрывала ладошкой синяк под глазом и дрожала от холода.

— Зима, — подумал дядя Коля, — замерзла.

Он провел ее в кухню, усадил на табурет и, смахнув со стола окурки и тараканов, достал их холодильник пива...

После первой бутылки незнакомка с опухшим лицом и растрепанной прической перестала дрожать и попросила стакан. После второй дядя Коля узнал, что живет она в соседнем подъезде, с подлеем таксистом и без счастья...

— Синяк поставил, а разве об этом я мечтала?!

4

Она мечтала о настоящем мужчине, с крепкой шеей и сильными руками. О таком, который не боялся бы ни милиции, ни хулиганов, но мечты остались мечтами. Таксист бьет, дети просят велосипед, скоро тридцать — и даже шубы нет, чтобы ни холодно было.

— А у меня телевизор сломался, — вздохнул дядя Коля.

По стене пробежал таракан. Незнакомка шмыгнула носом, дядя Коля нахмурил брови.

— Не вернусь! — воскликнула незнакомка, обреченно взмахнув руками. — Под забором подышать буду, но не вернусь!

— Отставить под забором! — скомандовал дядя Коля. — У меня диван есть. Зеленый.

5

Трое суток скрипели пружины зеленого дивана. Трое суток хулиганы не собирали металлолом. Трое суток соседи не вызывали милицию. А на четвертые она вернулась к таксисту.

Оставшись один, дядя Коля расправил мятую простынь, заглянул в пустые бутылки, почесал живот, и ему стало грустно. Так грустно, что хоть в запой, хоть на работу — все одно: телевизор сломался, жена сбежала. Только и осталось: медаль да паяльник...

«А что синяк под глазом, так это пройдет. А что дети — места хватит», — подумал дядя Коля и на душе стало легче.

Натянув носки и галстук, дядя Коля взял медаль и паяльник, сменил их дворничихе Тamarке на полбанки и зашел в соседний подъезд.

6

Таксист был на работе, дети гуляли, а она чихала под одеялом и сморкалась в платок. В комнате пахло простудой, таблетками и бензином. Дядя Коля наполнил стаканы и сказал:

— Я куплю тебе шубу, детям велосипед, а...

— А таксист?!

— Отставить таксиста! — скомандовал дядя Коля и взял ее сильными руками, вместе с подушкой и одеялом, а она обхватила его крепкую шею, и он перенес ее из одного подъезда в другой, уронив лишь один раз, в прихожей...

...ПРОПАЛА ШУБА.

Ведущий рубрики Максим ШИШКИН

НОЧЬ В ТАИНСТВЕННОМ ЛЕСУ

чудеса продолжают

Изучая проблему НЛО и аномальных явлений с 1989 года, когда в СМИ было снято официальное «табу» на уфологическую информацию, я заинтересовался и информацией о т.н. «Пермской аномальной зоне» (ПАЗ). К 1991 году я собрал достаточно богатый архив материалов об этом загадочном уголке природы, чтобы организовать туда экспедицию местных уфологов, дабы взглянуть на эту явную, по рассказам других, аномалию своими глазами и, по возможности, попытаться исследовать ее.

Эта экспедиция состоялась в августе 1991 года и ознаменовалась довольно-таки странными событиями, участником которых я стал.

В дальнейшем мои экспедиции носили научно-исследовательский характер. Совместно с геологами мы изучали местность и электромагнитные аномалии на территории ПАЗ и села Молебка, вместе с психотерапевтом — людей, ее посещающих, вместе с фотоаппаратом проводили фотосъемку в разных режимах... Так или иначе, рассмотренные нами гипотезы относительно возможного земного происхождения аномалий в ПАЗ потерпели поражение, и чем больше я сталкивался с этими аномалиями, тем больше вопросов у меня возникало, и тем больше загадок окутывали туманом истину, скрывая ее. Предпоследняя моя поездка, которая состоялась в начале августа 1995 года, перевернула с ног на голову все мои сомнения относительно неординарности этого места (см. очерк «Магия М-ского леса» в «УС» № 3-6 за 1996 г.).

В 1996 году, не долго собираясь, я снова махнул в «Зону». Не сказать, чтобы эта поездка была для меня обыденной, однако ночь, одна-единственная ночь, проведенная в этом, мягко сказать — странном лесу, включила в себя все мои впечатления от этой поездки. Почти все, ибо травиться болотной водой мне еще не приходилось. Но это к ночи не относится...

9 июля, около полуночи мы с коллегой присоединились к дружной компании ребят из Самары и Неф-

текамска, стоявшей базовым лагерем в «Долине ужасов». Уха была сытной, щука — вкусной, кофе — домашним, и все это вкупе так меня разморило, что я решил сытым взором оглядеть окрестности. С реки давно начал подниматься туман, сейчас он уже скрывал деревья на противоположном берегу Сылвы. Солнце недавно село где-то в верховьях реки, но небо оставило светлым; белые ночи в «Зоне» выглядят совсем по-особому. Ребята снимали на видеокамеру красивейшее явление — закат. Заходящее в тумане «в реку» оранжево-красное солнце освещало пылинки воды розовым.

Утром ребята уезжают домой. Однако прислушавшись к разговору, я понял, что речь идет совсем о другом.

— Максим, зачем тебе эта палка? Там, в лесу, настоящий посох лежит, метра четыре длиной и с головой орла, вырезанной на ручке...

Через минуту, несмотря на мокрую траву и кусты, я мчал по тропинке через лес. Примерно через километр я увидел его. Древесина была очень старой, повидавшей и жару, и мороз. Посох лежал поперек тропинки; глянув на ручку, я увидел грубую работу: со стороны она действительно напоминала птичью голову. Длинной посох был около трех с половиной метров. Продольные трещины подтверждали мою догадку о его возрасте. Эта находка и положила начало всем странностям этой ночи.

Я взял посох в руку. Это явно был не мой размерчик: почти в два раза выше меня, он скорее мешал передвижению в лесу, чем помогал отряхивать воду с кустов, росших около тропинки.

Обстановка располагала. Мы расселись за столом, под тентом и начали, как говорится, разговоры разговаривать. Время текло незаметно, ребята потихоньку отходили ко сну...

Странное дело. Раньше Молебка жила отчужденно от других деревень. Местное крестьянство было зажи-

точным. Молебкинцы всегда работали в первую очередь на себя. Живя как бы в своем мире, они все делают по старинке: дома и сейчас строятся по старому образцу, окна в них расположены высоко. Когда хотели строить железную дорогу в сторону Свердловска в трех километрах от деревни, деды строго отказали. Вскоре многие переехали в Шамары, в Шалю, остались только «оседлые». Живут особняком, за счет совхоза, охотятся, добывают пушнину. На приезжих смотрят как на явно чужих. Сталкеров «Зоны» называют «инопланетянами»...

шин неровной формы «украшали» полуметровую траву поляны.

— Встань в нее, — предложил Рашид.

«В конце концов, хоть мокрой травы нет», — рассудительно подумал я и ступил на проплешины...

В 1993 году была закончена обработка результатов анализов проб почвы из различных «подозрительных» мест «М-ского треугольника». Спектрально определялся целый ряд химических элементов: цветные и породообразующие металлы, фосфор и т.д. Центральная лаборатория ПГО «Уралгеология» (Уральск-

«Вывал» напоминает по форме крылья бабочки. Поломанные на высоте 3-4 метров и скрученные страшной силой деревья расположены веером к эпицентру (из архива автора).

В 3 часа ночи ко мне подошел Рашид.

— Хочешь пойти на «Поляну Юриса»? — предложил он.

— Что за поляна, почему не знаю? И что там особенного? — поинтересовался я.

— Увидишь, — ответил Рашид, посветив фонарем.

Костер догорал. Одевшись потеплее и взяв фотоаппарат и палки, чтобы стряхивать воду с кустов в лесу, мы пошли за ним.

«Поляна Юриса» находится выше «Поля чудес». Тропа идет через лес, в горку. Мой коллега тихо ругается: в своих кроссовках он одет явно не для местных луж и мокрой травы. Наконец впереди виден просвет. Выбравшись из кустов, мы по голову скрылись в тумане. На часах — 3 часа 25 минут. Рашид останавливается и светит фонарем под ноги. Подходим.

— Что это?

Белая ночь позволяла нам оглядеться. Десятки пропле-

кая геологическая опытно-методическая экспедиция), проводившая анализы, сделала вывод: по отдельным элементам содержания близки к обычным величинам в почвах, а за редким исключением — к кларкам при сравнении с содержаниями в рудоносных почвах, исключая несколько повышенные содержания хрома в пробе 9 (соответствующей гряде земли в конце странного углубления, обнаруженного нами на «Поляне Юриса» в 1992 г.), а также марганца в пробе 1 (соответствует участку «Космодрома», собрана в 1991 г.), которые могут быть объяснены естественными ландшафтно-геологическими изменениями. Необычных геохимических аномалий в почвах не обнаружено...

И действительно: что мы надеялись найти? Ртутное месторождение, чтобы с легкой руки назвать глюками наблюдения и впечатления сотен и сотен людей? Следы токсичных газов, таких, как углеводороды, фтор, отличающихся т.н. психотропным

действием и вытекающими отсюда психическими расстройствами?..

Странное ощущение постепенно начало окутывать меня, и я снова вышел на мокрую траву. Слева виднелись березы.

— Там была стоянка Юриса, физика из Прибалтики, — пояснил Рашид и направился к березам. Мы двинулись следом. Через минуту я был вознагражден за усердие и сидел, попыхивая сигаретой, на невысоком камне. Отсюда открывался великолепный вид...

Там, откуда мы вышли, была низина, и туман наполнял ее, медленно двигаясь, создавая впечатлительные снующих туда-сюда фигур. Поляна была вытянутой, выше тоже был туман. Он стелился по земле, надвигался, отступал, и все это в крошечной, давящей тишине, при свете растущего месяца, время от времени закрываемого облаками.

— Час быка наступает, — заметил Рашид. Где-то, как бы в подтверждение, громко вскрикнул одинокий сверчок. Мы вышли на середину поляны, оставив позади березы. Рашид закурил и отдал мне фонарь. Фонарь был большой, обтянутый резиной. Я нажал на кнопку и осветил на лес перед нами. Не успел я выключить фонарь, как в ту же секунду над лесом вспыхнула вертикальная светящаяся полоса, размером с указательный палец, словно перст Божий, указующий на землю.

— Видел? — почему-то шепотом спросил Рашид.

— Видел, — ответил я ему так же и медленно огляделся. Было 3 часа 32 минуты...

«...На поверхности земли прямо перед нами стали появляться светящиеся молочно-белые «змеи», имеющие длину до десятка метров, а ширину — до сорока сантиметров, — рассказывал мне когда-то А.Б. Диченко, кандидат физико-математических наук, побывавший в «М-ском треугольнике» в 1989 году. — Они то появлялись, то исчезали. Затем приблизительно в 15 метрах от нас стали появляться различные светящиеся образования, напоминающие сложные геометрические фигуры (одна из них производила впечатление параллелограмма). Все они висели, не двигаясь, то

появляясь, то медленно исчезая. На месте исчезнувших через некоторое время появлялись новые образования. Все они находились на высоте до одного метра над поверхностью земли и были молочно-белого с голубым оттенком цвета...»

Их фотографировали... Если зафиксированные на пленке светящиеся образования, имеющие время жизни до 1/16 секунды, можно с натяжкой принять за «всплывшую» низкотемпературную плазму, время существования которой чрезвычайно мало (по Е. Протасевичу, г. Томск, во влажном воздухе это время может достигать

0.5—5.0 секунд, тогда как в сухом воздухе это время равно 2-4 сотых секунды — данные лабораторных исследований, — *прим. авт.*), то настоящие наблюдения никоим образом не коррелируются с вышеприведенной версией.

Что же это тогда? Галлюцинации? Абсолютно одинаковые в деталях? Коллективные? У независимых людей?.. И все предрасположены к ним? У всех одинаковая восприимчивость? Сомнительно. Более чем... Тогда что? Живо воображение? Само-

«Дом Минотавра», он же «Выселки», он же «Дом Хозяина Зоны». Снимок 1990 года (из архива автора).

внушение, подстегнутое естественным стремлением к загадочному и непознанному? Не все так просто. Предположим, что некоторые световые эффекты, наблюдавшиеся когда-либо в «Зоне», можно объяснить возникновением долгоживущих плазменных образований, появляющихся благодаря тому региональному тектоническому разрыву, что проходит под землей в тех местах; то с подобными наблюдениями все гораздо сложнее, если верить показаниям очевидцев, а в этом сомневаться не приходится: ученый мир не привык добросовестно врать, а ведь свидетелями происшедшего были серьезные научные работники.

Тишина давила, стелющийся туман поглощал все звуки, он все так же медленно двигался с двух сторон от нас. Эхо было, как в замкнутом пространстве. Мы вернулись на старую стоянку Юриса, я снова уселся на камень, достал фотоаппарат и сделал несколько снимков. Что-то не давало мне покоя. Казалось, будто сзади, из леса, из-за берез кто-то внимательно смотрит, изучая... Я покосился на своего спутника: он периоди-

чески нервно оглядывался назад. Странно... *Четырехметровые черные фигуры...* Откуда такая мысль?

В 4 часа 10 минут мы двинулись в туман, обратно в лагерь. Шли быстро, не разговаривая...

...16 августа 1991 года, собравшись группой в 6 человек, мы изучали окрестности нашего лагеря. В 10 часов вечера, возвращаясь в лагерь, проходили мимо «Дома Минотавра». И вдруг случилось невообразимое — я узрел СУЩЕСТВО! Оно было не менее трех метров ростом и немного фосфоресцировало. Походило на человека, только очень большого, с крупной головой и без видимой шеи — я различал лишь фигуру; приходилось всматриваться. Первая мысль — это мужчина в белой куртке, которого мы встретили ранее. Вдруг раздался треск отрываемой доски. Мы остановились и стали решать, что нам делать. Чувствовался сильный, я бы даже сказал «животный» страх, стремление поскорее уйти из этого места. Один из «сенсов» сказал, что оттуда сейчас идет «сильная неблагоприятная энергетика», а ходить туда небезопасно. Но Слава, наш провожатый, все же пошел. Показалось, будто он идет не к дому, а куда-то в сторону, влево, в темноту... Вскоре Слава вернулся и сказал, что там никого нет. Все это время фигура двигалась слева от домика, меня же очень поражали ее размеры: голова возвышалась над основанием крыши, а руки что-то делали сверху. Снова раздался треск. Мы поспешили уйти оттуда...

В 4 часа 25 минут подходим к лагерю и уже слышим веселое *потрескивание костра*. Наверное, это ребята подбросили дров, раздули костер, знали, что мы идем...

— Пришли, разбудили. Чего шумели-то? — раздается сонный голос из палатки.

— Да мы вот только пришли... И не шумели вовсе...

Постепенно картина прояснилась. Примерно за полчаса до нашего прихода в лагере *раздались шаги*. Кто-то уронил шест, подпирающий одно из бревен для тента, шест упал на стол, загремела чья-то миска. Да и лежал шест на земле как-то странно, будто сделал кульбит в воздухе. Рядом с ним на земле оказалась бритва, хотя она лежала посреди стола. Один из трех смятых фантиков, недокинутых до костра, оказался развернутым и разглаженным. Однако лежащие на столе конфеты остались нетронутыми. В лагере слышались шаги, а в довершение всего — костер, тлеющие угли которого вспыхнули, как будто кто-то их разворошил и раздул, либо плеснул горячего. Мой спутник вспомнил, что в 3 часа ночи, перед уходом, слышал в лесу неподалеку сильный шорох. Мы же не обратили на это внимания.

Когда мы это обсуждали, в лесу, метрах в тридца-

ти, слышались шаги. Мы обернулись. *На высоте трех метров медленно, без покачиваний, опустилась и поднялась еловая ветвь*. Шаги удалились. При осмотре лагеря и ближнего леса в радиусе 30-40 метров никаких следов обнаружено не было...

«В Зоне мы имели возможность на своем опыте познакомиться с одной из ее достопримечательностей — «эффектом костра». Он заключается в том, что костер, в течение нескольких часов упорно не желающий разгораться, внезапно начинает бушевать, стоит лишь улечься спать в палатках; через несколько часов пламя так же внезапно утихает» (А.Пранис, А.Хакимов, г.Баку). Таких наблюдений десятки...

Наводят на размышления и другие необъяснимые явления. Думаю, каждый здравомыслящий ученый захотел бы взглянуть на светящееся круглое оранжевое пятно, метра полтора в диаметре, спокойно плавающее по пашне. И не секунды, как «плазма», а минуты!

А кто-то видит космические корабли инопланетян. Кто-то общается с «Высшим Разумом» и называет себя мессией. Да мало ли что? В лавине подобных фантазий сообщения о явлениях странных, непонятных теряются, лишаются своей неординарности, смешиваются с тем многообразием фальсификаций, захлестнувших одно время все СМИ мира.

В чем проблема «М-ского треугольника»? Эта проблема состоит в том, что всякий раз «Зона» показывает себя по-новому; проблема состоит в том, что человек бессилён что-либо понять, предпринять, противостоять, наконец, когда вплотную сталкивается с этими проявлениями (чего? разума?..), и, наконец, проблема состоит в том, что этот же самый человек не знает, с какой стороны следует подойти, чтобы решить все эти загадки, которые ему преподносит «Зона» на каждом шагу.

На следующий день мы сходили на «Космотром», познакомимся с воткинцами, с пермяками, с которыми я долго спорил о смысле жизни, и которые угостили меня болотной водой, но это уже другая история...

Словом, как бы то ни было, а загадки остаются. «М-ский треугольник» по-прежнему, с неиссякающей силой притягивает к себе все новые группы паломников, да и старые возвращаются туда, памятью о былых приключениях, «незабываемых острых ощущениях», сломя голову лезут на рожон, кладя на кон собственное здоровье, внушая себе и другим определенные «способности», собственную неповторимость и богоподобие, жажда, пусть — подсознательно, чтобы на них обратили внимание «высшие силы», и все за тем, чтобы оказаться потом у разбитого корыта...

ВЕТКА ВЕРЕСКА

Само собой разумеется, едва только сэр Вэлентайн Глэтинус объявил о совершеннолети своей единственной дочери Деборы, в поместье “Старый корень” нескончаемой вереницей потянулись женихи. По большей части это были юноши самых достойных и знатных родов Йоркшира, и сэр Вэлентайн с благодарностью принимал многочисленные богатые дары.

Всем без исключения благородным гостям счастливый отец отвечал одинаково:

— Я был безмерно рад видеть вас моим зятем, милорд! Но послушаем сначала, что скажет моя дочь...

Соискатели руки и сердца восхитительной Деборы один за другим уезжали восвояси с чем. Так шли годы.

Как-то дождливым вечером в ворота замка постучал бедный сосед Глэтинусов, сэр Илайджа Бенч.

Промокший до нитки юноша учтиво преподнес Деборе обыкновенную веточку вереска с мелкими фиолетовыми цветами.

— Ах, — порозовев от смущения, сказала вдруг красавица. — Мой дорогой отец, я согласна стать женой этого человека!

После ужина, когда отец и дочь остались в зале одни, сэр Вэлентайн, задумчиво покрывив ус, заметил:

— Станный, однако, подарок... И совсем уж неожиданный выбор, милая дочь!

— Ничуть! — горячо обняла сэра Вэлентайна Дебора. —

Сергей
Георгиев

Ничуть не странный выбор!

— Тропинка, что ведет от дома этого человека в наше поместье “Старый корень”, проходит через заросли вереска, — продолжил сэр Вэлентинус.

Ветка вереска

тайн. — Что стоило, не заботясь о приличиях, просто на ходу отломить одну из веток?!

— Сдается мне, все было совсем не так, — потупившись, возразила скромница Дебора. — Бедняга всю дорогу бережно нес свой скромный дар. Он долго и тщательно выбирал лучшую ветку на кусте, что растет перед окнами его спальни...

— Что ж, выглядит правдоподобно и даже романтично, — пожевал губами сэр Вэлентайн.

— А если куст вереска — единственная радость в жизни сэра Илайджи? — вновь заговорила Дебора. — Просыпаясь утром, он здоровается с ним, и благородное растение в ответ приветливо машет сэру Илайдже своими ветвями, шумит листьями!..

— Очень трогательно, — налил себе кружку эля сэр Вэлентайн.

— И вот, отправляясь свататься, юноша с болью в сердце срывает лучшую ветвь! То есть, всю красоту и прелесть, все свое богатство он принес мне! — закончила Дебора.

— Что ж, я верю, сердце не обманывает тебя, дочка, — растроганно прослезился сэр Вэлентайн Глэтинус. — Ведь страшно представить: какой-то оболтус явился ко мне с дурацкой веткой, а я вот просто так возьму да отдам ему взамен свою единственную дочь! Этак любой может нарвать венчик и...

— Нет, уже не любой, — трепетно остановила отца любящая дочь, снимая с полки толстый фолиант. — Вот полный список дворянских семей Йоркшира, папа! Все остальные женихи до единого у нас перебивались раньше...

ДЕЛИКАТЕС

Сэр Илайджа Бенч, эсквайр, устраивал ужин в честь своего тестя, сэра Вэлентайна Глэтинуса.

— Вот главный сюрприз этого вечера, — торжественно провозгласил почтенный Илайджа Бенч. — Дорогой тесть, вы можете вкушать знаменитейшего и несравненного сыру из Лимбурга!

Достойнейший Вэлентайн Глэтинус положил себе на тарелку кусочек деликатеса и принялся.

— По запаху и цвету я не сумел бы отличить эту диковину от нашего сыру, йоркширского, — признался он.

— От того, что подадут в

придорожных харчевнях ломовым извозчикам, — подтвердил сэр Илайджа. — По вкусу, кстати, тоже.

Эсквайры выпили по рюмке портвейну, переглянулись. Сэр Вэлентайн подмигнул сэру Илайджи и, понизив голос, произнес:

— Но ведь мы-то с вами, дорогой зять, доподлинно знаем, что именно этот сыр — из Лимбурга!

ПЧЕЛЫ

Две самые жаркие недели лета сэр Илайджа Бенч посвятил естествознанию.

— Во всем необходимо видеть реальную пользу, — объяснил он свои научные позиции любимому тестю, сэру Вэлентайну Глэтинусу. — Непозволительной беспечностью и бездарной тратой времени было бы с моей стороны просто так, в кресле под большим зонтом, сидеть посреди лужайки и безо всякого смысла наблюдать, как пчелы, жужжа, перелетают с цветка на цветок...

— Какой же смысл обрело ваше занятие, дорогой зять? — заинтересовался достойнейший пожилой эсквайр.

— Задавшись определенной целью, мне удалось постичь сокровеннейшие тайны медосбора и сделать кое-какие практические выводы, — скромно потупился сэр Илайджа.

— Выводы? — налил себе в рюмку портвейну сэр Вэлентайн.

— Я в подробностях изучил поведение пчелы, — отвечал сэр Илайджа Бенч. — И вот главный вывод: мне бы так не суметь.

ФАЙВ О,КЛОК

Сэр Илайджа Бенч, эсквайр, со своим тестем, достопочтенным Вэлентайном Глэтинусом, вдвоем отправились в деловую поездку по Франции.

В Нанте господу облюбовали отель, выходявший окнами на ратушную площадь.

— Сдается мне, близится время пятичасового чая, файв о,клок, — заметил сэр Илайджа Бенч, распаковывая чемоданы.

— Не могу с вами не согласиться, дорогой зять, — с достоинством отозвался Вэлентайн Глэтинус.

Немедленно в номер был заказан восхитительный колониальный напиток самого лучшего качества. Сэр Илайджа Бенч собственноручно разлил чай по чашкам.

— Думаю, время наступило, — так сказал он.

Сэр Вэлентайн Глэтинус поднял свою чашку и задумчиво посмотрел на любимого зятя. Благородный Илайджа Бенч также взял чашку с чаем, наморщил лоб и повторил менее уверенно:

— Думаю, время чаепития, файв о,клок, — наступило...

Прошла минута. Нарастало тревожное напряжение, чай остывал, как вдруг за окном раздались удары башенных курантов.

Сэр Илайджа Бенч первым сделал глоток и улыбнулся:

— Славные у французов часы. Только отстают немного...

ХОЛОДНОЕ МЯСО

Обедая в ресторане “Этуаль”, в Марселе, сэр Илайджа Бенч заказал порцию холодной телятины.

— Именно холодное мясо составляет гордость английской кухни, — с достоинством сообщил эсквайр официанту.

— У нас дело обстоит точно таким же образом, сэр, — согласился молодой француз. — Пока блюдо горячее — его хочется съесть, но когда остынет — остается только гордиться!

РЕАЛЬНОСТЬ

Достопочтенный эсквайр Вэлентайн Глэтинус со своим зятем сэром Илайджей Бенчем предприняли недалнее путешествие в соседнюю деревеньку.

Илайджа Бенч управлял двуколкой, а сэр Вэлентайн наслаждался размеренным убаюкивающим цокотом конских копыт.

— Возможное в недалеком будущем изобретение самодвижущейся коляски, или же, если прибегнуть к высокому римскому стилю, — автомобиля, — принесет нашему обществу неисчислимые беды, — вдруг заговорил почтеннейший отец семейства. — Я имею в виду не только деградацию моральных устоев общества, утратившего любовь к лошадям!..

— Дорогой мой тесть! Почему вы говорите о будущем?! — изумленно воскликнул достойнейший сэр Илайджа Бенч. — Ведь автомобиль уже изобретен, и множество их разъезжает по улицам Лондона!

Достопочтеннейший Вэлентайн Глэтинус задумчиво смотрел на мелькающие вдоль дороги зеленые лужайки и ответил не сразу.

— А мне приятнее думать, что ничего этого пока еще не случилось, — наконец ответил он.

ПОЛЬЗА

Сэр Илайджа Бенч заказал на все двери комнат таблички с именами.

— К чему это, мой милый зять?! — изумился, узнав о нововведении, хозяин поместья “Старый корень” достопочтеннейший эсквайр Вэлентайн Глэтинус. — Да неужто в родном доме я без таблички не найду двери собственной спальни или комнату моей любимой дочери?!

— Дело в другом, — с достоинством отвечал тестю сэр Илайджа Бенч. — Ничто иное не обостряет ум в такой степени, как ежедневное чтение!

СТАРАЯ КУКЛА

Сэр Илайджа Бенч со своей молодой женой леди Деборой, в девичестве Глэтинус, отправились в свадебное путешествие.

— Милый, — накануне отъезда обратилась к мужу с робкой просьбой добродетельная Дебора. — Могу ли я взять с собою мою старую тряпичную куклу? Ее зовут Дэзи, это подарок моей покойной матушки. С того мгновения, когда кукла попала в мои руки, мы не расставались с Дэзи ни на один день!

— Конечно, дорогая! — легко согласился сэр Илайджа. — Пусть Дэзи едет вместе с нами!

В Марселе молодожены долго любовались заходом солнца. Раскаленное светило медленно погружалось в пенные морские воды.

— Такое не забывается, — тихо прошептала леди Дебора. — Милый, в память об этом чудесном марсельском закате я бы хотела сделать моей Дэзи крошечный пода-

рок. Давай купим ей бриллиантовые сережки?

— Хорошо, дорогая, — согласился сэр Илайджа.

В Неаполе спагетти поливали огнедышащим соусом, а рубиновое вино пахло увядшими фиалками. Не забыли и куклу. Для Дэзи купили двенадцать ярдов отменного бархата, серебряный столовый сервиз и кружевную скатерть.

На Капри светило ослепительное солнце, с утра до вечера кричали чайки, а лодки на берегу серебрились налипшей рыбьей чешуей. Дэзи скромно удовлетворялась дюжиной модных шляпок и ожерельем не крупного речного жемчуга.

Однажды поздним вечером, уже в Палермо, леди Дебора застала своего мужа сэра Илайджу в чрезвычайно мрачном расположении духа.

— Что-нибудь случилось, дорогой? — встревожилась она.

Достоинейший эсквайр прикусил ус, обдумывая ответ.

— Это все Дэзи, — с трудом выдавил он из себя слово за словом. — Сначала она пристрастилась к виски... А сегодня спустила остатки нашего состояния за карточным столиком...

КОМПЕНСАЦИЯ

Сэр Илайджа Бенч как-то признался своему тестю, благородному Вэлентайну Глэтинусу, что не однажды подумывал посвятить свою жизнь английской поэзии.

— Для того были основания? — уточнил сэр Вэлентайн.

— Думаю, несколько месяцев упорного труда поставили бы меня в один ряд с господами Браунингом и Блэйком, — обдуманно отвечал тестю

Илайджа Бенч. — Книги в переплетах телячьей кожи с золотым тиснением стали бы наилучшим вместилищем для моих творений.

Достоинейший пожилой эсквайр глубоко затянулся сигарой, выпустил сизое облако дыма и, глядя сквозь прозрачную пелену на собеседника, спросил:

— И что же остановило вас, дорогой зять?

— Видите ли, я прикинул, во что мне обойдется одна только телячья кожа, — отвечал сэр Илайджа Бенч. — Хорошей выделки материал стоит до пятнадцати гиней за ярд!

Вэлентайн Глэтинус прищелкнул и покачал головой:

— Дороговато!

— А взамен?! — с пафосом закончил Илайджа Бенч. — Ничего, кроме громкой славы!

**ЗАПАХ ЦВЕТУЩЕГО
МОЖЖЕВЕЛЬНИКА**

Под окнами усадьбы “Старый корень” благоухал расцветший можжевельник.

Ясным безветренным утром сэр Вэлентайн Глэтинус, хозяин дома, вышел на прогулку, держа в руках большой хрустальный флакон. Пожилой эсквайр поставил дорогой сосуд в самую гущу можжевельниковых кустов, а через какое-то время закупорил его плотно притертой пробкой.

— Ваши действия, дорогой тесть, вне всякого сомнения, имеют глубокий смысл и благородную цель, — заметил молодой Илайджа Бенч, зять владельца усадьбы. — Однако и то, и другое пока скрыты от моего разума.

— Я поставлю это сокровище на книжную полку у себя

в кабинете, — объяснил благороднейшему сэру Илайдже Вэлентайн Глэтинус, рассматривая хрустальный флакон на просвет. — Ибо там, внутри — воздух, насыщенный ароматом цветущего можжевельника...

— Должно быть, весьма необычно через недельку-другую вытащить пробку и вдохнуть этот нежный запах уже опавших цветов! — вдохновенно заметил Илайджа Бенч.

— Через недельку-другую наступит лето, — покачал головой умудренный жизнью Вэлентайн Глэтинус. — Лето наполнено другими запахами, гораздо более сильными!

— Как и осень, мой дорогой тесть, — деликатно напомнил молодой Илайджа Бенч.

— Увы, друг мой, — согласился седой эсквайр.

— Итак, вы откроете заветный флакон только зимой, прислушиваясь к потрескиванию горящих дров в камине... — заговорил почтительный зять.

— Нет, — грустно покачал головой старик. — Что проку в запахе цветущего можжевельника, когда за окнами бело, а весь Йоркшир по крыши засыпан снегом...

СОЧИНТЕЛЬ

В свою первую брачную ночь леди Дебора Бенч, в девичестве Глэтинус, перед тем, как лечь в постель, потупившись спросила мужа, сэра Илайджу:

— Милый, известна ли вам старинная сказка, которая начинается словами: “Жила была принцесса...”

— Да, дорогая, — признался молодой эсквайр.

Тогда юная леди страстно и настойчиво начала просить мужа рассказать ей эту сказку.

— Когда я была совсем крошечной девочкой, покойная матушка всегда рассказывала мне перед сном именно эту трогательную историю, — объяснила девушка сэру Илайдже свою прихоть. — На четвертом слове глаза сами собою слипались, и уже сквозь дрему я ощущала на щеке матушкин поцелуй...

— Я расскажу вам сказку о принцессе, — безропотно согласился новоиспеченный муж.

А ровно через девять месяцев в славной семье Бенчей родился наследник.

— Я ведь забыл тогда продолжение, — признался жене счастливый отец. — Пришлось выдумывать на ходу...

ФОРТЕПИАНО

Наступило время ленча. Достопочтенный сэр Вэлентайн Глэтинус обсудил со своим молодым зятем Илайджей Бенчем капризы Йоркширской погоды и виды на урожай, как вдруг заметил отсутствие за столом дочери, леди Деборы.

— Женщина без недостатков и причуд — необыкновенная редкость, — хмуро пробормотал пожилой эсквайр. — В своей жизни я встретил лишь одну такую. Это была моя покойная жена...

Сэр Вэлентайн отхлебнул большой глоток портера и неподвижно уставился в угол обеденной залы, где стояло старинное фортепиано орехового дерева.

Юный Илайджа Бенч перехватил взгляд тестя и поспешил продолжить разговор.

— Чудесный инструмент, — сказал он. — Сразу видно, что уже долгие годы его не касалась рука человека!

— О, как она играла! — покачал головой Вэлентайн Глэтинус. — Как она играла! Бывало, объезжая самые дальние поля моего имения я вдруг слышал звуки фортепиано... Я знал, я знал, что эта мелодия вылетает из-под трепетных пальчиков моей душеньки!

Сэр Илайджа подложил на тарелку тестя новый бутерброд, а седой помещик на мгновение перевел дух, вспоминая.

— С годами моя ласточка играла все громче и громче, — вновь заговорил хозяин поместья. — С первыми аккордами с деревьев облетала листва, птицы замертво падали на землю...

Юный сэр Илайджа с нарастающим уважением еще раз оглянулся на ореховое фортепиано.

— Крестьяне окрестных деревень бросали насиженные места и уходили куда глаза глядят, — с грустью продолжал старик. — Многие добрались до Канады... Соседи перестали нас навещать и завалили судебными исками...

— Горько потерять любимую женщину, — сочувственно вздохнул молодой Илайджа Бенч. — я женат всего три дня, но уже успел многое узнать о моей милой Деборе, вашей дочери, сэр! Так вот, она совсем не играет на фортепиано!

Достопочтенный Вэлентайн Глэтинус помрачнел еще больше, пожевал ус.

— Уж лучше бы моя дочь играла на фортепиано, — наконец выдавил он. — Дебора... Дебора поет!

Ольга Колпакова

КОГДА не можешь разобраться, зачем ты в этой жизни нужен, кто-то (Судьба, Бог, кто еще?) подбрасывает тебе случайные и неслучайные встречи, беды и испытания. До тех пор, пока наконец не откроется То, Твое. Если хотите, предназначение... Кому-то все становится ясно с полунамека. Кто-то, сопротивляясь своей судьбе, заставляет ее применять все более жесткие меры. Так случилось с Владимиром.

В генах ему было заложено: резчик по дереву. Вырезал маски, сувениры, как и его отец, балуясь. Но работал на стройке, ни о каком творчестве и не задумывался, пока коварная болезнь не приковала 25-летнего парня к постели. Только Судьба знает, чего ей было нужно: умереть не дала, но заставила к бывшему увлечению отнестись серьезно. И с тех пор, едва Владимир принял решение заняться резьбой всерьез, атаки болезни отступили, не повторялись больше. Владимир думает иногда, что это как наказание, как откуп за здоровье... Воскрешенное им и воскресившее его увлечение вернуло силы, но и новых потребовало немало, потому что трудная, кропотливая и безденежная эта работа: резьба по дереву. Хотел даже ее сменить на что-нибудь другое, но не смог. В моменты вдохновения это наказание начинало казаться наградой. Приходило понимание: нужно делать в жизни то, что у тебя по крайней мере хорошо получается, а лучше, если ты умеешь это делать noticeably от остальных. И, конечно, не бросил вырезать из-за тех, пусть немногих, людей, которым нравятся деревянные статуэтки. Впрочем, это преуменьшение: немногочисленность почитателей... Уже первая выставка, пусть пока не персональная, показала, что выросшие с помощью рук резчика образы тревожат и радуют многих.

Незамысловатые “Отец”, “Мать”, “Гимнастка”... Вызывающие споры “Выбор пути”, “Ожидание”... Обнаженная девушка сидит на распутье, уткнув голову в колени. Дорога могла бы быть и извилистой, и ухабистой. Но она прямая, угловатая... Она — крест. Почему именно так, автор и сам не знает. Ему кажется, что это не заслуга его фантазии, а что-то продиктованное свыше. Навейное не только изгибом ветки или сучка, а подаренное Богом.

Сначала Владимир боялся воплощать то, что хотелось, боялся, что неправильно поймут, не так истолкуют то, что задумал. Поэтому вещи получались законченные. Вот бык как бык. Вот женщина — и все при ней. Они не вызвали эмоций, не будоражили воображения зрителей. Но потом он понял, что нельзя работать с оглядкой, нужно делать то, что тебе хочется, что тебе нравится. И если это нравится тебе, то понравится и еще кому-то. Так стали появляться стилизованные вещи.

Конечно, это тоже пришло не вдруг. Долгое время Владимир делал кич, мишек и другие незамысловатые (в смысле творческого поиска) вещи. Делал добросовестно, как говорят резчики, “без заусенец”. Но все это время крутилось где-то рядом другое, требующее пожертвовать деньгами, сном, временем. Сначала вверх брал долг: надо выспаться, надо заработать. Пытался найти компромисс: резал то, что хотелось, только в свободное время, но муза такого не прощает. Стало невозможно возвращаться к отложенным (до следующего выходного, отпуска и т.д.) фигурам, не получалось довести их до конца: незаконченные в момент вдохновения, — они потом сами к себе не подпускали творца. Тогда наконец Владимир понял: нужно просто сесть и прислушаться к себе. Что тебе нужно

«ПОКРОВИТЕЛИ» ВЛАДИМИРА ШПИЛЬЧАКА

на самом деле, что для тебя правильно и какую дорогу выбрать. Не стоит размениваться. Если что-то хочется сделать, нужно это делать, даже если в этом нет никакого практического смысла. То, что получается в результате, обладает такой энергетической силой, которую чувствует не только автор, но и любой посторонний.

У Владимира на выставке находится больше десятка произведений. Но лишь несколько из них притягивают его, заставляют его постоянно приходить “проведывать”. К сожалению, некоторые изделия попадают в чужие руки по разным причинам, их уже даже не навестишь. Но они так невыносимо к себе зовут. Когда уносишь такое изделие из дома, то как будто пропадает подпитка, уходит часть энергии. Эти вещи — самые любимые. И не важно, что они изображают или из какого дерева сделаны. Они любимы благодаря вдохновению, с которым делались. И каждая несет на себе бытовые подробности: вот эта сделана после того, как болели зубы, эта — когда поспорил с женой, эта после поездки в лес. А в лес Владимир с женой, пятилетним сыном и доbermanом выбирают часто. К деревьям...

Владимиру долгое время ближе всего была липа. Это его дерево по гороскопу. Мягкая, податливая, она принимает те формы, которые нужны мастеру. Но сам мастер не таков. По крайней мере, мне не хватает силы воли бегать больше десятка лет по утрам и вечерам. Сначала по казахской степи, до кладбища и обратно, позже по неосвещенным екатеринбургским паркам. Именно это прописали врачи еле-еле начавшему передвигаться парню. Вообще Владимир серьезно относится к гороскопам. Иначе бы не взялся за коллекцию “Знаки зодиака”. Прошлый год, неблагоприятный по гороскопу для многих, и для Владимира был очень тяжелым. Но, главное, выжили, не босые и не голодные. А “бык” — это его год. Когда решил попробовать резать по кости, то в первую очередь выре-

зал быка. И еще одного своего покровителя: бродячего монаха, поэта, покровителя творческого начала. И птицу счастья. Она тоже в эту компанию вполне вписывается. Пожалуй, сейчас Владимир живет под их защитой. Из каких веков тянется эта потребность: сделать маленькую фигурку покровителя, вложив в нее столько таланта и надежды, сколько потом многие годы будет возвращаться эмоциональной поддержкой, душевным лекарством?

Владимир работает в детском клубе “Радуга”.

Может быть, вам встречалась на многих выставках “Лесная фантазия”: усадьба Бабы-Яги — изба, баня со всем тем, чему и положено быть в бане, вплоть до черпака, колодец, дерево с гнездом, веревка со старушечьими постирушками. Так все правильно и “по-настоящему”, но “лилипутское”. Очень хочется потрогать! Эту сказочную полянку сделали его подопечные. А недавно ребята закончили новую “усадьбу”. Ту, где живет семейка Флинстоун.

Детский дворовый клуб находится в подвале. Весной там тяжелее всего работать. Летом в подвале хорошо, прохладно. Но милее всего зимой, когда тепло, чай горячий, музыка. Слушает Владимир любую хорошую музыку, но на особом месте кассеты со звуком моря, с птичьими голосами.

Резку хоть по камню, хоть по кости или дереву Владимир Шпильчак считает мужским делом. И часто с супругой думают: желали бы своему пятилетнему сыну, который уже всю работу лобзиком, такой вот мужской профессии. Если учесть, что резчик — человек достаточно независимый (точнее, зависит от своих рук, голы и уровня мастерства), то для мужчины это не так уж и плохо. Как неплохо сидеть ночью на кухне, курить, делать наброски и благодарить судьбу (Бога, Случай?) за вдохновение...

*См. слайды Н.Перевышина
на 1, 3-4 стр. обложки*

Валерий Шарин

НАХИМОВ В ФАЛЕРИСТИКЕ

Среди замечательных викторий адмирала Павла Степановича Нахимова победа в Синопском сражении между русской и турецкой эскадрами во время Крымской войны 1853-1856 годов самая известная. 8 парусников под командованием Нахимова атаковали 16 кораблей Осман-паши. Благодаря флотоводческому мастерству, героизму и выучке моряков, турецкий флот был полностью разгромлен. Русские же в этом бою не потеряли ни одного корабля! Синопская виктория по праву считается образцом полководческого искусства эпохи парусного флота. Адмирал Нахимов с 1855 года фактически возглавил героическую оборону Севастополя. Погиб 28 июня 1855 года в бою на Малаховом кургане.

Изображение великого флотоводца мы видим на ордене Нахимова, учрежденном в марте 1944 года. Авторы проекта — художник А.Л.Диодоров и капитан I ранга Б.М.Хомич. У ордена две степени. Он представляет собой выпуклую пятиконечную рубиновую звезду. Ее лучи переходят в лапы якорей. В середине — золотой круг с погрудным рельефным изображением адмирала из полированного золота.

Первыми орденом Нахимова получили начальник береговой обороны Черноморского флота генерал-лейтенант П.А.Моргунов, адмиралы В.А.Андреев, А.Г.Головко. Кавалерами награды II степени стали генерал-майор береговой

службы Е.И.Жидилов и капитан I ранга Д.А.Туз.

Одновременно с орденом была учреждена и медаль Нахимова — случай в истории весьма редкий. Изображение адмирала на ордене и медали идентично.

Медаль Нахимова была “солдатской” наградой. Среди первых награжденных 10 апреля 1944 года — группа моряков-подводников Северного флота, в том числе и наши земляки-уральцы с подводной лодки “Челябинский комсомолец”.

Сегодня эти морские награды — большая редкость. За годы войны орденом Нахимова I степени награждены 80 человек, II степени — 467. Медаль с изображением адмирала получили 13 тыс. моряков.

Награды изготавливались на Ленинградском монетном дворе (рис. 1).

Есть также значки с изображением Нахимова. Среди них знаки Нахимовского военно-морского училища (НВМУ) и Черноморского высшего военно-морского училища (ЧВВМУ), носящего имя флотоводца. Их отличает четкий авторский замысел и качество исполнения.

Из трех созданных в годы войны училищ, ныне действует одно — Ленинградское. Постановление правительства о нем совпало с днем рождения флотоводца — 23 июня 1802 года.

Нахимов изображен почти на всех знаках ЛНВМУ. В основном

они носят юбилейный характер и посвящены знаменательным датам жизни училища. Выпускникам училища с 1958 года вручается специальный знак, в центре которого — медальон с погрудным изображением адмирала. Эти знаки нахимовцы с гордостью носят на груди рядом с другими знаками воинского отличия (рис. 2).

В 1937 году был произведен первый набор в военно-морское училище, что в Севастополе, на берегу Стрелецкой бухты. Ныне это Черноморское высшее военно-морское училище, которому 18 апреля 1952 года было присвоено имя Нахимова.

В годы войны десять офицеров-нахимовцев были удостоены звания Героя Советского Союза. Выпускники свято хранят традиции адмирала и сегодня.

Среди знаков ЧВВМУ наиболее интересен посвященный первому выпуску училища в 1941 году (рис. 3). Ленинградский монетный двор изготовил знак с изображением адмирала в честь 30-летнего юбилея училища (рис. 4). Из числа “самоделок” отметим знак 15-летнего юбилея выпуска 1961 года (рис. 5).

Известны также знаки, посвященные 40-летию Тбилисского нахимовского военно-морского училища (1943-1983), юбилею большого противолодочного корабля “Адмирал Нахимов” и многие другие. Все они — с гордым профилем флотоводца.

